

ИЗБОРСКИЙ клуб

русские
стратегии

№ 9-10(65-66), 2018

Священная
история

Содержание:

- 2** Александр ПРОХАНОВ.
В России — начала и концы мира
- 6** **В поисках Русской мечты и образа будущего...**
(круглый стол Изборского клуба)
- 28** **Священная история — здесь и сейчас**
(доклад Изборскому клубу под редакцией Виталия АВЕРЬЯНОВА)
1. ВРЕМЯ КАК ПРОСТРАНСТВО (стр. 29)
2. ИСТОРИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА (стр. 31)
3. ЭСХАТОЛОГИЯ: ОПТИМИЗМ ИЛИ ПОРАЖЕНЧЕСТВО? (стр. 34)
4. ЛИНИЯ И КРУГ. О ВЛАСТИ НАД ВРЕМЕНЕМ (стр. 37)
5. ПАРАДИГМЫ САКРАЛЬНОЙ ИСТОРИИ (стр. 40)
6. ЛИНЕЙНАЯ ИНВЕРСИЯ РУССКОГО ВРЕМЕНИ (стр. 42)
7. XX–XXI ВЕКА: ВОЙНА ЗА САКРАЛЬНОЕ (стр. 45)
8. ТВОРИТЬ НАЦИОНАЛЬНЫЙ МИФ (стр. 53)
- 58** **Священная история — основа национального самосознания**
(авторский экспертный доклад Вардана БАГДАСАРЯНА)
- 72** Виталий ДАРЕНСКИЙ.
Святая Русь как метафизическое оружие
- 80** Владимир БОЛЬШАКОВ.
Священная история Русской цивилизации и её системные кризисы
- 88** Егор ХОЛМОГОРОВ.
Очерки об агиополитике
- 100** Шамиль СУЛТАНОВ.
Мистика суфийского «вакта»
- 110** **Два мессианства. Противостояние**
(авторский экспертный доклад Владимира МОЖЕГОВА)
- 126** Валерий КОРОВИН.
Битва за конец истории
- 132** Михаил КИЛЬДЯШОВ.
История ведёт тебя к вечности
- 138** Протодиакон Владимир ВАСИЛИК.
Война священная.
О промыслительном значении двух отечественных войн
- 146** Библиотекарь
- 147** Хронология мероприятий клуба
- 149** Стихи Сергея АРУТЮНОВА.
«Я твой росток, я твой изгнанник...»

Общественно-политический журнал «Изборский клуб» №9–10(65–66), 2018 год

Главный редактор — Александр ПРОХАНОВ
Заместитель главного редактора — Александр НАГОРНЫЙ
Заместитель главного редактора — Виталий АВЕРЬЯНОВ
Художник — Василий ПРОХАНОВ
Верстка — Дмитрий ВЕРНОВ
Корректор — Елена ОЗЕРОВА

Иллюстрации — Василий ПРОХАНОВ

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Изборский клуб» обязательна

Адрес редакции: Москва, Олимпийский проспект, 16, стр. 1
Офис Изборского клуба. Телефон: (495) 937 78 65
E-mail: redaction@izborsk-club.ru
Адрес для писем: 129110, Москва, а/я 120
Интернет-сайт www.izborsk-club.ru

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-52751

Подписано в печать: 27.12.2018

Отпечатано в ООО «ТИПОГРАФИЯ АМА-ПРЕСС»

Тираж 1000 экз. Заказ № 2129

/ Александр ПРОХАНОВ /

В России – начала и концы мира

*Россия задаёт миру свои великие вопросы,
на которые у мира нет ответа, эти ответы
есть у России*

Религиозное чувство не уместается в канон, и рождается апокриф. Украинский раскольник Филарет хочет отнять у Русской православной церкви Почаевскую и Киево-Печерскую лавры и даже святой Афон. Может случиться, что русским паломникам будет заказан путь на Святую гору. Не стоит по этому поводу убиваться. Псков — это русский Афон. Там каждый камень, каждый цветок, каждый ручеек светится. Над псковскими лесами и озёрами золотятся дивные нимбы. Там Богородица много раз являла своё чудо. Она и теперь, босая, не касаясь ногами цветов и колосьев, ходит по псковским полям и лесным тропинкам. Псковская земля — это земля Богородицы.

В малом селъце Будник родился князь Владимир — будущий креститель Руси. Здесь крестилась псковская княгиня Ольга. В псковских храмах и монастырях — столько чудотворных икон, подвизалось столько старцев, что русский Псков — Христова обитель. Не надо плыть через моря, чтобы причалив к Афону, столкнуться с запретами. Псков ближе к Небу, оттуда молитвы слышней на Небесах. Россия знает, что её создал Христос. Все мировые святые, поруганные или обветшалые, переселились в Россию. Старец Филофей, богооткровенный монах, поведал нам, что Москва — это Третий Рим. Рим остыл в Италии, остыл в Византии, и Москва приняла к себе Вечный град и вновь возожгла в нём огонь.

Патриарх Никон основал под Москвой Новый Иерусалим, перенёс в Подмоскovie все имена и названия святых палестинских мест,

будто эти подмосковные рощи и пашни, городки и селения исходил Спаситель. Под Новым Иерусалимом течёт Иордан, высится Фавор, здесь Голгофа и Крестный путь, Гефсиманский сад и Генисаретское озеро. В Палестине Иисус родился, был распят, воскрес и вознёсся на Небо. Следующее Его пришествие на Землю, верил Никон, состоится здесь, в России. Он, основав свой дивный монастырь, готовил космодром для Христа.

Но второе пришествие уже совершилось. Оно совершилось в России во время Великой Отечественной войны, когда Россия подверглась нападению демонов, на неё нахлынули силы ада, и советские солдаты (и все советские люди), сражаясь с демонами, превратились в ангелов. Они защищали не просто Москву, Сталинград или Курск, они защищали Царствие Небесное. Ибо там, где кончается Россия, начинается Царствие Небесное. Битва за Россию была битвой за Царствие Небесное. На помощь Красной Армии в Россию с небес сошёл Христос. В окопах под Дубосековым среди 28 гвардейцев-панфиловцев Он объявлялся гранатами и ложился под фашистские танки. В Петрищеве на морозе, когда фашисты надевали верёвочную петлю на тонкую шею Зои Космодемьянской, эту петлю они надевали на шею Спасителя. В Сталинграде, где изнурённые красные воины поднимались в атаку и кидались на фашистские пулемёты, среди них с винтовкой наперевес бежал Иисус. На Курской дуге Христос сидел в Т-34 и горел вместе с танкистами, стена от страшных ожогов, лежал вместе с ними в лазаретах. В сорок

Через Аркаим, а не через Гринвич, будет проведён начальный меридиан, и пойдёт отсчёт часовых поясов. Мы перенесём в Россию Гринвич, как перенесли в своё время в Россию Рим и Иерусалим. Россия, запуская в космос корабли и ракеты, ищет на Земле место, откуда удобнее всего улетать на орбиты и развешивать на этих орбитах космические поселения. Мы перетянем к себе всё звёздное небо. Над Россией вместе с Большой Медведицей и Кассиопеей будут сиять все созвездия мира. Мы сможем поднимать в космос наши космические корабли из любой ярославской деревушки.

пятом на кровле Рейхстага вместе с советскими пехотинцами Он держался за древко красного знамени, и вокруг алого полотнища сиял золотистый нимб.

*Отягчённый трёхлинейкой,
Всю тебя, земля родная,
Бог в солдатской телогрейке
Исходил, благословляя.*

На Южном Урале таинственный Аркаим есть матка, откуда вышли на свет арийские племена. И одни из них, как повествует «Ригведа», ушли в сегодняшнюю Индию, а другие, по сказаниям «Авесты», ушли в Иран. И двинулись дальше на запад, создав сегодняшний Западный мир. Не Рим, не Афины, не Берлин, не Париж являются родиной западных народов, а русский Аркаим, где по сей день в погребениях в позе эмбриона лежат предтечи индусов, иранцев, европейцев, и в их пустых глазницах сверкают кристаллы горного хрусталя. В Аркаиме начинается летоисчисление западного мира. Через Аркаим, а не через Гринвич, будет проведён начальный меридиан, и пойдёт отсчёт часовых поясов. Мы перенесём в Россию Гринвич, как перенесли в своё время в Россию Рим и Иерусалим.

Россия, запуская в космос корабли и ракеты, ищет на Земле место, откуда удобнее всего улетать на орбиты и развешивать на этих орбитах космические поселения. Мы используем для этого казахский Байконур, африканский космодром в Гвинее, проектируем морские старты у экватора. Но эти усилия

излишни. Мы перетянем к себе всё звёздное небо. Над Россией вместе с Большой Медведицей и Кассиопеей будут сиять все созвездия мира. Мы сможем поднимать в космос наши космические корабли из любой ярославской деревушки.

Андрей Первозванный отправился в миссионерский путь через Чёрное море, Дон, Волгу, через Оку и Ладогу на север, в варяги. Двигаясь по водам среди славянских племён, он проповедовал Христа на русском языке. Предания утверждают, что, произнося проповеди на русском, он окал. И люди, живущие во Владимире, Ярославле и Костроме, тоже окают, ибо они переняли это оканье от святого Андрея. Иисус родился среди еврейского народа, но родился не для евреев, а для русских. Он ушёл из еврейского мира, который сомкнулся за Его спиной. Ушёл туда, где должна была появиться Россия. Он ждал, когда на севере под Полярной звездой возникнет новый народ, ибо Полярная звезда есть звезда Вифлеемская, которая дошла до будущих русских пространств и остановилась на небе, возвещая о начале России.

Возникла молодая Россия, и в Киеве сел на престол князь Владимир. Тогда Иисус указал ему путь в Херсонес и там крестил его. Не князь Владимир выбрал православие среди прочих религий, а православие выбрало князя Владимира, выбрало Россию и сделало князя святым. Иисус поставил князя Владимира босыми ногами в купель и полил его из серебряного ковша святой водой. Свет православия из Херсонеса полыхнул до Киева, до Урала, до Тихого океана, до Аляски, до форта Росс. Илья Сергеевич Глазунов утверждал, что Христос имел голубые глаза и русые волосы и что Он был славянин.

Всё это — Русская мечта, которая не оставляет русскую душу в течение многих веков, передаётся как заповедь из поколения в поколение, от алтаря к алтарю, от креста к кресту. Это Русская мечта о Царствии Небесном, ибо там, где кончается Россия, начинается Небесное Царство. Граница России проходит по полярным льдам, по прозрачным кристаллам, в которых гуляют полярные радуги и мерцает драгоценный свет голубой Полярной звезды — звезды Вифлеемской. Граница между Россией и Царствием Небесным проходит по каждому русскому сердцу.

Россия задаёт миру свои великие вопросы, на которые у мира нет ответа, эти ответы есть у России. В России — начала и концы мира. Россия — мессианская страна, а русские — мессианский народ.

На Урале есть подземный ход, именуемый Ганиной Ямой. В эту тёмную щель кануло великое трёхсотлетнее царство. Из этой щели дует ледяной сквозняк преисподней. Говорят, что сквозь Ганину щель можно проникнуть в подземное царство. А на реке Чусовой, уверяют местные жители, есть подземный лаз, сквозь который можно проникнуть в Беловодье, русский рай. В России есть колодец, прорубленный в бескрайнюю бездну тьмы, и есть колодец, ведущий в немеркнущее лучезарное небо.

Россия — страна великих трудов. В старину этими трудами русские ковали мечи и шлемы, выкладывали печи и крепостные стены, стругали коромысла и прялки. В наше время мы строим этим трудом танки и хрупкие хрустальные приборы, по которым космические корабли ориентируются среди звёзд. Но русский труд — это не только труд мастерских и заводов. Это труд по созданию государства Российского, великой империи между трёх океанов. Пока в Европе изобретали утончённые швейцарские часы, русские строили государство из двенадцати часовых поясов. Русский труд — это труд по восхождению в Царствие Небесное, ибо Царствие Небесное усилиями берётся, великими трудами. Труд

по преодолению в человеке всего тёмного, косного, непрозрачного, всего, что влечёт человека в Ганину Яму. Труд, влекущий нас к свету, влекущий нас к реке Чусовой, к тому заросшему потаённому лазу, через который мы попадём в Беловодье. Русский труд — это труд земной и небесный.

Филарет отнимает у православия огромные пространства Украины, прибирая к рукам монастыри и приходы. **Мы утратим пространства, но у нас остаётся время.** Вторая христианизация, о которой говорит наш патриарх, касается не только пространств, но и времён. Мы христианизируем весь XX век, перестав называть его сатанинским веком сталинской Красной империи. Мы осмыслим этот век как продолжение Русской мечты, облачённый в алые ризы мистической русской Победы. Мы поставим алтари в местах великих битв, где красные ангелы мчались в Т-34, краснзвёздных истребителях и штурмовиках, с криком «ура» бежали в атаку.

Христос не бывает поругаем. Россия не бывает поругаема. Россия, если она теряет свои земные пространства, тут же прирастает пространствами Царствия Небесного. Россию сотворил Христос, и об этом повествует Русская мечта.

В поисках Русской мечты и образа будущего...

*Предлагаем вашему вниманию материалы круглого
стола Изборского клуба, прошедшего в Москве
10 октября 2018 года*

Александр ПРОХАНОВ,
*председатель Изборского
клуба:*

— Русская мечта — это категория таинственная и весьма сложно-определимая. В этой категории присутствует, может быть, много религиозного, метафизического и, конечно, поэтического. Это некая метафора. Но при всей её расплывчатости и некоторой даже сказочности Русская мечта есть плазменное, огненное ядро, которое находится в недрах народа и позволяет народу оставаться самим собой на всей линии его исторического движения. В этом ядре объяснение, почему этот народ таков, почему у него такие песни, такие герои, почему он выбирает такие пути для преодоления катастроф, почему он не унывает и не падает в самые грозные, страшные минуты своего пребывания на земле.

Тот, кто владеет мечтой, в данном случае Русской мечтой, — владеет народом. Бывали такие периоды, когда наш народ оставляла эта возвышенная мечтательность, тогда терялась страна, тогда разверзались огромные чёрные пропасти и народом овладевали другие силы, другие исторические энергии и даже другие страны. Потом эта мечта так или иначе возвращалась в сознание народа, и она позволяла перепрыгнуть, перелететь эти страшные дыры в истории.

Как определить эту мечту? За этим столом, как бы он ни был оснащён высоколобыми коллегам, эту мечту, по-видимому, не определить. Её не определить, как говорил Бисмарк, за белым ломберным сукном. Мне кажется, её можно найти и нащупать, если проследить, как на длинной линии русской истории в разные времена эта мечта формулировалась устами разных, самых лучших представителей нашего народа.

Волшебные русские сказки. Посмотрите, ведь в них выраже-

на квинтэссенция сегодняшней цифровой русской реальности. В этих сказках — молодильное яблоко, которое предотвращает раннее старение и смерть; мёртвая и живая вода, которая предполагает воскресение. В русских сказках есть Иван-дурак, который, казалось бы, балда, балбес и даже лентяй, но ему за одну ночь удаётся построить храмы, построить чудесные города. И ему, дураку, простаку, Господь даёт возможность осуществить невероятное — поймать жар-птицу. А люди просвещённые, умные, властные, гордые, близкие к престолу не справляются с этой задачей.

Православный этап. Мне кажется, что православное сознание постоянно формулирует Русскую мечту в богословских терминах и приравнивает её к поискам и обретению Царства Небесного. Под Москвой, в Новом Иерусалиме, стоит грандиозный, восхитительный монастырь, возведённый патриархом Никоном. Патриарх строил этот монастырь для того, чтобы здесь, под Москвой, осуществилось второе пришествие. Он перенял топонимику Святой земли и создал под Москвой Фавор, Иордан, крестный путь, Голгофу, Генисаретское озеро. Он полагал, что Россия и Царствие Небесное очень близки одно к другому, переходят одно в другое.

Русская культура, русская поэзия, русская литература — всё говорит, каждый творец на свой лад, о Русской мечте. Каждый великий русский художник — мечтатель, он всё время выхватывал у неведомого формулу русского сознания, русской силы, русской красоты, богатства. Он боролся с тьмой. Он воспринимал Россию как страну, на которую обрушиваются чудовищные, демонические силы мира. И эту тьму, это тёмное наваждение Россия постоянно в силу живущей в ней мечты превращает в свет, одолевая тьму.

Русский космизм. Абсолютно русский тип — Николай Фёдоров, который полагал, что соединение ультрасовременной, даже ещё не сложившейся науки с духовным просветлением позволит воскрешать из мёртвых отцов, искупая их грехи. И по существу, из Фёдорова, из его фантазмагии родился Циолковский, родился весь русский проект покорения космоса. Русская мечта, изложенная в фёдоровском учении, превратилась, по существу, в наши космические орбитальные станции. И сегодняшний наш военный и технический космос по-прежнему является воплощением Русской мечты.

А большевики, которые стремились построить Царство Небесное на земле, их проекты, их стремления, их упования, их провалы, их жестокость, их сентиментальность? Ведь строилось общество, которое должно было обеспечить мировую, вселенскую справедливость. И победа красных в период Отечественной войны — это и есть победа справедливости. Что может быть несправедливее фашизма? И что может быть справедливее разгрома его?

Формула Русской мечты, высказываемая каждый раз в своё время, существует и сегодня. Например, Евгений Родионов, который сложил свою голову на чеченской войне за Родину, за армию, — он погиб за эту возвышенную, баснословную и прекрасную мечту. За меньшее человек, особенно молодой человек, не может погибнуть. Или шестая воздушно-десантная рота, которая легла костями на горном перевале. Мы недавно были там и видели этот одинокий и таинственный крест, который стоит в чеченских горах на местах их гибели. Или «Бессмертный полк»? Это воскрешение из мёртвых, это пасхальное шествие. И люди, которые несут над своими го-

ловами отцов, они, по существу, стремятся их воскресить.

Поэтому формулирование Русской мечты так, как она может звучать сегодня, перевод этой формулы с архаического языка на современный язык, мне кажется, могли бы помочь народу в эти тяжёлые и смутные времена, которые наступили, одолеть печали, вернуть солнечное, чудотворное ощущение, которое возникло после возвращения Крыма, одолеть уныние, которое лишает возможности работать, строить, любить, рожать детей...

Валерий КОРОВИН,
директор Центра геополитических экспертиз, заместитель руководителя Международного евразийского движения:

— Благодарю вас, Александр Андреевич, за эти прекрасные образы, которые не могут оставить равнодушным ни одного русского человека. Я бы хотел в развитие образа нашей мечты обратить внимание на две базовые, как мне кажется, ключевые категории, которые и формируют и образ русского будущего, и контуры наших мечтаний.

Первая категория — это понятие «народ», именно «русский народ», которое отличается от бытового восприятия термина, который мы часто используем. Народ — это коллективная идентичность, это органическая общность, а не сумма атомарных механических единиц, как трактует народ модерн и современное общество. Народ выходит из единого корня и ощущает себя как единое целое. Народ — это те, кто уже умер за Русскую мечту. Это те, кто вместе с нами созидал нашу историю, и те, кто ещё не рождён этой общностью и этим единым целым.

Таким образом, образ «Бессмертного полка» — это и есть символ единения мертвых и не-

рождённых, которые составляют единое целое народа. Народ — это общая история, весь этот тысячелетний цикл. И она неразрывна, она не сегментируема, и она сопresentствует с нами, составляя единое целое. Народ — это единая культура, которая создается им и выходит за границы физического и материального. Это то, как русские люди мыслят себе не материальное, не физическое, а метафизическое, выходящее за грани физической реальности. Народ — это общая вера, которая объединяет всех нас. Если мы верим так же, как другой, то мы обнаруживаем единый, тождественный нашему корень нашей общности.

И вторая категория, на которую я хотел бы обратить внимание, — это категория вечности. Мы привыкли сегодня жить во временных циклах и мерить историю временными отрезками, но тем не менее вечность — это то, что позволяет нам ощущать себя единым народом всегда. Вечность не была и не будет, она есть, и мы в ней сопresentствуем и создаем. Вечность — это отсутствие рождения и гибели. Это то, что объединяет нас в единое целое. И в вечности ничего нет в потенци. Всё действительно, и всё сосуществует вместе с нами. Вечность непобедима и неделима. Поэтому, говоря об образе будущего, я предлагаю немножко выйти за рамки материального и физического и понять, что материальное и физическое имеет начало и конец. Если мы достигли определённой цели, поставленной нами, значит, эта цель исчерпала себя, она преодолена. Но тогда нет смысла что-то планировать, если оно имеет своё завершение. Конечность обесценивает цель. А вселенская справедливость, о которой говорил сегодня Александр Андреевич, бесконечна и цельна. Так мыслит русский человек себе

созидание, смысл и цель. Именно вечность и представляет собой совершенную жизнь, жизнь русского человека, русского народа. И эта цельность является для нас и главной движущей силой, и источником вдохновения для созидания.

Георгий МАЛИНЕЦКИЙ,
завотделом моделирования нелинейных процессов Института прикладной математики РАН, доктор физико-математических наук:

— Мне кажется, что здесь можно подойти так, как подходит в математике. А что мы возьмём из прошлого? Что будет инвариантом? Что будет неизменным? Если надо определить три характерных черты нашей цивилизации, то, по-моему, это будет правда, справедливость и соборность. Помните, не в силе Бог, но в правде. Мне бы хотелось, чтобы следующему поколению так же, как и мне, нравилась песня «Я, ты, он, она // Вместе — целая страна. // Вместе — дружная семья. // В слове «мы» — сто тысяч «я»». Именно сочетать таланты, национальную гениальность разных людей — это мечта.

Мы пытаемся всё время у кого-то учиться. Мы сначала учились у немцев, потом у голландцев, потом у американцев. Вспоминается генерал Ермолов, когда царь награждал. «А чем тебя наградить, генерал?» — «Произведи меня в немцы». И царь очень обиделся.

Императивы нашей цивилизации: духовное выше материального, общее выше личного, будущее выше настоящего и прошлого, справедливость выше закона. И мне кажется, ещё одна вещь: настоящая реальность гораздо важнее виртуальной. Человек важнее цифры.

Сейчас происходит переход от индустриальной к постиндустриальной фазе. Но что такое —

постиндустриальная фаза? Из ста человек в развитых странах два работают в сельском хозяйстве и кормят себя и всех остальных, десять — в промышленности, тринадцать — в управлении. Что должны делать ещё 75? Как отвечает Запад? «Мы построим многоэтажный мир, а 75 человек будем дурачить, отвлекать, развлекать. Мы их погрузим в цифру». На мой взгляд, это должно быть нечто иное — это удивительная возможность для творчества, для науки, для искусства.

Если мы посмотрим на нынешнюю Россию, она очень похожа на гонщика на треке. Мир в похожей ситуации. Мы просто боимся двинуться. На мой взгляд, если мы дадим смыслы и ценности этим самым 75 человекам, у нас есть возможность прорыва. А если мы не дадим, согласимся быть «третьеразрядным Западом», у нас нет будущего.

Мы не Запад, мы не Восток. Мы, скорее, цивилизация Севера. Мы уникальны и самодостаточны. И за 30 лет мы потеряли главное. Помните, как поэт говорил: «Был целый мир провинцией России. // Теперь она провинция его». Нам надо покончить с национальной неполноценностью и со своей провинциальностью, которая сидит в нашем сознании как болезнь.

Мы не Запад, потому что там, где у них закон, у нас культура и совесть. Там, где у них каждый за себя, а один Бог за всех, у нас, наоборот: сам погибай — товарища выручай.

И ещё одна важная вещь. Когда великий русский мате-

мик академик Колмогоров выступал на мехмате, — он был недолгое время деканом мехмата, — его спросили: «Что самое главное в работе мехмата?» Он ответил: «Вы знаете, самое главное для всех нас — это научиться прощать другим их талант». Мне кажется, этого нам очень остро

не хватает. У нас есть огромное количество очень ярких, талантливых людей. Я приведу простой пример. Есть так называемая идея вакуумного транспорта, которая фактически доведена до реализации. Это возможность двигаться по некоей трубе со скоростью 6400 километров в час. Это сделано в России, но этого почему-то не знают. А когда об этом сказал Илон Маск, все прислушались и потом начали это финансировать. Аналогичная ситуация — так называемая низкоэнергетичная ядерная реакция. Опять же здесь первооткрыватель Россия, здесь наш приоритет, но наше правительство ценит лишь то, что сделано на Западе. Сегодня мне рассказывали про удивитель-

ный проект, который позволяет в цифровой плоскости сделать ещё один уровень. Я спрашиваю: «А как администрация?» Они дали ответ: «Если на Западе нет, так и не надо».

Мне кажется, что мечта состоит в том, что мы, наконец, поймём, что мы не должны быть вторичными, что у нас есть свой путь, свои возможности и многое другое. Что же мы дадим миру? Мне кажется, что ситуация такова.

Каждый вид имеет некую экологическую нишу. Каждый раз, когда глобализация доходила до границ старых ниш, мы оказывались на пороге мировой войны. И поэтому мне кажется, что сейчас историческая задача России — это найти новые экологические ниши.

Я вижу три. Это Северная Евразия. По сути дела, мир освоен только там, где есть берега, море. Вглубь континенты мы не научились осваивать. Второе — это глубины океанов. И здесь у нас тоже есть удивительные разработки и огромные перспективы. Просто этим надо всерьёз заниматься. И третье — нам необходимо космос. Мы открыли туда дверь. И так же, как люди, открыв Новый Свет, открыли тем самым новые возможности, новую цивилизацию, новый мир, нам надо идти к звёздам.

Виталий АВЕРЬЯНОВ,
*заместитель председателя
Изборского клуба, доктор
философских наук:*

— Думаю, что здесь не нужно никого уговаривать мечтать. Изборский клуб — это собрание

мечтателей. Хотя многие люди неправильно понимают это слово, забыли, что такое мечты. Огромная гипнотическая сила заложена в этом феномене. Это далеко не только мифопоэтический образ. Я об этом писал в своём докладе, который выходил в прошлом году, и не буду сейчас повторяться. Скажу только, что это то свойство, которое делает человека человеком. Это вместилище для «отсутствующего», откуда реализуется культура, разворачивается культура.

Но тут есть подводный камень. Дело в том, что, согласно всем авраамическим религиям, человек отличается от ангела тем, что он свободен. У него есть право выбора, право на сотворение того, чего не было ранее. Но как всякое право выбора, оно может иметь и негативную сторону. Например, тот же Ф.М. Достоевский очень любил мысль, часто повторял её, в частности, в «Записках из подполья», что человек «из одной только неблагодарности и пакости мерзость сделает», добавляя при этом, что «это и есть фантастичность его мечты». Или в «Преступлении и наказании», если помните, Свидригайлов говорит, что вечность — это, может быть, всего лишь тёмная грязная баня с паучком. И когда Раскольников удивляется такой безобразной мысли, он отвечает: «А я бы так непременно нарочно сделал». Сам Достоевский характеризует эту мысль, что в ней самоказнь, человек сам себя казнит.

А почему происходит самоказнь? На мой взгляд, так осуществляется протест против отсутствия настоящей мечты. Когда горизонт настоящей мечты закрыт, сила мечты ищет выход через саморазрушение. И духовный сын Достоевского, Василий Васильевич Розанов, который, на мой взгляд, является самым радикальным русским философом-мечтателем, объяснял генезис

приближающейся революции тем, что «у нас иссякла мечта своей Родины». Вместо мечты у всех тех, кто окончил университет, — «проклятая Россия». Ослаб великий фетиш, кончилось иконопочитание, говорил Розанов. И вместо этой старой мечты пришла «злая мечта» — революционная.

Но никто Русскую мечту не смог отменить и похоронить после 1917 года. Она поднялась на новый уровень, на новый виток своего развития. Материалисты повторяли, что теория, овладевая массами, становится материальной силой. Что это, как не апофеоз мечтательности?

Русские склонны к мечте по своему ментальному устройству, что подкрепляется данными культурологии, психологии, социологии. Приведу пример двух генералиссимусов в нашей истории. Александру Васильевичу Суворову принадлежит потрясающая фраза: «Я живу в непрестанной мечте». «Непрестанной» — заметьте, превосходная степень. А Суворов, как известно, никогда не кривил душой. Другой наш генералиссимус, Иосиф Виссарионович Сталин, как Коллонтай в своих записках вспоминает, говорил о том, что русский народ мечтателен. Вообще это его высказывание заслуживает того, чтобы его процитировать целиком: «Русский народ — великий народ. Русский народ — это добрый народ. У русского народа ясный ум. Он как бы рождён помогать другим нациям. Русскому народу присуща великая смелость, особенно в трудные времена, в опасные времена. Он инициативен. У него — стойкий характер. Он мечтательный народ. У него есть цель. Потому ему и тяжелее, чем другим нациям. На него можно положиться в любую беду. Русский народ — не одолим, неисчерпаем».

Не знаю, насколько Коллонтай точно процитировала, но это, конечно, очень поэтичные слова, и в то же время они выстраданы. В них спрессован опыт многих поколений исследователей русской идеи. Этот философский жанр русской идеи является ничем иным, как описанием и угадыванием Русской мечты,

русской миссии, образа будущего и идеала. И я как специалист могу сказать, что никакой одной-единственной русской идеи никто не открыл. Её, наверное, и нет. Потому что мы видим целую цепь русских идей, цепь с бесконечным количеством звеньев. Они соединяются в некое единство, я бы так сказал, в некую смысловую семью.

Владимир Соловьёв позаимствовал формулу русской идеи из знаменитой речи Достоевского. И так зародилась вся эта удивительная генерация философских обсуждений. У Достоевского русская идея звучит достаточно ёмко: всемирная отзывчивость, всечеловеческое братство. И, безусловно, это он сделал не на пустом месте. За его спиной стояли славянофилы, которые уже почти полвека разрабатывали сложнейший концепт соборности — безусловно, уникальный вклад в философию. С другой стороны, славянофилов увенчивал Данилевский с его представлением о своеобразии русского культурно-исторического типа и неповторимой миссии России. Поэтому Достоевский стоял на плечах своих предшественников, а от него далее уже пошёл расцвет мечтаний о русской идее.

Здесь невозможно не то что описать, но даже и перечислить все варианты русской идеи и Русской мечты. Но среди всех вариантов на одном из самых главных мест стоит «Святая Русь». Это не сакральный топоним, это личное имя, некая сущность, которая проецируется на землю. Почему, кстати, в древних былинах и духовных стихах говорится о том, что и события времён Иисуса Христа, и даже само сотворение мира происходило на Святой Руси. В этом смысле она является и истоком, и завершением истории, той самой «новой землёй и новым небом», к которому стремится религиозный дух чело-

века. Но в то же время она проецируется на конкретную землю в конкретное время, причём её граница пульсирует, всё время меняется.

Другой важнейшей ипостасью Русской мечты является царство правды, имеющее разные воплощения. Здесь и идеал бегунов и странников, и разнообразная народная утопия. Но это также идеал социально-исторический, вера в то, что царство правды может и должно действительно реализоваться, — и здесь народники, а затем большевики угадали вековое чаяние, дав его довольно-таки приземлённую трактовку как социальной справедливости и равенства в распределении благ.

Наконец, ещё одним важнейшим изводом Русской мечты, русского мессианства является идеал твердыни, Третьего Рима, царства верных, в котором осуществляется финальное и наивысшее воплощение странствующего града, переходящей империи. Если русских спросить, мечтают ли они о мировом господстве, то ответ будет отрицательный. В отличие от многих других народов здесь речь идёт об обуздании хаоса, об обуздании претендентов на мировое господство. Об этом сейчас очень многие стали говорить, а ещё лет десять назад это была довольно свежая мысль. В то же время идея удержания зла, задержки Антихриста, ограждения от хаоса очень древняя, она проблескивает и у Пушкина, который говорил о том, что Россия спасла Европу от страшного нашествия орды. Но ещё дальше — она имеет своего предка в византийском учении об Удерживающем, а также просматривается в московском гербе Георгия Победоносца.

Если перечитать сегодня те письма, в которых старец Филофей в начале XVI века сформулировал доктрину Русского царства

как Третьего Рима, то на поверку окажется, что они, особенно письмо к великому князю Василию III, удивительно актуальны. Посмотрите, псковский старец пишет о том, что нужно опасаться сребролюбия и упования на богатство — адресуя эту мысль государю, а через него всей власти. Второй тезис: нужно заботиться о том, чтобы вера была правильная, в частности, исправить неточное крестное знамение, укрепить институт епископов и так далее. Третье — что содомия затопила часть общества, ту прослойку, которая, как мы знаем, была связана с известной новгородской ересью жидовствующих. Нужно встать накрепко в духовную брань против этой содомской мерзости, ибо в ней самоуничтожение человеческого естества. Именно в таком контексте, контексте трёх этих тезисов рождается определение: «И твоё христианское царство не сменится другим царством. Два Рима пали, третий — стоит, четвёртому же — не бывать». Иными словами, весь мир уже опускается в бездну, силы бездны пытаются проникнуть и в Россию, но — «ты являешься оплотом того, что тебе вверено». И результатом всего — пророчество Филофея, что Россия достойна до конца времён. Это пророчество-мечта, самый высокий из всех видов мечты.

Это чрезвычайно актуально и можно без труда перевести на современный язык. Неудивительно, что русские люди, люди Третьего Рима, как специальный народ Удерживающий, всегда остро переживали мировые проблемы. Есть такая шутка: одёжка на нём — заплатка на заплате, а думает о китайском пролетариате. Это действительно так. И сегодня Путин чувствует эту ментальную установку русского народа, опирается на неё. Но того, что есть сегодня, явно недостаточно. Существенно необходимо,

на мой взгляд, развернуть эту идеологию миродержавия, сделать её ясной, артикулированной, провозгласить во всеуслышанье. Потому что это, во-первых, нас самих утвердило бы в своём предназначении, а во-вторых, было бы понято и принято многими народами на земле.

Николай СТАРИКОВ,
*писатель, лидер
общественного движения
«Великое Отечество»:*

— Изборский клуб является собранием государственников, все присутствующие, безусловно, считают усиление, укрепление, сохранение российской государственности безусловным и главным приоритетом. В этом мы все сходимся.

Есть ли у русского народа мечта? Конечно, она существует. Её можно долго формулировать. Это очень сложная субстанция. Но я бы какие-то основные постулаты взял бы на себя смелость произнести. Это сильное государство, это справедливость, это достойная жизнь и обязательно самостоятельность в принятии решений.

Русского человека угнетает, если решения принимает за него кто-нибудь, особенно если этот «кто-нибудь» находится за пределами нашего государства. Если страна наша слабая, русский человек чувствует дискомфорт, ему это не нравится, он начинает задыхаться в своей собственной стране. Острое переживание несправедливости является краеугольным камнем нашего национального сознания. Любое проявление несправедливости, начиная с безобразных футболистов-миллионеров и заканчивая маленькой пенсией, которую получает заслуженный человек, вызывает возмущение. Отсюда и желание русского человека эту несправедливость устранять. Только мы можем

отправиться совершенно бесплатно, совершенно бескорыстно помогать другим народам.

Сегодня, мне кажется, та Русская мечта, которую себе представляет русский народ, категорическим образом начала расходиться с тем, что происходит в настоящем. Возникает дискомфорт между тем, что люди хотели бы видеть и что они видят сегодня, а также с тем, какой образ будущего рисуется в ближайшей перспективе.

На сегодняшний момент, мне кажется, в нашем обществе самый настоящий либеральный ренессанс. Безусловно, никакого обмана формально не происходит. Никто не обещал, что не будет пенсионной реформы. Никто не обещал, что не будут повышаться цены на бензин. Никто не говорил, что НДС будет единый, неделимый и нерушимый навсегда. Но те шаги, которые сегодня осуществляются правительством, на поддержку которых брошен авторитет президента, вызвали сначала недоумение, потом они вызвали непонимание, после чего они вызвали негодование у большинства сегодняшнего населения России. В том числе и большинство присутствующих здесь экспертов, уж возьму на себя смелость, находится в недоумении от того, что сегодня происходит в политическом поле нашей страны. И в этом смысле наша мечта как граждан России не совпадает с тем рисунком будущего, который сегодня нам предлагается.

Вот я назвал четыре составляющих Русской мечты. Сильная страна. Да, сегодня она есть, она усиливается, и мы это поддерживаем. Но одновременно с этим мы видим отсутствие справедливости. Пенсионная реформа вызвала всеобщее возмущение именно отсутствием справедливости, а также формой её «рекламы». Такое впечатление,

что кого-то хотели обмануть, хотели сделать это незаметно, между политическими ток-шоу. Зачем так было делать? Спокойный, взвешенный разговор с русским народом всегда даёт прекрасный результат. Наши люди готовы затягивать пояса, они затягивали их неоднократно. Но они не хотят чувствовать себя людьми манипулируемыми. Люди сегодня понимают, что в будущем достойная жизнь им отнюдь не гарантирована.

И, наконец, самостоятельность, что важно для любого русского человека. Мы с вами видим, это следует из документов, которые в открытом доступе находятся, что та же самая пенсионная реформа и повышение НДС — это прямое следствие приезда целой бригады МВФ год назад. О какой самостоятельности решений здесь можно говорить?

К чему это приводит в общественном поле? Разрушается самое главное — тот базис, на котором наше государство всегда стояло и что является одним из главных достижений правления Путина: согласие между народом и властью. Сегодня количество поддерживающих власть буквально за несколько месяцев растаяло, как снег весной. Я это прекрасно знаю по моим коллегам по общественной организации и по другим организациям.

За год с небольшим власть обезоружила идеологически, организационно, обесточила финансово и тем самым фактически разгромила практически все общественно-политические силы, которые поддерживали Путина. Те силы, которые выходили когда-то на Поклонную, кто удержал страну от падения в ту бездну, которая образовалась в начале 2012 года, сегодня находятся в крайне печальном состоянии. Но они ведь не просто перестали существовать. Нет,

они существуют, но они крайне ослаблены, а часть их участников просто радикализовалась. Те товарищи, которые безоговорочно поддерживали президента несколько лет назад, сегодня засомневались в том, что их тогдашний выбор был правильным.

Я не могу объяснить, почему власть осуществила такие шаги, которые выбили из-под неё искреннюю поддержку значительной части населения. Это тоже вызывает большое недоумение. И, конечно, это не помогает воплощению той Русской мечты, которую мы с вами хотели бы видеть.

Образ будущего, который сегодня предлагается властью народу, народ не устраивает. Это вызывает социальное напряжение, но это не приведёт к каким-то масштабным социальным протестам. Люди просто уйдут в глухую оппозицию. По сути, повторяется история позднего Советского Союза. Тогда кто-то выступал на высоких трибунах. Все аплодировали, но в душе не верили в то, что слышат, не верили в ту идею, ради которой проводились эти самые собрания. В итоге государство при малейшем воздействии рассыпалось.

Сегодня это самая страшная опасность: рост апатии, разрушение связи между государством и народом. В этом смысле я абсолютно согласен со словами об окончании солнечного настроения, которое царит в обществе после Крыма. Вроде ничего не поменялось, вроде всё то же самое, но мы физически ощущаем напряжённость, которая висит в воздухе.

Мы ощущаем если не упадок, то упадочное настроение, которое царит даже у тех в душе, кто, казалось бы, вполне себе успешен и с кем ничего страшного не происходит. Общее общественное настроение негативное. Великие свершения с таким настроением не делаются.

Никакого нового консенсуса власть народу на сегодняшний момент не предложила. И всё это происходит в ситуации усиления внешнего давления, которое будет лишь нарастать. Только сплочённость внутри поможет нам пережить этот сложный геополитический период. Мы все выступаем за сильное государство, но мы хотели бы, чтобы за сильное государство выступало и само государство. Потому что общественные силы не могут заменить государство в этой политике ровно так, как партизанские отряды не могут заменить регулярную армию. Таким образом, мы ждём, когда государство начнёт снова выступать за сильное государство.

Михаил КИЛЬДЯШОВ,
председатель правления оренбургского регионального отделения Союза писателей России, председатель оренбургского отделения Изборского клуба:

— Всё-таки давайте немножко возвысим вектор. Действительно, всем большим деяниям в нашем Отечестве всегда предшествовала большая мечта о них. И мечта никогда не была для нас праздным прозябанием или ожиданием манны небесной. Наверное, в русском языке есть слово, которое более точно выражает всё то, о чём мы здесь говорим. Это слово «чаяние». Потому что «чаяние» — это одновременно и надежда, и созидание. И наш русский человек всегда в истории искал встречи с мечтой, с чаьнем.

Для нас встреча с мечтой — это во многом встреча со словом. Мы ждали слова как чего-то богооткровенного, того самого заветного слова, в котором воплотится вся вселенная, всё мироздание, в котором будет порядок и справедливость. Мы искали это заветное слово в фольклоре, где слово разрасталось корнями, как лоза плодная, где обретало своё сладкозвучие. Мы искали заветное слово в нашей боговдохновенной азбуке, там, где каждая буква — это не просто знак, которым можно зафиксировать звучание, но тоже слово. И в этой азбуке сохранён завет: **рцы слово твердо.**

Наверное, именно тогда вселенная обрела не просто алфавитный порядок, но все-

ленскую гармонию, где ни один из элементов в этой мечте о слове не мог выпасть, был важен. И вдохновлённый этой вселенской гармонией, Владимир Иванович Даль создаёт «Словарь живого великорусского языка». Я всегда говорю своим студентам: «Прочтите этот словарь в первом издании, где есть ять, где есть ижица». В филологических кругах некоторые исследователи очень любят третье издание этого словаря, куда филолог Бодуэн де Куртенэ, посчитав словарь неполноценным, добавил бранные слова. У Владимира Ивановича, как известно, с этим было всё в порядке. Он издал собрание заветных пословиц и поговорок русского языка, но именно словарь он хотел оставить в первозданной чистоте, хотел сохранить его как мечту. Куртенэ добавил бранные слова — и словарь как мечта рассыпался. Если в первом издании от слова к слову мы постигаем действительно мир, мы читаем словарь не как справочное издание, а как издание художественное, как издание метафизическое, как книгу-мечту, то в третьем издании — всё сыплется.

Для русского человека чистота слова — это поэзия. Действительно, слово наше поэтично. И хрестоматийное стихотворение Александра Сергеевича Пушкина «Пророк» — в этом смысле встреча с мечтой и рассеивающая линза русской словесности. Это не просто стихотворение о творчестве. Это о том, как человек встречается со словом через поэзию.

Можно прожить всю жизнь, можно всю жизнь проговорить на своём родном языке, но со словом так и не встретиться. Всю жизнь пребывать в этой чахлой пустыне — и твои слова, и твои уста никогда не скажут боговдохновенного слова. Если есть поэзия, живое слово, ты встречаешься с мечтой.

Это осознали и в годы войны, ведь ни на день не останавливалась работа типографий. В 1941 и 1942 годах типографии по-прежнему издавали книги: издавали русский фольклор, издавали исторические сочинения, издавали молодых поэтов такими тиражами, которым сегодня можно только позавидовать. И каждая шедшая через конвейер книга была подобна снаряду или Т-34, которые сходили с конвейера. Это был и щит, и меч одновременно. И я думаю, тот, кто в конце войны произнёс тост за русский народ, помнил, что в древнерусском языке слово «народ» обозначало язык.

Сегодня нас всячески пытаются лишить нашего языка, лишить Русский мир русского языка, отсечь Русский мир от этого языка. Но это ведь лишение не просто нашей свободы или лишение естественной коммуникации. Лишить русского языка русского человека — это значит лишить его мечты. Этому всячески надо противостоять. И думаю, у врагов ничего не получится.

Однажды одного иностранца-полиглота я спросил: «Ты знаешь столько языков. А на каком языке ты мыслишь?» Иностранец сказал: «А как можно мыслить языком? Я мыслю цифрами своих банковских счётов». А мы на языке по-прежнему молимся, и это самое главное.

Хочется уповать на то, что мы не только мечтаем о слове, но и слово мечтает о каждом из нас. И если мы со словом ещё не встретились, то оно уже нас обрело. Когда-то мой маленький сын спросил меня: «Что будет страшного, если я не прочитаю Пушкина?» Страшного не будет ничего, но Пушкин прочтает тебя. Слово видит тебя, слово знает тебя, хранит тебя, даже если ты этого не осознаёшь. Это щит над сердцем, как говорил Андрей Платонов, это Покров Богородицы. Поэтому мечта недостижима, но она всегда с нами.

Михаил ХАЗИН,

экономист, радиоведущий:

— Я прошу прощения, но не могу не рассказать анекдот. Анекдот про Снежную Королеву. Зима, вечер, каток, освещённый старыми жестяными лампами-

абажурами, которые качаются под ветром. Идёт плотный снег, в котором вязнут звуки, немножко мистическая атмосфера. На катке какое-то количество детей, чуть меньше взрослых. Тем не менее все катаются, за исключением мальчика Вовочки. В какой-то момент был мальчик Димочка, а теперь опять мальчик Вовочка, который сидит в сугробе, где-то в тёмном углу, и что-то там палочкой по льду выводит. И вдруг неожиданно у него за спиной материализуется Снежная Королева. Мальчик Вовочка посмотрел чуть-чуть косо, но продолжает палочкой водить. А дальше, соответственно, Снежная Королева несколько раздражённо говорит: «Мальчик Вовочка, а ты знаешь, кто я?» Он на неё посмотрел немножко, обратно голову повернул, продолжает водить палочкой, говорит: «Конечно, знаю — ты Снежная Королева». Тут уже раздражённая Снежная Королева делает шаг и уже серьёзным голосом говорит: «Мальчик Вовочка, а чем это ты занимаешься?» И тут мальчик Вовочка гордым голосом говорит: «А я складываю из ледяных букв слово “вечность”». Польщённая Снежная Королева делает ещё один шаг, смотрит и неожиданно восклицает: «Мальчик Вовочка, да что ж ты делаешь?! Что ж это за буквы у тебя такие?! Разве из них можно сложить слово “вечность”?» На что мальчик Вовочка обиженно говорит: «А что, хорошие буквы — все четыре: П, О, Ж, А».

Так вот, соответственно, к вопросу о П, О, Ж, А. За последние три-четыре года реальная налоговая нагрузка на предприятия выросла как минимум на 50%. С учётом того, что мы уже шесть лет находимся в состоянии непрерывного спада (я надеюсь, здесь никто всерьёз к цифрам Росстата не относится), мы единственная страна в мире и в истории, кото-

рая повышает налоги на фоне экономического спада. Прецедентов не было. Мы одни такие выдающиеся интеллектуалы.

У нас, соответственно, сильно падают реально располагаемые доходы населения. У нас совершенно бешено растут налоги на физических лиц. У нас истребляется малый и средний бизнес. Ну а теперь ещё и пенсионная реформа. С точки зрения народа, происходит натуральный геноцид. То есть реализуется программа, которую нацистская Германия реализовывала на оккупированных территориях СССР. Я при этом не затрагиваю вещи, которые формально не относятся к нашей жизни, — это ювенальная юстиция, уголовные наказания за то, что люди, соответственно, пишут в интернете, что-то там перепечатают, и прочие разные вещи. Люди чётко понимают: страну оккупировали враги. Вот никакого другого мнения не существует.

Я на протяжении примерно пяти-шести лет, пока я веду прямой эфир, людям задаю вопросы. И всё это время, где-то с года 2012–2014-го, доля людей, которые считали, что товарищ Сталин правильно расстреливал чиновников, была около 80%. 20% считали, что эти методы категорически неприемлемы. Последние три месяца эта цифра изменилась — за расстрелы стало 90%. То есть количество людей, которые считают, что расстреливать чиновников нехорошо, упала в два раза. Это к вопросу о пенсионной реформе. Нет, я понимаю, что у очень многих чиновников самолёты во Внуково под парами, и они искренне считают, что успеют убежать. Но все остальные о чём думают?

Ключевая проблема русской жизни сегодня — чем кормить детей. Нет другой проблемы. Я уж не говорю про то, что их нужно одевать в школу

и всё остальное. Поэтому Русская мечта на сегодня — чем завтра русский человек будет кормить своих детей. Вот когда мы её решим, тогда будем решать всё остальное. Ещё раз повторяю: когда нечем кормить детей, все остальные мечты переносятся на неопределённое будущее.

Единственная была идея — концепция Катехона. Олигархи и бояре гнобят народ, но царь-император должен нас спасать. После пенсионной речи Путина эта мысль исчезла, намертво. Сколько угодно можно объяснять про происки врагов. Но это они у нас налоги повышают? Это враги у нас отбирают детей в рамках ювенальной юстиции?

Я совершенно не хочу сказать, что с этой проблемой нельзя справиться. Более того, я как человек, который всё-таки немножко занимается экономикой, могу сказать, что нужно примерно полгода, для того чтобы в стране перейти к экономическому росту. Я как экономист могу вам сказать, что все аргументы в пользу пенсионной реформы — полное враньё. И любой человек (а в СССР было много образованных людей) это знает. Бабушке моей жены девяносто три года. Она голод пережила ещё в начале 30-х — не на Украине, правда, а в Брянской области. Работала бухгалтером 50 лет. Вот и она говорит, что врут.

И по этой причине моё глубокое убеждение, что нужно плюнуть на всякие экзотерические (от слова «экзотический») разговоры и заняться единственным вопросом — обеспечить людям возможность кормить своих детей.

Ключевой вопрос и единственный сегодня для России — это вопрос устранения из экономического блока правительства и из Центрального банка либеральной команды и радикальная смена экономической политики.

Без решения этого вопроса все остальные разговоры о Русской мечте и обо всём остальном я считаю бессмысленными и неуместными.

Сергей ГЛАЗЬЕВ,
*академик РАН, советник
президента РФ:*

— Некоторые мои коллеги понимают, что прогнозирование как проецирование нашего настоящего в будущее в рамках той политики, которая проводится, бесперспективно и никакого оптимизма не несёт. Поэтому, пытаясь получить заказ от наших властей, они придумали такой подход: а давайте мы сконструируем образ будущего и затем попытаемся к этому образу сделать план его достижения.

В чём тут некоторая ловушка? Наша система макроэкономического планирования выродилась уже много лет назад, со времён, когда ещё Ясин был министром экономики, в комбинацию из трёх прогнозов: инерционный, оптимистический и пессимистический. Даже инерционный прогноз редко когда соблюдался — попадали, как правило, в пессимистический прогноз и говорили так: «Через три года всё пойдет к лучшему». Вот эта комбинация трёх прогнозов с ожиданием «через три года» стала лейтмотивом всей деятельности Минэкономики и правительства в части прогнозирования социально-экономического развития. И для того, чтобы выйти из этой ловушки (нежелания ничего менять), придумали вот такой подход — сконструируем образ будущего.

Теперь по существу. Для того чтобы его сконструировать правильным образом, я бы хотел обратить внимание, что у нас есть достаточно убедительные доказательства того, что главной ценностью нашего общественно-го сознания является ценность

социальной справедливости. Мы это многократно с учёными, философами и социологами обсуждали. Все опросы показывают, что народ хочет жить при социально справедливом государстве. И народ требует этого от системы госрегулирования и от проводимой социально-экономической политики. Эта политика, однако, прямо противоположна этому требованию. Плоская шкала налогов по доходам, нет налога на наследство, регрессивные социальные отчисления в социальное страхование, сниженные налоги на спекуляции, попустительство офшоризации экономики, в которой вообще уходят от налогов. И всё это — несмотря на запредельное социальное неравенство и ясное всеобщее понимание того, что мы живём в абсолютно несправедливом обществе, которое по показателям неравенства, наверное, сегодня самое неблагоприятное в Евразии, как мне кажется.

К этому надо добавить, что общественное сознание у нас не признаёт результатов тех реформ, которые имели место после распада Союза, начиная от приватизации и заканчивая пенсионной реформой. И при дальнейшем продолжении тенденции роста социального неравенства, я думаю, народ откажет в легитимности не только этим реформам начиная с приватизации, но и самому государству. Потому что в общественном сознании совершенно понятно, чьи интересы защищает сегодня государство — офшорной олигархии. Президент многократно говорил: «Давайте мы покончим с этой офшоризацией». Но ничего не происходит, мошенники-приватизаторы никак не ограничены в дальнейшем манипулировании своим имуществом.

Главным действующим лицом российской экономики стали валютно-финансовые спекулянты,

которые образовали ведущий в экономике центр прибыли, который практически никакими налогами не облагается, при этом объём валютных спекуляций в пятнадцать раз превышает уровень экономической активности.

Даже в госсекторе государство не может реализовать этот принцип справедливого вознаграждения, ведь есть сверхзарплаты в госбанках и госкорпорациях. Для бизнеса не секрет, что госбанки превратились в рейдерские конторы, которые отбирают имущество у сознательно обанкроченных предприятий, которые рискнули взять кредиты на инвестиции. Они же, руководители госбанков и госкорпораций, манипулируют своими акциями, получая гигантские сверхприбыли, и на всё это смотрят сквозь пальцы. Я уж не говорю про псевдобизнесменов, приближённых к власти, мы их всех знаем. И уж совсем гротескной выглядит идея компенсировать тем, кто попал в санкционный список, их потери за счёт бюджета, что всерьёз обсуждается сегодня, вполне официально и открыто.

Поэтому моя мысль очень простая — без восстановления принципа социальной справедливости народ не поверит никакому образу будущего. И более того, он будет отказывать государству в легитимизации. Для России это привычное состояние, когда власть делает вид, что она управляет, а народ делает вид, что он подчиняется. Эта взаимная имитация соотношения власти и общества, к сожалению, типична для нас, и в настоящее время мы возвращаемся к этому явлению.

Обеспечить социальную справедливость можно и нужно только на основе опережающего экономического роста, о чём президент, опять же, постоянно говорит. Для этого вся политика государства должна быть ориентирована на этот опе-

режающий рост. И я с Хазиным соглашусь в том, что мы можем за полгода выйти на траекторию роста с темпом не менее восьми, а возможно, и десятипроцентного прироста валового продукта в год. Для этого в стране есть все ресурсы. Они сегодня задействованы практически только наполовину. И на базе этого опережающего экономического роста надо начинать политику выравнивания доходов, в том числе через общепринятые налоговые инструменты.

И очень важно (что соответствовало бы нашей культурной традиции) использовать современный опыт выстраивания отношений собственности на предприятиях, а именно участие трудящихся в управлении предприятиями, коллективные формы собственности. Замечу, что именно такие, коллективные предприятия сегодня самые успешные – взять китайский Huawei или американский Boeing. Кроме того, это вполне ложится в нашу культурно-историческую среду.

В заключение я хочу сказать о том, каким должен быть образ будущего. Мы – самая богатая страна, если посчитать национальное богатство на душу населения. При этом у нас самая высокая эксплуатация труда и самое высокое неравенство. Поэтому нам надо привести благосостояние людей в соответствие с нашими имеющимися возможностями. Слушатели Михаила Хазина имеют рецепт «расстрелять и отобрать». Я думаю, это привычная для нашего

общественного сознания реакция на вопиющую социальную несправедливость. Я бы предложил уже многократно обсуждавшуюся в Изборском клубе концепцию социально-консервативного синтеза, где мы идеи социальной справедливости, социального государства можем реализовать во вполне конкретной политике доходов, в системе налогообложения, в распределе-

нии имущественных прав. Плюс традиционные ценности, которые заложены в наших великих религиях, прежде всего – в православной культуре.

Вот это сочетание консервативных традиционных ценностей и социального государства, я думаю, будет народом абсолютно поддержано, причём не только российским – сегодня это имеет актуальность для всей совокупности евразийских цивилизаций. Происходящая сейчас в Европе своеобразная народная революция – в этом же направлении.

Как это сделать? Ничего сложного здесь нет. Это стра-

тегия опережающего развития на основе нового технологического уклада, которая, опять же, многократно описана в наших альманахах. Это сочетание регулируемого рынка и планирования таким образом, что частный бизнес поддерживается только в тех сферах, которые приносят подъём общественного благосостояния и пресекаются те виды деятельности типа вывоза капитала или валютно-финансовых спекуляций, которые ухудшают благосостояние людей, потому что подрывают доходы и подрывают экономическую стабильность.

Обязательно доступный кредит для всех предпринимателей как необходимое условие реализации творческих возможностей человека. И вот это создание необходимых условий для творческой самореализации – это тоже важнейшая задача государственной экономической политики, в том числе денежно-кредитной, о которой мы много говорили. В принципе, то, о чём я говорю, – это новый мирохозяйственный уклад, новая система институтов, которая обеспечивает сегодня рост в Китае, в Индии, обеспечила подъём Японии и Южной Кореи. Это и есть то социальное государство с регулируемой экономикой, которое ориентирует всю хозяйственную деятельность на подъём общественного благосостояния.

В новом мирохозяйственном укладе нет универсальных рецептов. Каждая страна, опираясь на свою самобытность, на свои культурные традиции и ценности,

выстраивает свою систему регулирования. Но есть общие принципы, универсальные для всех, и о них я уже сказал. Задача государства заключается в гармонизации общества в интересах подавляющего большинства населения. Мы достаточно богаты, для того чтобы всё это реализовать, и весьма быстро. Мы, в принципе, можем это сделать, ещё раз повторяю, в течение полугода. Как показала в своё время работа правительства Примакова, Герасченко и Маслюкова, это действительно можно сделать быстро и получить поддержку и народный энтузиазм, который будет сориентирован на желаемый образ будущего.

Александр АГЕЕВ,
*директор Института
экономических стратегий
при РАН, профессор МГУ:*

— Россия не одна, России есть разные, а поэтому и русские мечты могут быть разные. Если провести классификацию, то в России есть то, что можно назвать центром или лидерством, есть то, что можно назвать провинцией, периферией, то, что называется захолустьем. Причём это проявляется во всём: и в экономике, и в культуре, и в образе жизни. Это касается организаций, регионов, всей страны и, возможно, каждого человека. Поэтому из этой множественности рождается множественность самого резервуара мечтаний. У кого-то мечта дожить до завтрашнего дня, у кого-то мечта дожить до пенсии, у кого-то меч-

та сделать хайп, у кого-то — уехать за границу и так далее. То есть здесь реальная картина мечтаний более чем 140 миллионов человек и тех, кто жил здесь ранее.

У восстания Пугачёва, которое охватило широкие территории тогдашнего государства, была однозначная мечта о спра-

ведливости и народоправстве. И донской атаман Пугачёв эту мечту достаточно успешно реализовывал до поры до времени. И пришлось бороться с ним тому самому будущему генералиссимусу Суворову, и Екатерина запретила публиковать какие-либо данные об идеологии пугачёвского восстания — они были закрыты вплоть до девяностых годов XX века. Потому что вот эта мечта народа о справедливости и о том, как всё должно быть устроено, была неприемлема для тех, кто мечтал о другой России — дворянской.

Свои мечты были, соответственно, у Екатерины, другие мечты были у декабристов, другие у Александров — и II, и III, и так далее. Если копнём глубже,

зайдём в поэтический регистр наших мечтаний и вспомним, скажем, Ахматову, Пастернака или, например, Симонова и Пастушковского, которые воспринимаются скорее как советские писатели... Здесь достаточно вспомнить стихотворение Симонова: «Тот самый длинный день в году...», которое заканчивается строкой про «время ставит, ставит обелиски» — и уже чувствуется какая-то совершенно другая мечта. Или взгляд с той стороны, от поэта-эмигранта: «Россия — счастье, Россия — свет. А может быть, России вовсе нет...»

Всё сложно. С одной стороны, мечта может представляться как некая ВДНХ, выставка достижений, чаяний, а с другой стороны — существует реальный мир.

И отсюда получается, что мечта выполняет в нашей динамике исторического развития роль движителя. И возникает какая-то интенсивная деятельность, тем более волевая, энергичная, героическая при наличии трёх условий: первое — недовольство существующим порядком, второе — когда есть образ будущего, третье — когда есть воля этого достичь.

Пространство мечты — это крайне неоднородное пространство. Как говорят математики, это некоторое множество аттракторов, не всегда синхронизированных. И поскольку они все сильные, то периодически вступают между собой в борьбу. И за эти мечты, за эти аттракторы люди бьются в гражданских войнах. И государство российское, будь оно советское, постсоветское

или досоветское, это прекрасно понимает и силой «наводит синтез» в этих разнородных мечтаниях, причём обращённых как внутрь страны, так и вовне.

Безусловно, если описывать свойства этого образа нашей мечты, то в нём будет, естественно, и некая соборность, и мечта о справедливости, и будет, наверное, вера в чудо. Но справедливость — это всё-таки понятие более социальное, связанное со сравнением самооценки разных страт или людей. В религиозных системах фундаментальным критерием будет уже не справедливость, а благодать. Это абсолютно разные подходы, и мы их как-то пытаемся примирить. Мы все хотим соборности достичь, будучи абсолютно разными. А синтез требует особой квалификации для достижения. К примеру, как только мы выдвигаем на наши знамёна некие победы, мы тут же находим скорбь. У нас нет ни одного радостного события, чтобы оно не было одновременно скорбным. Этот «день победы со слезами на глазах» — не только слезами радости, но и слезами горя (собственно говоря, в отпевании человека мы сначала печалимся, а потом радуемся). И вот, пока мы в мечту не введём вот эти противоречивые ценности, мы не сможем создать настоящий синтез.

Теперь о будущем, о том, что нужно учитывать при его проектировании. Момент первый — это уже принятые решения, объявленные публично. Так, Трамп 28 марта заявил, что США приватизировали Луну, и другие страны должны просить разрешение на то, чтоб запускать свои аппараты на Луну. Понятно, что ни Китай, ни Россия этих разрешений спрашивать не будут, но новая линия объявлена. Следующий факт. Папа Римский в тот же день, 28 марта, заявил, что, собственно говоря, человече-

ство кончается, и появится некий новый вид. Будет ли это человек или какое-то иное существо — неизвестно, но само это заявление из этих уст существенно.

Второй момент, который нужно учитывать в этом контексте, помимо конкуренции, мечтаний и всевозможных вызывающих стратегий, — это, конечно, цифровая трансформация, в которой есть свои критические развилки. Одна из таких развилки — это система ценностей, которая будет поддерживаться цифровыми двойниками. Китай стремительно идёт к созданию цифровой системы управления эволюцией, когда каждый человек имеет рейтинг, и под этот рейтинг формируется система управления, в том числе доступ к всевозможным государственным и негосударственным благам. Это уже внеэкономическое общество, которое формируется на наших глазах. Соответственно, цифровые двойники могут быть эгоистическими, а могут быть альтруистическими (это принципиальный выбор), ответственными или безответственными, выражать идеал успеха или идеал роботоподобия и так далее.

Ещё одна точка борьбы: а кто контролирует персональные данные — эти все большие пользовательские данные, просто большие данные и так далее? Либо это будут централизованные системы, либо децентрализованные. Мы уже в этой борьбе сидим по уши.

И третий момент. Любая технологическая трансформация предъявляет свой спрос и проектирует тип общества. Индустриализация породила свой тип рабочего класса, инженеров, конструкторов и систем управления. Соответственно, цифровая трансформация тоже породит общество 5.0, как его называют. Но нам бы важно не остаться в этой ловушке общества 5.0.

Ведь суть цифровой экономики — достижение максимально полной информированности об объектах (то есть людях) и обеспечение эффективного управления. А никакой телеологичности, никакого образа будущего, мечтаний там не предусмотрено в принципе — это не кибернетично. Нам нужно общество, которое природоподобно, — это общество уже следующего этапа развития, 6.0. Но мы ещё и 5.0 не построили и можем попасть в такую ловушку надолго.

С учётом столь сложной задачи единства в многообразии постановок о будущем, видимо, главное здесь для России, как её современная миссия, — понимание и сохранение человечности во всей её полноте. Мне довелось недавно листать личное дело Гагарина, причём его периода учёбы, и потом уже, когда он был в отряде космонавтов. И меня поразило, что в этом техническом образовании был очень сильный компонент гуманитарного, культурного образования. Это формировало человечность. Наша проблема эпохи в том, что мы улыбку Гагарина променяли на ухмылку Березовского. Собственно, как мне кажется, это важный аспект поисков мечты образа будущего.

Константин СЁМИН,
журналист, телеведущий:

— Здесь я в гордом одиночестве выступаю от лагеря материалистов. С моей точки зрения, никакой мечте русского народа воплотиться будет не суждено, и русскому народу будет уготовано крайне печальное будущее, если сегодняшние тенденции, определённые нашим экономическим развитием, экономическим курсом, не будут изменены. Если мы посмотрим на статистику по демографии за последние месяцы, мы увидим, что самих мечтателей становится

всё меньше и меньше. И это объективная реальность. Она объективна не только для русского народа — для всех остальных народов тоже. Потому что, если кто-то помнит, даже у Маркса есть такой термин «относительное перенаселение». Ведь капиталу никогда не бывает много людей — ему всегда необходима резервная армия труда, ему всегда необходимо, чтобы людей было чуть больше, чем требуется для эксплуатации этих людей, для того чтобы одни безработные дышали в затылок другим. И русский народ утилизируется точно так же, как утилизируются все соседние народы — украинский народ, таджикский народ. И даже народы-утилизаторы, эксплуататоры переживают примерно то же самое. Если говорить о неизбывной Русской мечте, то, мне кажется, она в первую очередь связана с категорическим неприятием такого положения вещей.

Сутью, смыслом капитализма является превращение человека в вещь, превращение человека в товар, товаровизация человеческой природы, превращение человека в объект продажи. Несогласие всего нашего культурного наследия, которое мы представляем, неготовность каждого из нас принять такое положение вещей и есть, наверное, единственное возможное направление, для того чтобы сегодня мечтать. Русский человек всегда мечтал о равенстве, о нерабстве, о невозможности торговать друг другом, о неприемлемости эксплуатации, об искоренении несправедливости.

И поэтому мечта русского человека сводится к одному очень простому слову — борьба. Потому что никаких светлых идеалов, никаких высоких отметок в развитии достигнуть без борьбы невозможно. А для того, чтобы в этой борьбе отстоять своё человеческое до-

стоинство, нужно очень хорошо представлять, с кем бороться. Это не абстрактные какие-то тёмные силы, которые разрушили мечту о солидарности. Вот сейчас коллега Николай Стариков выложил на стол черепки, оставшиеся от этой иллюзии, от этой надежды. Это не какая-то таинственная сила попутала нашу власть или заставила коварных либералов проникнуть в лаборатории экономической мысли и что-нибудь там переставить или испортить. Это сделал класс — класс, который восторжествовал на одной шестой части суши двадцать пять лет назад.

Мы отмечали только что двадцатипятилетие расстрела Белого дома — так вот, в октябре 1993 года там, где когда-то был Советский Союз, окончательно победила контрреволюция. Эта контрреволюция означала победу в классовой битве, в классовой борьбе протяжённостью почти в столетие. И в этой классовой борьбе одержал победу совершенно конкретный класс. В этом классе не нужно выискивать либералов, сионистов, мазохистов или каких-то других «истов». Этот класс монолитен, и он тоже считает себя принадлежащим к русскому народу.

Я отлично понимаю пафос, скорбь и градус напряжения передовиц газеты «Завтра», которую я читаю со студенчества. Нам казалось, в момент, когда исчезло советское государство, к которому мы все, как я понимаю, принадлежим в той или иной степени, что любое государство, которое возникнет в этом хаосе, в этой пустоте, следует приветствовать, потому что ничего хуже хаоса не бывает. Мы знаем, что такое хаос замерзающих городов, примерзающих к полу пенсионеров, расстрелянных старушек на улицах моего города Екатеринбурга в момент, когда делились там крупнейшие

предприятия. Но нет, оказывается, бывают вещи страшнее хаоса, потому что в 1993 году, когда на этих руинах победила контрреволюция и к власти пришёл класс эксплуататоров, появилась новая государственность.

Вот эти разбитые черепки, сегодняшние черепки откуда ни возьмишь начатой пенсионной реформы, черепки иллюзий, надежд на примирение классов, на самом деле были предначертаны, predeterminedены уже тогда. Потому что никакой класс со своим господствующим положением, с той проглоченной собственностью, которая была получена за двадцать пять реформенных лет, просто так нигде, ни в какой стране не расставался. Он стрелял, он убивал, шёл на преступление, для того чтобы получить эту собственность.

То, что мы принимали за крик птенца, за возрождение нашей государственности, за птицу Феникс, на самом деле было возрождением, возвращением того самого дракона несправедливости, неравенства и эксплуатации, которого пинками прогоняли рабочие, крестьяне, солдаты и матросы в октябре 1917 года. И этот сказочный метафизический персонаж никогда со своим награбленным, с тем, что получил, со своей властью и со своим оружием подопоздорову не расстанется. Это очень интересное животное на самом деле, если пользоваться сказочной терминологией. Это слабое животное — несмотря на все отрошенные сегодня сияющие, ослепительные когти. Это животное, пресмыкающееся перед другими, более сильными обитателями того же зоопарка. Но это животное будет питаться кровью и плотью русского, татарского, чеченского, еврейского, любых народов, населяющих нашу страну, потому что такова его суть.

И без избавления от этих иллюзий, без избавления от сказочного, метафизического сознания, без чёткого и ясного ответа самим себе на вопрос, кто является врагом, в какой битве мы участвуем и как в этой битве можно победить, мы не имеем будущего. Потому что количество мечтателей, как я уже сказал в самом начале, будет неизбежно сокращаться.

Михаил ДЕЛЯГИН,
директор Института
проблем глобализации,
доктор экономических
наук:

— Один из мудрейших людей эпохи национального предательства, которая длится уже больше тридцати лет, Евгений Григорьевич Ясин, как-то очень долго выслушивал одного своего подчинённого (в 1995 году дело было, это апокриф). А потом, прервав его на полуслове, сказал: «Уважаемый, вы всё говорите правильно. Вот всё, что вы советуете, это абсолютно правильно. Но вы поймите, вы хотите сделать как лучше. А нам нужно сделать как хуже».

Когда мы с вами начинаем рассуждать о том, что за полгода можно обеспечить процветание и преобразование России, дорогие коллеги, мы вот дедушке Ясину рассказываем, как обеспечить людям возможность кормить детей. Господа, это значит подрывать основы существующего государственного строя, как здесь было сказано. И на самом деле это даже хуже, чем, скажем, бороться с коррупцией. По крайней

мере такое ощущение возникает из сегодняшней и вчерашней социально-экономической политики. Потому что правительства меняются, президенты меняются, а социально-экономическая политика с 1987 года направлена на обеспечение интересов глобальных финансовых спекулянтов против существующего народа мечтателей.

И чиновник, просто потому, что он добросовестный чиновник, себе даже вообразить не может,

не истреблением, а борьбой за власть. Вот сейчас мы продвинем очередные безумные реформы — может, ещё военные пенсии снизим в следующем году, может, ещё введём налог на смерть, может, разрешим разбирать на органы умерших людей, у которых в паспорте нет соответствующего профиля. Народ возмутится, снесёт президента Путина, заменит его «условным президентом Кудриным» или кем-то ещё — ну и дальше будет как-то нормально.

Но это непонимание базового процесса. Их задача заключается в ликвидации данного народа, но эта задача нерешаема, на мой взгляд. Не получилось даже у таких организованных людей, как немцы, — у этих тем более не получится.

Никто не будет заниматься обеспечением возможности кормить детей в ситуации, когда в федеральном бюджете на момент произнесения этих слов валялось 7,3 триллиона рублей, и официально было заявлено: «Денег нет». Сейчас их 9,4 триллиона и, вероятно, будет больше.

Поэтому говорить о Русской мечте можно и необходимо, но в стратегической перспективе. Потому что эту культуру истребить, скорее всего, не удастся. Она выполняет ключевые функции, важные для всего человечества. Об этом здесь частично говорилось. Прежде всего, одновременно мы являемся носителями гуманизма со способностью к абстрактному мышлению и, соответственно, технологическому развитию и при этом —

как это можно обеспечить людям возможность кормить детей. Потому что он не партизан. Он не готов пускать поезда под откос. Тут недавно Росстат поймал на очередном вранье: когда у него по стране в целом реальные доходы населения растут, а по федеральным округам — падают. Это никого не волнует, потому что: какая разница, что лгать «биологическому мусору», который подлежит переработке в личное богатство?

Многие люди, участвующие в этом механизме, искренне думают, что они занимаются

ещё и мессианству. Других таких нет. Без такой культуры человечество развиваться не сможет, да и просто существовать, скорее всего, не сможет в свете тех кризисов, которые предстоят. Русская мечта — это один из элементов, который позволит нам пережить, безусловно, в сильно сократившемся составе этот неприятный виток истории, а может быть, и сделать его короче.

Русская мечта — это стремление к всеобщей и полной справедливости в её заведомо недостижимом идеале.

Из-за этого мы очень сильно страдаем, потому что у нас в культуре выражено стремление к абсолюту. А это большая ловушка русской культуры: если я хоть на один процент хуже Бога, я искренне считаю, что я не имею права на существование. Отсюда мазохизм. На этом на слове нас ловят адепты «необходимой лжи» Джорджа Кеннана, заставляя каяться за ошибки, от которых мы сами страдаем больше всех. Причём каяться за них не как за ошибки, а как за пороки и злонамеренность. Но Русская мечта о справедливости — это мечта о преображении и человека, и мира.

Здесь, кстати, отражается единство индивидуального и коллективного в нашей культуре. Россия — это не чистый коллективизм, это своего рода гремучая смесь внутренней самостоятельности и принудительного объединения. Отсюда у нас удивительное сочетание коллективизма и при этом жесточайшей внутренней конкуренции. В этом проблема управления российским обществом и в то же время в этом залог

нашей огромной конкурентоспособности, которая все время пропускается, не учитывается.

Опыт Советского Союза показал, что нельзя изменить мир, не меняя одновременно человека. Как только изменение человека начинает отставать, за это нас наказывают. Мир, на самом деле, это учёл. Последние тридцать лет главный объект изменений — это человек (на наших костях и на-

шими технологиями). Сейчас самое главное — это социальная инженерия. Социальные платформы создают алгоритмические общества, в которых человек, формально будучи абсолютно свободным, подчиняется и является управляемым на 97 и даже больше процентов, не осознавая своего рабства. Результат мы видим в Евросоюзе, когда происходит коллективная утрата адекватности (на примере беженцев) и, соответственно, коллективная утрата жизнеспособности.

Другой пример социальной инженерии — Китай. Сегодня абсолютно правильно говорилось о системе социального кредита. Но это заведомое бесчеловечие

вызовет сопротивление материала и станет, вероятно, одним из факторов циклического краха Китая.

Освоение социальных технологий в то же время позволит нам сделать Русскую мечту универсальной и общепользуемой. Что сейчас происходит? Происходит распад глобальных рынков на макрорегионы. Это объективная тенденция, которая видна даже в информационных рынках. Потому что цензура в новостях русского Google и в Facebook — это не цензура. Это неизбежное разделение информационных рынков на самом деле. Если мы сумеем не уничтожить себя полностью (а ни в 1917-м, ни в 1991 годах нам уничтожить себя полностью не удалось), то наша социальная культура позволит нам как-то сохраниться.

Я понимаю, что нам не удастся уже создать свой макрорегион, это время упущено. Время болтовни об этом с 2006 года по 2014-й, отказ от Украины, который был зафиксирован, прошло. Сверхэффективный комбайн, который объединял народ и управление, разрушен этим летом, я думаю, очень надолго. Но именно слом системы открывает возможности исторического творчества, и мы сейчас можем закладывать смыслы. Сколько времени лежала в заглавнике эта замечательная концепция «Россия — Третий Рим, четвёртому не быть»? Но она ведь выстрелила спустя некоторое время.

Смыслы, которые сейчас закладываются, формулы, которые сейчас закладываются, могут со-

кратить время тёмного периода в нашей истории, может быть, как-то его сгладить. И поэтому, хотя мечта не спасёт жизни детей, но она позволит сократить то критическое время, когда старушек будут убивать на улицах городов, как это было в начале, в середине 90-х годов.

Алексей КОМОГОРЦЕВ,
писатель, главный редактор альманаха «Волшебная гора»:

— Идеалы и ценности Святой Руси и вообще историческая миссия России имели и имеют своё зримое воплощение в конкретных долгосрочных или так называемых «длинных проектах», мобилизационно-стратегических, к которым, в частности, можно отнести начавшееся в XVI веке освоение Сибири или развитие в XX веке исследований по космическому пространству, в котором утверждалось как приоритет освоение ближайших к Земле планет Солнечной системы.

И то и другое нужно рассматривать как части единого длинного проекта русской цивилизации, обязанного своим появлением на свет тяготению русского человека к абсолютному идеалу, жажде чуда, высшей справедливости, правде, служению всеобщему благу. Перечисленные базовые основы русского национального характера не претерпели, как показывают социологические замеры, кардинальных изменений к началу XXI века. Они уходят своими корнями в далеко непростую, как может показаться на первый взгляд, русскую волшебную сказку, о которой Александр Андреевич сегодня уже говорил. Вспомним опять-таки о ковresse самолёте или яблочке, бегущем по тарелочке, сапогах-скороходах, воплощённых в жизнь отчасти развитием научно-технического прогресса. Это не просто

проблемки гениальной интуиции народа, но глубоко укоренённая в народном сознании вера в возможность и воплотимость чуда, облекшаяся впоследствии в металл конкретных проектов.

В этом свете русская волшебная сказка предстаёт перед нами не просто как элемент традиционной культуры, но в качестве стратегического резервуара, сохраняющего идеалы и фундаментальные ценности русского народа, глубинные проектные коды русского национального характера. Русские сказки дышат совершенно особым оптимизмом, основаны на представлении о возможном и необходимом преобразении и преобразовании внутренней и внешней реальности. Вот в этом они принципиально вообще-то отличаются от сказок западноевропейских. Хочу напомнить, что в европейских сказках тоже есть образ дурака, который используется для высмеивания недостатков народа, но дурак там не преобразуется, в конечном итоге он остаётся дураком со своим дурацким поведением. А вот в русской сказке с её героем (Иванушка-дурачок, Емеля и т.д.) происходят качественные трансформации. Из низкого состояния он переходит в состояние высокое: женится на царевне, получает полцарства. По мере прохождения сквозь преобразующее чрево сказочного сюжета герой приобретает другой онтологический статус, нежели тот, который он имел в начале сказки. Таким образом, волшебная сказка говорит об исправлении повреждённой реальности в модусе народной мечты, народного представления о своей судьбе. Это модус победы над ситуацией и над самим собой.

Хочу напомнить, что главной причиной крушения советского проекта, как мне кажется, является отказ части советской

элиты от долгосрочных проектно-мобилизационных стратегий, призванных претворить в жизнь идеалы космического масштаба, о которых грезил русский мыслитель-космисты Фёдоров, Циолковский, Вернадский. Рассуждая о космическом будущем человечества, стратегическом будущем России, космисты связывали его перспективы не только с развитием космической техники, необходимым, но промежуточном шаге, но в первую очередь с раскрытием качественно новых психофизических возможностей человека. Центральная проблема развития, большого развития, мыслилась ими как проблема перехода человека в новое качество. Один из отцов-основателей космизма Фёдоров писал: «Человечеству только тогда будут доступны все небесные пространства, когда он будет в состоянии воссоздавать себя из самых первоначальных веществ, атомов, молекул, потому что только тогда он будет способен жить во всех средах, принимать всякие формы». Фёдорову удалось облечь в философскую форму тезисы, определяющие особенности русской ментальности, укоренённые в русских волшебных сказках: всеобщее делание, основанное на общинно-артельном принципе организации жизни, всемирность русской души и стремление к победе над смертью через всеобщее воскресение. Последнее стремление представлено в русских сказках сквозными образами молодильных яблок, живой и мёртвой воды, оживляющей героя. Фёдоров мыслил всё человечество как единый родовой ствол. Идеи космизма и всеобщего воскрешения предков родились отнюдь не из-за страха смерти, но из ослепительной, а главное, деятельной любви ко всем предкам рода человеческого. В такой оптике покорение космоса является всего

лишь одной из необходимых, но промежуточных стадий развития человека и человечества.

Возвращение русского человека к выполнению своей исторической миссии связано с пробуждением его национального самосознания и актуализацией русских мессианских качеств. Освоение космического пространства, колонизация близлежащих к Земле планет Солнечной системы, освоение Арктики и, как уже здесь говорилось, малоисследованных подводных пространств мирового океана в наибольшей степени соответствует градусу русского мессианского накала в XXI веке. Де-факто речь идёт о создании механизмов альтернативной глобализации, основанной на ценностях развития как отдельного индивида, так и социума в целом.

Новый проект длинного развития должен начинаться с формирования государственной программы, направленной на актуализацию образа мечты. Не следует забывать, что все социальные процессы управляются и направляются фактором воображения и мифа, с этим надо работать. Нужно формирование новой мифологии, в том числе новой технократической мифологии развития.

Евгений ТАРЛО,
президент Столыпинского клуба, доктор юридических наук:

— Разрешите, дорогие коллеги, вас поприветствовать от Столыпинского клуба. Я всегда был поклонником поэзии русско-имперской идеи, которую Александр Андреевич воплощает. Но чем отличаются столыпинцы? Мы прагматики. Практически у всех прозвучало, что Русская мечта — это мечта о правде и справедливости. Я думаю, что даже больше: во всём мире от нас ждут не столько покорения

космоса и глубин океана, сколько правды и справедливости. Хотя на Луне, хоть под водой, хоть сегодня у себя дома — правда и справедливость. Её сейчас в мире вообще нет. То, что вытворяют Соединённые Штаты и Запад, это попрание и правды, и справедливости, и права, и международного порядка. Кто может этому противостоять? Только Россия, и от России, от русского народа ждут этой правды и справедливости.

Чертой русского народа является, безусловно, терпеливость. Русский народ очень терпелив и не меркантилен. У него нет такого свойства, что справедливость — это, дескать, когда пусть сдохнет корова у соседа, если у меня её нет. И когда вот эту черту внушили нашим сегодняшним соседям, а раньше части нашего народа, то от этого и возникает проблема. Слушаешь украинцев — мечта одна, чтобы плохо было в России. Это страшная история.

Честно говоря, меня напугало выступление Константина Викторовича Семёна. Я полностью согласен с тем, что если людям нечем кормить своих детей, то ни о каких мечтах речи не идёт, речь идёт о бунте. Тогда понимание справедливости — это сломать порядок и разрушить всё. Если у человека ощущение, что нет справедливости и нет правды, ему нечем кормить детей, если его существование ниже того минимального уровня, который ему позволяет жить, то русский человек склонен к бунту. Русский бунт, как мы знаем, бессмысленный и беспощадный.

Что больше всего не любят столыпинцы? Больше всего не любят пропагандистов и дураков. Пропагандист знает ответ на любой вопрос. Вот множество вопросов, а у него один ответ: есть враг, давайте его уничтожим. У меня нет богатых родителей и семья разведённая, мама инже-

нер. Я мусор выносил на Плющихе, когда работал студентом. И вот мне говорят, что я капиталист и что меня нужно на вилы, да?

Сегодня слово «либерализм» приватизировали те, для кого любая идеология — средство наживы. Если бы была возможность, они бы приватизировали «патриотизм», что угодно другое, поскольку у них нет идеологии, кроме идеологии большого хапка.

Я против того, чтоб разделять общество, чтобы оно сохранилось, чтобы малыми мерами мы предотвратили взрыв. Мы немножко переиначили лозунг Столыпина: «Нам не нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия». Нам нельзя отдавать либеральную идею предателям и пятой колонне. У нас огромное количество людей либерально-патриотических взглядов, и я их представитель. Нам нужно создавать либерально-патриотический фланг. Ведь есть очень активный класс малого, среднего бизнеса, есть большой слой самозанятых. Это миллионы активных людей, которым нужна несколько другая идеология, чем то, что сегодня есть в публичном поле.

Георгий МУРАДОВ,
заместитель председателя Совета министров Республики Крым, постоянный представитель Республики Крым при президенте РФ:

— Самое неприятное, что хочется с такой повесткой дня говорить о прекрасном, о добром, о вечном, а говорить приходится о больном. И всё, что дорого нам сегодня, стало токсичным. Вы произнесли слово «Крым», а это уже токсичное слово, жуткое, от которого уже все в мире ёжатся, и в России все поразбегались в разные стороны. Банки, корпорации, организации, даже государственные, к сожалению,

всё дальше разбегаются, ближе не становятся. Следом за ними разбегаются и те иностранцы, которые сначала хотели посмотреть на Крым как на современный Клондайк.

Стали токсичными такие слова, как «русский мир», «русский язык». Смотрите, мы три года подряд говорим на Ливадийском форуме Русского мира, который сейчас Валентина Матвиенко ведёт, о том, что нужно отработать концепцию Русского мира, потому что её в мире либо не понимают, либо умышленно извращённо трактуют. И никто за эту разработку не берётся. Ну разве только в Изборском клубе появляются на сей счёт идеи. К примеру, доклад, который выходил под руководством господина Аверьянова, — это действительно ценный вклад. Но когда мы из этого сделаем концепцию, которую воспринимает наше государство и наш народ? Когда мы официально ответим на домыслы и яд, источаемый на Украине и в Прибалтике по поводу «русского мира», «русского языка»?

Мы недавно провели в Крыму очень интересное мероприятие, мы собрали «другую Украину». У нас же в Крыму украинский язык признан одним из трёх официальных государственных языков. И мы решили собрать украинцев, которые ощущают себя частью Русского мира. И вот они по итогам нашего круглого стола написали обращение к нашему руководству с предложением организовать централизованный орган борьбы за русскую Украину, в котором

пишут: «События последних пяти лет на территории братского государства особо остро выявили необходимость активных действий по защите и развитию всего русского на Украине, аутентичного для данного региона. Нас, украинцев, захватили русофобские силы, и за это время уже создали систему русофобского государства, строящего свою

захватили уже наших русских братьев, украинцев. Более того, несистемная работа все пять лет со стороны России по украинскому направлению смогла сформировать у многих наших сторонников на Украине устойчивое мнение проигрыша России и невозможности бороться и отстаивать русское и русских. Разочарование, апатия, уныние — вот результат несистемности в борьбе за Украину все эти пять лет».

Далее вносятся конкретные предложения. В частности, они суммируются в том, чтобы собрать в рамках одного проекта всех тех, кто не на словах, а на деле будет бороться за русскую Украину, и поддержать их в этой борьбе. Основной площадкой для развития данного предложения видится именно Крым, пишут украинцы, которые считают себя частью русского мира, — где украинская культура, язык, народность имеют статус государственных. Главная идея этого центра — формирование и поддержка русского сопротивления на Украине не для галочки, а для победы. Цель — русская Украина в союзе русских государств вместе с Россией и Белоруссией.

Вот, пожалуй, это и есть Русская мечта.

Владимир ЕЛИСТРАТОВ,
языковед, доктор
культурологии, профессор
МГУ:

— Много уныния здесь услышал: «Какой кошмар! Какой ужас!» У меня младший сын пошёл в первый класс, это первый «К».

идентичность на преследовании всего русского. Для борьбы с этими далеко идущими планами Западного мира на уничтожение и порабощение России мы предлагаем выстроить системную работу. Историческая аналогия напрашивается сама собой: если бы в 1941 году не были созданы органы, управляющие, развивающие подполье и партизанское движение, не было бы победы 9 мая 1945 года. Наши деды не смогли бы победить гитлеровский фашизм без поддержки и координации с Большой землей действиями тех, кто оказался под оккупацией. И разрушительные результаты катастрофичны по своим последствиям, они

Есть в этой школе, к примеру, и второй «Я». Но каждый раз, когда я за ним прихожу, я вижу эти детские лица и понимаю, что это такие «индиго», которые покажут ещё, кто они такие и на что способны.

У нас нет врагов в Китае, у нас нет врагов в Индии, у нас нет врагов в Персии, мы даже с Турцией поженились уже. У нас есть один настоящий враг — это всё-таки Запад. Это противостояние с Западом началось с формулы филиокве. Сначала это было в измерении богословском, но затем переместилось в область абсолютно светскую. В лингвистике очень хорошо видно это на треугольниках по модели Отец — Сын — Святой Дух. Это, например, теория лингвистической относительности. Они говорят: есть реальность, мышление и язык. Что на что влияет? 100 лет уже все спорят и никак не могут решить.

Они говорят: «Язык влияет на мышление». Влияет, конечно, но тем не менее мы отвечаем: «Извините. Всё-таки ведь мышление влияет на язык в большей степени, глубинные структуры влияют на то, как мы говорим».

Я делюсь только очень маленьким опытом. Я работаю в разных местах, в том числе на факультете иностранных языков. Вы представляете, что это за пятая колонна такая? Это девушки, которые пришли учить иностранные языки, для того чтобы работать в транснациональных корпорациях. Они ходят на переменах и поют всякие американские песни. Я им читаю

какой-то курс, предположим, лексикографии, и говорю: «Вот вам корень «трамп». Ну-ка, ребята, давайте изобразите мне неологизмы с этим корнем». И вся эта пятая колонна начинает мне писать неологизмы так, как будто мы с ними в XIX веке. Я недавно закончил составлять словарь языка Лескова. И вот здесь в аудитории я увидел, как будто сидят 200 «Лесковых в юбке», и через них говорит наш великий и могучий язык, через их подкорку.

А для меня что это значит? Что мы неистребимы в языковом отношении. Давайте мы перестанем уже бить себя пятой в грудь и кричать, что у нас всё плохо, что мы скоро умрём, что мы вырождаемся. Не вырождаемся мы никуда. У меня старшему сыну 27 лет, младшему 7. Я вижу, что это прекрасные ребята, намного лучше меня.

Почему англосаксы всех побеждают? Потому что они в себе не сомневаются. То же самое французы. Моё детство прошло с французами в Алжире. «Как, ты

не любишь Париж?» — «Нет». — «Ты куда поедешь, когда первый раз попадёшь за границу?» Я говорю: «В Пекин хочу». — «Как, ты в Париж не хочешь?» Они этого не понимают, абсолютно уверенные в себе ребята.

Мы верим в себя только в какие-то критические моменты. Мы поверили в себя во время войны. Давайте откажемся от уныния и останемся при своем убеждении, что филиокве нам не подходит. Если мы производим будущее из прошлого, а это и есть традиционные ценности, значит, мы победим. Прогресс это же и есть филиокве: трансгендер — чудесно, транснациональные корпорации — чудесно. Они же так и живут. Они считают, что всё, что в будущем, уже освящено Святым Духом. А мы с этим упорно не соглашаемся, и, по-моему, на этом заседании мы чудесно с этим не соглашаемся. Пока мы не будем соглашаться, мы сильны.

Леонид ИВАШОВ,
президент Академии геополитических проблем, генерал-полковник, доктор исторических наук:

— Первый вопрос: зачем человек на планете Земля? Всё, что есть живого на планете, воссоздаётся здесь только с одной целью: внести свой общепользовательный вклад в поддержание гармонии живой природы. Мы, люди, не можем отличаться от того, как устроена живая природа, растительный мир, животный мир и так далее. У человечества народы — это стаи,

этнокультурные цивилизации — это виды. Николай Яковлевич Данилевский показал, как развивалась история человечества. Человек через цивилизации делает историю, и каждая цивилизация уникальна. Она имеет свои функции и задачи. Каждой цивилизации даётся определённый потенциал и свойство, как рыбам, акулам, китам в море, чтобы она решала определённые задачи.

Каждый культурно-исторический тип по Данилевскому имеет какую-то первооснову — культурно-цивилизационный код. Он называл это высшим нравственным смыслом, на котором только и может основываться плодотворное развитие цивилизации. Задача выявить свой код не трудная. У нас это совесть. Вовне он проявляется через справедливость. Как говорил Шарль де Голль, «русские люди никогда не будут счастливы, зная, что где-то творится несправедливость».

Планетарные функции России — нести мир, добро и согласие народам. Мы подаём пример, что можно в рамках одной цивилизации, государства жить людям разных национальностей, религий. Сейчас Индия идёт по сходному пути. Второе наше назначение: останавливать претендентов на мировое господство. Третье: указывать человечеству направление развития. Здесь говорили о русском космизме. Это действительно важный момент. 1811 год: капитан русской артиллерии Засядько рисует маршруты межпланетных путешествий. Что ему, капитану, не хватало? Он вошёл в историю как создатель реактивной артиллерии, но он хотел долететь до планет. Другой пример: американец Армстронг упомянул, что русский исследователь Кондратюк здорово помог им с посадкой на Луну, потому что произвёл расчёты маршрута. Стали его искать. Кондратюк — это прапорщик, который воевал в Первой

мировой, сбежал от белых, потом от красных, сидел где-то на чердаке и делал эти расчёты.

Или возьмём мирный атом. Бомбу создали, мы повторили создание бомбы, но тут же развернули человечество на мирный атом. Посмотрите речь Сталина на XIX съезде партии, куда он разворачивал человечество.

Говоря о руководящей национальной идее, она не может быть выражена каким-то одним понятием, тем более что есть внутренняя идея, а есть обращённая вовне геополитическая идея. Я так формулирую: Россия — это интеллектуально-нравственная держава справедливости и чести. Региональная идея России — геополитический центр Евразии или большой евразийской цивилизации. В истории у нас было, в сущности, две цивилизационных государственных доктрины: Третий Рим и евразийство. И всегда, когда такая ведущая цивилизационная доктрина реализуется государством, — мы совершаем какой-то исторический прорыв, одерживаем победу.

Александр ПРОХАНОВ:

— Русская идея, как мы сегодня убедились, это купол, это объём, который вмещает в себя бесконечное количество самых разных проявлений, каждое из которых стремится к улучшению мира, к его преобразению, к его светоносности. Русская идея — это такой снаряд, это такой стартовый двигатель, который позволяет русскому народу переноситься через самые чудовищные и страшные периоды своей истории. Это снаряд, который позволил русским людям освоить гигантские пространства. Это энергетическая сила, которая движется до наших дней из таинственной глубокой древности, сила, сотворившая, может быть, Землю.

Наше сегодняшнее заседание носит на первый взгляд

академический характер. Мы пытались найти дефиницию, найти определение Русской мечте. Однако этот разговор имеет и значимый прикладной характер. В сегодняшнее, во многом унылое и опасное время, когда созревают взрывы, когда падает интенсивность развития, Русская мечта является верой, является той таинственной силой, которая перенесёт нас и через эти пороги. Русский верблюд пролезет через это узкое игольное ушко.

Русская мечта сильнее, чем стол, накрытый яствами. Ленинград, умирающий от голода, выстоял, потому что у него была Русская мечта. Мне кажется, что если мы, Изборский клуб, и никто другой, — просто нет сегодня больше в России таких имперско-патриотических, державных центров, — сумеем сформулировать эту концепцию и идеологию Русской мечты, это будет продукт, которым сможет воспользоваться любая патриотическая политическая сила. Ей может воспользоваться и «Единая Россия», которая, к сожалению, по-прежнему является деидеологизированной партией, служа воспроизводству власти на каждом её этапе. Это очень важная функция, но нет штаба, в котором рождается потрясающий огнедышащий образ будущего. Этой мечтой могут воспользоваться коммунисты, потому что, к сожалению, налицо угасание, остывание коммунистического проекта сегодня.

Такой продукт был бы нужен сегодняшнему обществу. Я благодарю вас за эту интеллектуальную атаку. Мы будем и впредь работать над этой темой — темой Русской мечты, потому что, повторяю, весь изборский процесс, которым мы занимаемся уже не один год, это, по существу, создание идеологии, философии, а может, даже и вероисповедания, имя которому Русская мечта.

/ Виталий АВЕРЬЯНОВ, Александр ЕЛИСЕЕВ,
Алексей КОМОГОРЦЕВ, Максим МЕДОВАРОВ, Татьяна ФАДЕЕВА /

Священная история – здесь и сейчас

*(Доклад Изборскому клубу
под редакцией Виталия АВЕРЬЯНОВА)*

Не для того Россия прошла через невероятные страдания и испытания, чтобы исчезнуть или превратиться в современный скотный двор. Кроме того, Россия уже реализовала многие из тех «потенций и концентр», которые ей были даны, — достаточно, например, обозреть её великую культуру или даже просто понять русскую жизнь с её второй реальностью... И России, в конце концов, нужно только одно: продолжать быть, раскрывая себя, со всей силой своей национальной воли сохранять себя, свой народ и своё государство.

Юрий МАМЛЕЕВ

1. ВРЕМЯ КАК ПРОСТРАНСТВО

В настоящем докладе мы рассматриваем понятие священной истории в его расширительном значении — не как категорию духовно-академическую, связанную с церковным изучением Библии, и не как «экзотическую» разновидность исторического сознания. Для нас понятие «священная история» выражает определённый ракурс взгляда на всю историю, то есть **полное, целостное, иерархически выстроенное историческое сознание**, включающее в себя не одни только рациональные и «научные» (позитивистские) инструменты, но по возможности весь инструментарий познания, выработанный человеческой культурой. «Священная история» — это взгляд на события с высоты птичьего полёта или, на манер англосаксов, — *helicopter-view*. Она предоставляет нам «снимки» сверху, картографию смены эпох и их тяготения к сверхисторическому измерению. В ней есть своего рода статика: исторические тенденции даются как уже совершившееся, а не как некая текучая и фрагментированная реальность, лишённая единого центра.

События, в том числе будущие, неясные для нас, существующие как варианты прогнозов, интерпретаций, — в сакрально-историческом измерении уже произошли и «собраны» в непротиворечивое метафизическое целое. **Время в этой перспективе воспринимается как пространство.**

Тем не менее пространственность истории не отменяет её мозаичности, внутренних вибраций и колебаний и даже, с точки зрения чисто человеческой, — отклонений от заданного рула. Поскольку мы сами вовлечены в поток истории и для нас она не закончена — человеческая историософия неизбежно несёт на себе печать недосказанности, вопросительности...

Наиболее ясное и недвусмысленное представление о священной истории дают теология и религиозная философия, в которых оно неотрывно от сакрального понимания времени. В основе здесь лежит внешне непроверяемый, но внутренне очевидный для духовной традиции мистический опыт, — как говорил о нём преподобный Варсонофий Оптинский, «у нас кроме физических очей имеются ещё очи духовные... Для нас нет пространства и времени»¹. Для людей, не обладающих достаточным мистическим опытом, это знание открывается в виде мифологии, которую они получают из сакрального источника.

Время и вечность сочетаются как два ракурса в религиозно-философском взгляде, так что, по выражению А.Ф. Лосева, «время есть алогическое становление вечности... *Время и есть и не есть вечность, сразу и одновременно...*». При этом время может быть «в разной степени вечным». Поэтому, с точки зрения Лосева, высказанной в «Диалектике мифа», никто не переживает время «в стиле новоевропейского

физического, т.е. однородного и бесконечного, пустого и тёмного времени», — напротив, времён очень много, они «сжимаемы и расширяемы», «имеют свое фигурное строение». «Я даже думаю, — делился своими впечатлениями философ, — что с 1914 г. время как-то уплотнилось и стало протекать скорее. Апокалиптические ожидания в прошлом объясняются именно сгущением времён, близким к окончанию времени и потом рассасавшимся. Время, как и пространство, имеет складки и прорывы. <...> Во времени иногда бывают сотрясения. Время, наконец, в каком-то смысле обратимо. Общеизвестны сказочные мгновенные постарения и помолодения. Религиозный экстаз характеризуется именно прекращением или свёртыванием времени, сжатием прошлых и будущих времён в одну неделимую настоящую точку»².

Один из предшественников и учителей Лосева П.А. Флоренский указывал на то, что осознание времени есть не что иное, как его синтез, причём, что очень важно, синтез не столько индивидуальный, сколько родовой. Флоренский выдвинул эту мысль в противовес дарвинизму, который, по его мысли, не замечает внутренней истории рода как единого организма, сводя жизнь рода к реакциям на внешние условия и обстоятельства. Между тем у каждого рода есть внутренняя, заложенная свыше программа: «Закон развития, т.е. форма линий времени, имеет свой инвариант, и род не усту-

¹ Прот. Василий Шустин. Записи об отце Иоанне Кронштадтском и об оптинских старцах. Из личных воспоминаний. — Белая церковь, 1929. — С. 49.

² Приведённые цитаты см.: Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. — М., 1994. — С. 87–90.

Очень часто борьба цивилизаций осуществляется через подрыв ценностей и идеалов противника, через десакрализацию его духовного ядра, а не через прямое противостояние и честную полемику. В этом смысле агрессивный секуляризм, вкрадчивый деизм или пантеизм, историческая критика канонов чаще всего являются лишь проектами прикрытия, за которыми стоит совсем иной замысел — ослабить традицию того, с кем не удаётся сладить иным путём, посеять у её носителей сомнения в самих себе, неуверенность в правде собственной идентичности.

пит его и не сможет от него отказаться иначе как ценою собственной гибели. <...> Активностью сознания время строится, пассивностью же, напротив, расстраивается: распадаясь, оно даёт отдельные, самодовлеющие части. <...> Расслабленное городскую сутолокою сознание привыкает к ещё большей пассивности и охватывает лишь небольшие кусочки времени от толчка до другого. <...> Тут человек, как вещь среди вещей мира, несётся вровень с прочими рекою времени. Время разложилось, и каждый момент его в сознании всецело исключает все прочие. Время стало для сознания лишь точкою, но не точкою полноты, побравшею в себя всё время, а точкою опустошения»³.

Что касается синтеза времени и осознания себя как части родового целого, вплоть до целостности человечества, — Флоренский характеризует эти состояния как парение и молитвенность (у Лосева — религиозный экстаз), при этом «внутренне-связное целое»

предстает как глубоко пронизанное единым логосом художественное единство. Взгляд на историю как на **художественное явление** не случаен. Всякая эпоха, всякая исторически сложившаяся культура в своей сущности не что иное, как стиль. В этом смысле вопрос о священной истории — это вопрос о картине мира, а не вопрос о религиозной принадлежности со знающего субъекта. В данном случае речь идёт об определённом качестве картины мира⁴.

Французский историк и мыслитель Филипп Арьес полагал, что для изучения истории необходим эстетический дар, своего рода художественный вкус, который должен воспитываться. Здесь на первом плане оказывается не логический анализ, а интуиция, которая по мере погружения в историю оттачивается, заостряется. Зачастую, не обладая точными археологическими данными или документами, но благодаря наличию вкуса, дару восприятия эпохи как целого, как картины, как стиля, —

историк способен определить подлинность тех или иных свидетельств или артефактов. В целом Арьес, будучи, пожалуй, наиболее выдающимся мыслителем направления социальной памяти, видел в философии истории совокупность разных традиций и типов времени (эти комплексы он называл «своеобразиями»). Или, иными словами, — совокупность наследий, в центре каждого из которых лежит склонность к прошлому, подобная склонности к хранению семейных преданий и реликвий. Такое отношение к истории у Арьеса противостоит «тотальной и коллективной истории» современной цивилизации с её техническим единообразием, посягающим на стандартизацию всего и вся и отчуждающей человека от его исторических корней⁵.

Помимо концепций Флоренского и Лосева следует назвать заслуги в разработке философии времени С. А. Аскольдова, Н. О. Лосского и особенно Л. П. Карсавина. Как в 20-е годы («Философия истории»), так и в последних произведениях периода заключения в лагере в Абези Лев Платонович, используя опыт Баадера, Бергсона, Пруста, описал единственное в своём роде понимание времени и истории как нелинейного процесса «разматывания» из центра на периферию окружности и «смазывания» обратно в центр, что со стороны представляется как «постепенное» движение⁶. По мысли Карсавина, однако, любая история страны, народа, церкви, коллектива есть биография симфонической личности и в этом схожа с историей жизни отдельного человека. Россия, по Карсавину, тоже симфоническая личность, проживающая свои этапы рождения, зрелости и умирания.

³ Флоренский П. А. История и философия искусства. — М., 2000. — С. 70.

⁴ Само категориальное понятие «картины мира» (Weltbild, world-view) пришло из опыта обобщения естественных наук, в первую очередь физики (в работах Г. Герца и М. Планка), однако термин Weltbild в концептуальном значении употреблялся немецкими гуманитариями и значительно ранее, начиная ещё с В. фон Гумбольдта. Важным звеном на пути от физиков к культурологам послужила в этом отношении концепция «языковой картины мира» Лео Вайсгербера. Наиболее широкое распространение концепт «картины мира» получил с 1950-х гг. в этнографии и антропологии — в этом понятии акцентировался взгляд на окружающий мир изнутри конкретного общества и через призму его культуры.

⁵ Арьес Ф. Время истории. — М., 2011.

⁶ Карсавин Л. П. О времени // Архив Л. П. Карсавина. Вып. II. Неопубликованные труды. Рукописи. — Вильнюс, 2003.

При этом, как и в случае с индивидом, жизнь движется всегда через постоянное погибание и обновление⁷.

2. ИСТОРИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА

В отличие от научной или примитивной картины мира историческая картина мира представляет собой такой комплекс понятий и представлений, такой ментальный тезаурус, который удовлетворяет потребность носителя культуры в **понимании истории как своего происхождения и сопричастности**. История в этой своей картине целостна и непрерывна, вписана в мироздание как космос в космос. В отличие от неё «научная фактография» может и не складываться в единую картину мира, и более того, может даже не соотноситься с сущностью эпохи и культуры, ради постижения которых и должно осуществляться историческое познание. (Должно осуществляться, но не всегда в действительности осуществляется, если историческая «наука» отвлекается от своих естественных задач и превращается в нечто самодовлеющее.) Именно в этом смысле следует понимать афоризм Броделя: «Факты — это пыль». Факты сами по себе не выявляют истинную сущность исторических процессов, а могут скрывать под собой эту сущность, которую чаще всего необходимо выискивать под слоем накопившейся «пыли» и очищать от неё.

Сакральная история — наиболее радикальное и последовательное движение в сторону сущности прошлого. И при этом она, как ни называй её мировоззренческую основу (религиозностью, метафизикой, историософией, мистикой истории или как-то ещё), являет **необходимый уровень высокоорганизованной исторической картины мира**.

Выдающийся советский мыслитель Б. С. Ерасов обращал внимание на то, что в культурных системах время

движется по особым законам и правилам, оно накапливается, сохраняется, обращается «вспять» в процессах «возрождения», возникает сложная переключка поколений — при этом постоянно происходит редактирование истории новыми поколениями⁸.

Редактирование истории как фонда социальной памяти — это не «визисекция» прошлого, а неизбежная данность, альтернативы которой не существует. Единственно возможная и притом временная альтернатива ему — хаотичная картина прошлого, диктатура факта, когда вместо целостного сюжета и объясняющего мифа мы видим калейдоскоп противоречащих друг другу элементов, многообразие которых «взрывает» историческое сознание. Непрерывность истории в значительной степени определяется тем, кто на неё смотрит, кто её

истолковывает. Если этого субъекта не оказывается, если такой субъект не воспитан в школе и в университете, то никакой непрерывной истории, конечно же, не будет, — она рассыплется на тысячи и миллионы осколочных фактов, которые будут противоречить друг другу, сталкиваться друг с другом.

Противопоставление традиции и истории как несовместимых подходов к прошлому может означать только одно: критический «исторический метод» используется иным субъектом, представителем другой культуры, не важно, признаётся ли это, либо скрывается. Победа истории над традицией может означать только «замену» культурной памяти. Очень часто борьба цивилизаций осуществляется через подрыв ценностей и идеалов противника, через десакрализацию его духовного ядра, а не через прямое

⁷ Карсавин Л. П. *Философия истории*. — СПб., 1993.

⁸ Ерасов Б. С. *Цивилизации: универсалии и самобытность*. — М., 2002. — С. 106–107.

противостояние и честную полемику. В этом смысле агрессивный секуляризм, вкрадчивый деизм или пантеизм, историческая критика канонов чаще всего являются лишь проектами прикрытия, за которыми стоит совсем иной замысел — ослабить традицию того, с кем не удаётся сладить иным путём, посеять у её носителей сомнения в самих себе, неуверенность в правде собственной идентичности.

Хаос и дезинтеграция истории, так же как и дезинтеграция времени в сознании современного человека (см. выше мысли об этом Флоренского), делает невозможным включение в современность традиции и переживание человеком подлинности своих истоков. Профессиональные историки сегодня всё чаще признают, что историческая наука лишь опосредованно влияет на социальную память: «Все мы читали об Отечественной войне

1812 года в учебниках — но образ войны, закрепившийся в социальной памяти, в значительной степени навеян «Войной и миром» Льва Толстого. Кто бы вспоминал сейчас Бориса Годунова, если бы не драма Пушкина и не опера Мусоргского? Князь Игорь так и остался бы бледной тенью в ряду почти неразличимых родственников, если бы не «Слово о полку Игореве» и опера Бородина»⁹. Бум интереса к собственной истории, активизация общественного исторического сознания всегда связана не с качественным прорывом науки в накоплении фактов, а с качественным переломом в большой социальной картине мира, требующим восстановить или построить заново модель целостного восприятия прошлого.

Синтез времени у Флоренского, мифологическое время у Лосева, активное строительство исторической картины мира, как мы её понимаем, — необ-

ходимый ориентир для выживания цивилизации. В самой сердцевине этой потребности и нужды лежит сакральная история, объясняющая народу — носителю цивилизации его уникальность, приоткрывающая глаза на смысл его судьбы и его предназначение...

Парадигма сакральной истории наложила глубокий отпечаток на всю мировую культуру, в том числе и на культуру чисто светскую. Освобождаясь от религии и религиозных авторитетов, философы и историки не могли полностью освободиться от историософии, разве что порождая её усечённые модели. К примеру, позитивизм и марксизм предложили редуцированные метафизические картины истории, хотя сами Конт и Маркс на словах объявляли войну метафизике. Тем не менее мы имеем дело именно с беспредпосылочным созданием новых историософских схем, которые сильно напоминали уже известные, хотя и скрещённые с идеями прогресса, построения (хилиастов и милленаристов разных толков, Иоахима Флорского, Джамбаттисты Вико, анабаптистов и т.д.).

Конт обосновал свою философию истории оптимистической верой в прогресс интеллекта, который должен был гармонизировать общество на научной стадии развития. В итоге Конт не удержался от построения квазирелигиозного мировоззрения с культом «Великого Существа», стоящего в его общественном идеале над всей позитивной наукой и философией.

Маркс увенчал историософскую схему истмата красивой симметрией: развитием человечества от первобытного коммунизма к коммунизму футуристическому как своего рода «концу истории». По формуле одного из героев Стругацких, «с коммунизма человек начал и к коммунизму вернулся, и этим возвращением начинается новая ветвь спирали»¹⁰. Любопытно

⁹ Никифоров Ю.А. Интерпретация истории как технология социального проектирования (доклад в Институте динамического консерватизма) — в сб.: На пространствах империи. Традиция. История. Культура. — М., 2012. — С. 154–155.

¹⁰ На эту симметрию не так часто обращают внимание, между тем как она связана, безусловно, с сакральной историей древних религий, как авраамических, так и языческих («свершение времён», возвращение райского состояния в финале истории, благоденствие эры Машиаха как итог иудейского хилиазма, возврат «Золотого века» во многих других традициях циклического типа, в том числе страстное ожидание его возвращения в консервативном романтизме у Ф. Гемстергейса, Новалиса, Ж. де Местра и т.д.).

при этом, что один из основателей марксизма Поль Лафарг, предложивший одну из самых глубоких трактовок первобытного («примитивного») коммунизма, не останавливается перед тем, чтобы дать реконструкцию порождённого этим коммунизмом религиозного мироощущения: идею о мире мёртвых как вечном блаженстве всех без исключения членов общества, каждому из которых открыт доступ в рай. Воображение Лафарга экстраполировало мечту о коммунизме в древнейшую религию, порождая тем самым головокругительное зазеркалье фантастических идеалов.

Победа над «коммунистическим» лагерем в конце XX века также не обошлась без нашумевшего вброса про «конец истории», который осуществили победители в холодной войне. Сам автор вброса Френсис Фукуяма после событий 11 сентября поспешил признаться, что в этом вопросе он ошибся: история продолжается. Для нас же гораздо важнее, что продолжается не какой-то событийный ряд, но **продолжается духовная брань**. История — это не фильм, который мы смотрим. История это война, на которую мы призваны.

Победители в холодной войне выиграли лишь очередную партию. Кроме

того, сложность и глубина истории заключается в том, что в ней меняются игроки-субъекты. Иногда мы имеем дело не только со сменой одних лидеров-субъектов на других, но и с подменной лидерства. Сегодня главная линия духовной брани выразилась в переворачивании исторической картины мира, которое началось с переворачивания мифа о «золотом веке».

Так или иначе этот миф (о нисхождении человечества от благоденствия к упадку и духовному разрушению) свойствен всем культурам, причём в сохранившихся осколках универсально распространённого древнего мировоззрения о «первых временах» судьбы человечества трактуются как неуклонное снижение сакральной составляющей: эпоха богов, живших и непосредственно правивших на земле, сменяется эпохой героев, а та, в свою очередь, — эпохой людей¹¹. В противоположность этому мировоззрению Модерн построил схему истории как смену эпох: детства, юности и зрелости (у Гердера) или, хуже того: дикости, варварства и цивилизации (у Моргана и Энгельса). Современная философия истории постаралась выдать из себя представление о «сакральном истоке», определив его как мифы и сказки наивного сознания, придавая

этим характеристикам уничтожительный смысл.

Говоря о «сакральной истории», нельзя полностью проигнорировать вопрос о происхождении истории «несакральной». Дело в том, что, строго говоря, «несакральная» культура в противовес сакральной очень молода и по своему возрасту не может считаться превысившей лимит исторической погрешности. Идея секулярной культуры постоянно опровергается самим ходом событий в тех обществах, которые объявили секуляризм своим кредо. В результате понятие «священного» никуда не ушло даже из тех обществ, которые отказались от официальной религии¹².

Идея профанной культуры, профанического слоя как нижней, несознательной части человечества была тщательно разработана в ряде тайных организаций эзотерического толка. Эта идея никогда не признавалась за истину в самих религиозных традициях. В науке эту же идею дуализма сакрального и профанного попытался внедрить авторитетный социолог Эмиль Дюркгейм. Однако уже поколение его учеников раскололось по данному вопросу, так что даже уважающие его учёные были вынуждены упрекать его в подмене научности метафизикой.

¹¹ К числу таких осколков относятся данные, дошедшие до нас из Древнего Египта, Вавилонии и Индии. В частично сохранившемся Туринском царском папирусе (ок. XIII в. до н.э.), писаниях жреца Манефона (IV–III вв. до н.э.) и в пересказах жреческой истории у Диодора Сицилийского (I в. до н.э.) засвидетельствовано, что смертные царствовали в Египте менее 5000 лет, а до этого им управляли боги, последним из которых был Гор, затем полубоги. По версии Манефона, до фараона Менеса Священная история Египта насчитывала 24 925 лет. Сходную картину даёт вавилонский историк и жрец бога Бэла Берос (IV–III вв. до н.э.), который в первой книге «Вавилонской истории» писал, что в Вавилоне с большой заботой хранятся книги многих писателей, охватывающие период более чем в 15 мириад лет (одной мириаде соответствовало число 10 000). Согласно шумеро-аккадской традиции, после того как «царствие было ниспослано с небес», в Шумере до Великого потопа на протяжении 277 200 лет правили 9 царей в пяти поочерёдно сменявшихся городах-государствах. Также и индуистская традиция приводит данные о нескольких сменяющих друг друга и понижающих сакральный градус человеческой жизни эпохах: Сатья-юге (продолжительность 1 728 000 земных лет), Трета-юге (1 296 000 лет), Двапара-юге (864 000 лет), Кали-юге (432 000 лет), в которую мы живём сейчас и которая характеризуется крайней степенью духовного упадка. Согласно Гесиоду, разделяющему концепцию инволюции от золотого к железному веку, есть ещё одна, пятая (точнее — четвёртая) историческая стадия — это «Век Героев». На смену «медным» людям приходят герои, равные богам. По сути, происходит реставрация Золотого Века на новом уровне, которую можно назвать консервативной революцией. Данная «синкопа» показывает историю как противоречивый процесс, где нисходящие потоки сложно и противоречиво сочетаются с восходящими, а вселенский поток можно героически обернуть вспять (пусть хотя бы и на время).

¹² Понятие «святынь» и ощущение присутствия «священного» неустранимо из общественной практики, и отечественный опыт официального атеизма и богоборчества это лишь подтверждает — чем более обмирщался советский народ, тем острее в обществе осознавалась потребность в святынях и культах, компенсирующих отсутствие признанной и легальной религии, — эту потребность советские власти стремились удовлетворить всеми доступными способами, начиная от сакрализации «хлеба» как символа народного труда и до таких секулярных святынь, как «вечный огонь». Сам по себе эксперимент такого рода не подтверждает того, что возможно длительное существование цивилизации в её конфронтации с собственным духовным стержнем, а также доказывает и то, что цивилизация не может долго существовать (а тем более возникнуть!) на базе искусственно, по инженерным методикам, сконструированных политиками или социальными технологами святынь, ритуалов и коммеморативных практик.

(Как пример Эванс-Причард назвал Дюркгейма «эволюционистом-фанатиком» за то, что он навязал ученикам и последователям оппозицию священного и мирского, которая неадекватна реальным «примитивным обществам»¹³.) Так или иначе из школы Дюркгейма вышло много учеников, преодолевающих ограниченность учителя.

Само разделение внутреннего мира человека на светский и духовный миры, как это трагически произошло на Западе, может быть уподоблено глубокой психологической травме. Египетскому мыслителю А. Абдель-Малеку противопоставление западной и восточной культурных установок позволило провозгласить модель «органического интеллектуала», который без труда соединяет научную, философскую, моральную и религиозную парадигмы знания в единое целое. Такая модель свидетельствует о возможности и желательности самостоятельного творческого развития незападных обществ без господства агрессивного секуляризма.

Ведущий исследователь и теоретик сакральной культуры Мирча Элиаде, который употреблял в своих работах понятие «профанного», придавал ему совсем другой смысл. Профанное у него — это неозначенное, не попавшее в ритуальную сферу священнодействий и иерофаний¹⁴. Иное, дюркгеймовское понимание профанного могло возникнуть только в странном, аномальном обществе, в котором «сакральное» попытались выдать из картины мира. Между тем, выдавливая сакральное, воинствующие секуляристы, за спиной которых стоит масонство, фактически объявляли войну самому ядру культуры, из которого она выросла. Конечно, им

не удалось сделать это на уровне науки и философии¹⁵. Однако нельзя не признать: секуляристы добились очень многого на уровне массовой культуры — то есть, выражаясь почти каламбуром, они сумели навязать идею чистого профанизма огромной массе «профанов». Соблазнив их идеей личной свободы, они произвели грандиозную операцию по десувверенизации личности.

3. ЭСХАТОЛОГИЯ: ОПТИМИЗМ ИЛИ ПОРАЖЕНЧЕСТВО?

В христианской культуре представление о сакральной истории крепко связывается с изучением Библии и описываемых в ней событий. В то же время христианские мыслители не могли не проецировать историософию Ветхого и Нового Заветов на более поздние эпохи. На это нацеливали их как писания пророков, так и пророчества о последних временах Самого Христа и в особенности завершающая книга Библии — Откровение Иоанна Богослова. Вся эта проблематика сосредоточена не на воспоминаниях о «золотом веке», но на напряжённом переживании приближающегося страшного в духовном плане эсхатологического рубежа. Вместе с тем в христианстве это переживание парадоксально соединяется с ярким и волевым учением о негэнтропийной миссии Христа. **Общая деградация мира накладывает на мистический «противоток» в лице церкви, делающий пребывание и духовное стояние христианина в последние времена особенно важными, а его миссию — высокой честью.**

Ключевая для христианства историософия, построенная на истолковании пророком Даниилом сна царя Навуходоносора об исполинском истука-

не, включает церковь в политическую историю, историю империй или царств. А далее уже видение самого пророка Даниила о зверях — образах сменяющих друг друга держав интерпретируется как драма истории от Вавилонского царства до времён антихриста¹⁶. В этих откровениях утверждено финальное торжество над земными царствами «царства святых», во главе которого, по словам пророка, стоит «Сын человеческий», — владычество же Его вечное и не прейдёт.

В **Апокалипсисе** Иоанна Богослова содержится, по мнению многих интерпретаторов, стройное пророчество об эпохах развития церкви, а именно: семь церквей, ангелам которых апостол передаёт послания от Духа Божия. В то же время трудно не заметить, что эти семь церквей в тексте Апокалипсиса не столько последовательно сменяют друг друга, сколько сосуществуют в некоем объёмном метаисторическом пространстве. Это характерная черта подлинной сакральной истории. Но в то же время это не собственно «история», но пророческое прозревание в будущее и вечность. Семь церквей сложно соотносятся, накладываются друг на друга, могут присутствовать в одну и ту же эпоху и представляют собой некие сквозные во времени исторические узлы и соответствующие им духовные типы. К каждой из них Бог обращается с призывом покаяться в грехах и быть стойким в вере и преданности Христу, что означает: их свойства не фатальны, зависят от воли и подвига самих верующих.

Особо горячие толкования в русском православии были посвящены Филадельфийской и Лаодикийской церквам, которые, если перечитать данные строки Апокалипсиса сегодня,

¹³ Эванс-Причард Э. История антропологической мысли. — М., 2003. — С. 197.

¹⁴ Элиаде М. Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения. — М., 1999. — С. 17–25, 337–341.

¹⁵ Обоснованию противоположной точки зрения были посвящены труды многих выдающихся мыслителей XX века. Достаточно представительный обзор этого направления дан через проблематику «нуминозной интерпретации мифа» К. Хюбнером (Хюбнер К. Истина мифа. — М., 1996. — С. 66–72).

¹⁶ Святой Ипполит Римский. Творения. Выпуск I. Толкования на книгу пророка Даниила. — Казань, 1898. — С. 48, 110–120. Толкования святого Ипполита на пророчества Даниила задали контекст и откровений Мефодия Патарского, и византийских и русских хронографов, вплоть до работ старца Филофея, в которых на тех же основаниях пророчествуется о России как Третьем Риме.

действительно как будто живописуют близкие нам времена. В этих двух церквях одновременно воплощены разные и несовместимые духовные типажи (филадельфийский типаж — спасающийся благодаря своему терпению и непреклонной преданности Сыну Божию; лаодикийский типаж — гибнущий в силу теплохладности и склонности к самообману).

Если в Филадельфийской церкви многие видят пророчество о духовном возрождении христианства незадолго до конца времён, то весьма своеобразную схему сакральной истории — применительно конкретно к России — дал наш современник, знаменитый старец архимандрит Иоанн (Крестьянкин): он увидел в русской истории 7 периодов и символически обозначил их именами 7 таинств церкви. Река русской духовной жизни, по выражению отца Иоанна, то ускоряется, то замедляет своё течение, но движется всё время в заданном направлении. По его вдохновенной мысли, высказанной в проповеди 1988 года, когда отмечалось тысячелетие Крещения Руси, мы живём в 6-й период, соответствующий таинству Причащения (о чём свидетельствуют подобные крестным страданиям Спасителя подвиги новомучеников российских), и стоим накануне 7-го периода Святой Руси. «И даст Господь в седьмой период восполнить сосуды веры христианской и Сам освятит русский народ Своею благодатию, которая даст силы во имя Сына Божия снова и снова свободно избирать людям Царство Божие — Царство Небесное — целью жизни на Земле. И будет соответствовать этот период Святой Тайне Рукоположения. И станет русский народ священным народом, утренней звездой между народами»¹⁷. Поразительное по своему оптимизму видение, в котором русским усваивается благодать народа-священника! (И в то же время оно согласуется с пророчествами многих русских святых о «расцвете» России перед концом мира.)

Однако такого рода оптимизм может соседствовать с тревожным, алармистским взглядом на наступающие времена. Если предположить, что давление падшего и деградировавшего мира становится невыносимым для христианина, у него может возникнуть стремление поскорее «пробежать» этот опасный участок истории. Ему может показаться, что прекращение земной истории ведёт к некоему благому Событию, а сам «конец истории» выглядит чем-то желанным.

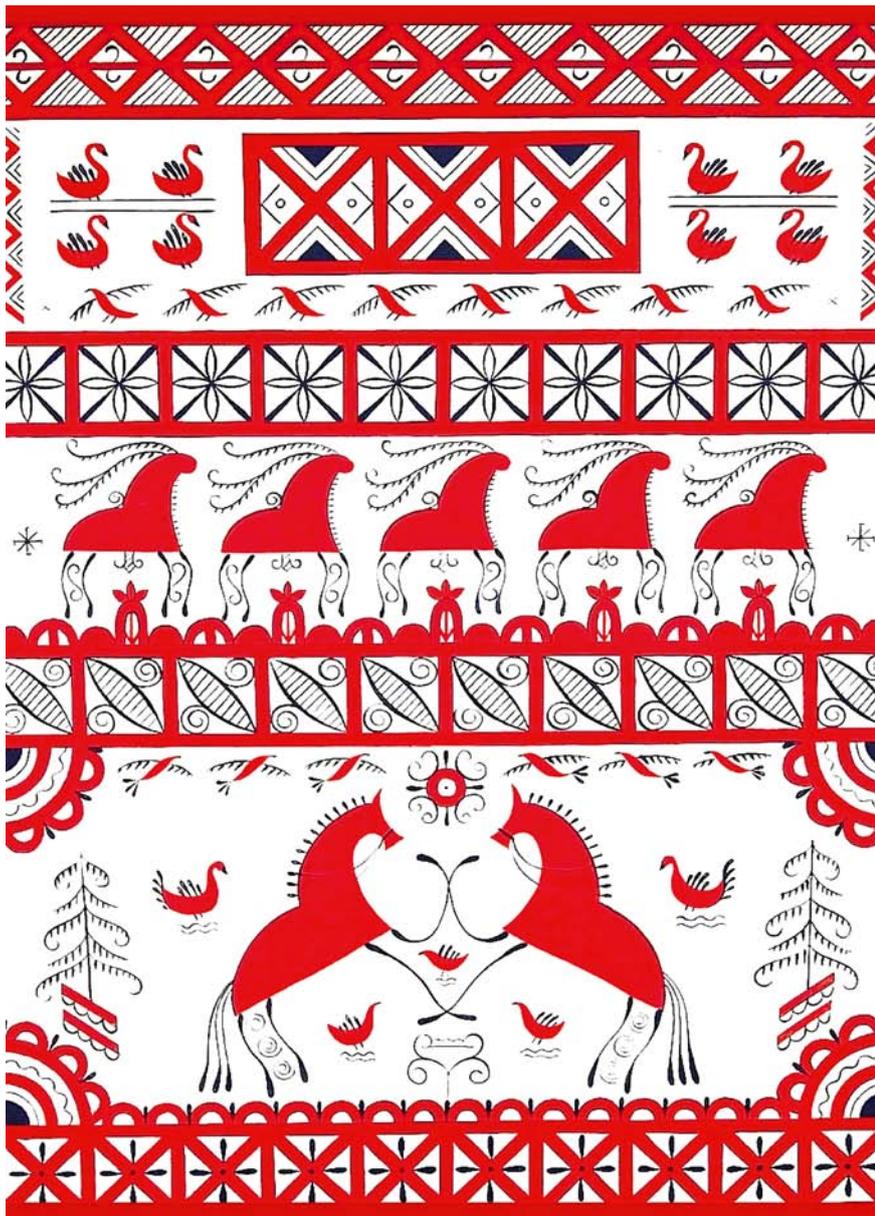
Данный взгляд выразил диакон Андрей Кураев в работе «О нашем поражении». Она и начинается со следующего утверждения: «Христианство — едва ли не единственное мировоззрение на земле, которое убеждено в неизбежности своего собственного исторического поражения. Христианство возвестило одну из самых мрачных эсхатологий; оно предупредило, что в конце концов силам зла будет «дано вести войну со святыми

и победить их» (Откр. 13,7). Евангелие обещает, что врата ада не смогут одолеть церковь, что церковь непобедима. Но «непобедимое» не означает обязательно «победоносное». В перспективе земной истории — не всемирно-историческое торжество Евангелия, но всемирное же владычество антихриста». В такой оптике «от христиан в «эру Водолея», прежде всего, требуется просто выстоять»¹⁸.

Как представляется, данное отношение к реальности и её будущему подталкивает человека, пусть и невольно, содействовать силам деградации. Он становится их «объективным союзником», видя общую цель в прекращении истории. Отсюда многие антигосударственные и антиимперские идеи, которые могут быть выражены даже и в консервативно-религиозной форме. Пример — постоянная критика «языческой» Империи, которая противопоставляется христианско-эсхатологической Пустыне (у отца

¹⁷ Архимандрит Иоанн (Крестьянкин). Проповеди. — М., 1995. — С. 22.

¹⁸ Диакон Андрей Кураев. О нашем поражении // Альфа и Омега, № 7, 1995.

Александра Шмемана). Здесь, на наш взгляд, проявляется ветхозаветная традиция, внешне облачённая в христианские формы.

Историческая линейность прямо питает силы антисистемы, которая жёстко устремлена в Будущее, отрицая при этом Прошлое (такую её характеристику дал Л. Н. Гумилёв)¹⁹. Само Прошлое в антисистемной оптике с точки зрения неумолимого Молоха

«прогресса» представляется чем-то действительно прошедшим, то есть даже и небытийным. Между тем Прошлое в перспективе сакральной истории никуда не делось: то, что когда-то произошло, может проявиться снова, на ином уровне (цикличность противостоит линейности).

Можно утверждать, что «конец истории» неизбежен — в близкой или отдалённой перспективе, но желать

его — значит мыслить и действовать в логике антисистемы. Апостол Павел говорил о невозможности наступления конца мира, пока не «взят от среды удерживающий теперь» (2 Фес. 2, 7). А свт. Иоанн Златоуст прямо указывал на то, что удерживающим является Римская империя.

Не означает ли это для нас, что надо приложить все усилия для того, чтобы удерживать наш мир от «линейного» впадения в историческую бездну? «Смирение» с концом не означает ли неверия в том числе и в свои силы, сомнение в себе самом? Сроки конца неизвестны людям или ангелам — и как бы ни казался он близким в тяжёлые времена, Бог даёт отсрочку ради покаяния и проявления новых святых сил в человечестве. Он должен, по выражению свт. Феофана Затворника, пройти по всем народам и выбрать из них всех способных принять Его, — когда же это произойдёт, придёт кончина мира, ибо не для чего уже будет оставаться настоящему порядку вещей. В **Послании же к Римлянам (гл. 11)** отчётливо пророчествуется, что в те времена в Царствие «войдёт полное число язычников», и тогда спадёт пелена ожесточения с сердец иудеев, и многие из них обратятся ко Христу.

Насколько близки мы теперь к концу? Об этом говорить трудно. Но есть пророчество преподобного Серафима Саровского, согласно которому, когда прольются реки крови и будет уничтожено самодержавие, Господь «не попустит разрушиться до конца земле Русской» и после страшных испытаний «приведёт её путём страданий к великой славе». Это пророчество согласуется с подобными же пророчествами целого ряда русских, греческих, сербских святых. При этом преподобный Серафим высказывал и своё мнение о сроках: «Мню, батюшка, что восьмая-то тысяча пройдёт. Мню, что пройдёт!»²⁰ (Восьмая тысяча от сотворения мира — это

¹⁹ Подробнее об антисистемном мировоззрении см. коллективный доклад Изборскому клубу: Русская цивилизация против антисистем // «Изборский клуб», № 7 (53), 2017.

²⁰ Высказывания преподобного Серафима приводятся по изданию: Россия перед Вторым Пришествием. Издание 3-е, исправленное и расширенное. Т. I. — М., 1998. — С. 318.

2492 год по принятому сейчас летоисчислению.)

Можно предполагать, что промедление Бога в последние времена направлено на то, чтобы в истории созрели до того невиданные плоды духовного подвига, человеческого противостояния мировому злу, тем более ценные, что они раскрываются в эпоху всё большего, уже почти доминирующего зла. На сей счёт есть указания древних старцев, утверждавших, что последний род христиан хотя и не будет иметь монашеского делания, но люди будут спасаться скорбями: «те из них, которые устоят, будут выше нас и отцов наших» (авва Исхирион)²¹. О том же говорит и преподобный Антоний Великий: «Но будут в то время и такие, которые окажутся гораздо лучше и совершеннее нас; ибо блаженнее тот, кто мог бы преступить и не преступил, и зло сотворить и не сотворил, нежели тот, кто влеком был к добру массою стремящихся к тому ревнителей»²². В самые же последние годы, по евангельскому пророчеству, скорбь наступит такая, что вынести её будет практически невозможно, и Господь сократит это время «ради избранных», которые будут и тогда обретаться среди падшего человечества (Мф. 24, 21–22).

4. ЛИНИЯ И КРУГ. О ВЛАСТИ НАД ВРЕМЕНЕМ

Для понимания линейности как формы, в которой воплощается программа десакрализации истории и, шире, — десакрализации всей человеческой жизни, нам предстоит остановиться на одной важной теологической тонкости. Ветхозаветный авраамизм основан на положении о том, что мир был сотворён из ничего (ex nihilo): «Посмотри на небо и землю и, видя всё, что на них, познай, что всё сотворил Бог из ничего» (2 Мак. 7, 28). В новозаветной традиции христианства это положение не отбрасывается. Сталкиваясь с понятием Ничто, человек, так или иначе, пыта-

ется представить его себе. В результате Ничто, его «безобразный образ», оказывает влияние на человеческую мысль и жизнь.

Существуют трактовки Ничто как первоматерии (materia prima) Аристотеля. Считалось, что именно о ней написано в начале Библии: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою» (Быт. 1, 2). Многие «языческие» традиции придерживаются своеобразного взгляда на первоматерию: согласно им, она существовала всегда. Древние египтяне считали, что вначале был хаотический океан Нун. Внутри него находился бог Апуп (Апоп), который и начал творение. В индоарийской «Ригведе» читаем: «Мрак был сокрыт мраком вначале. Неразличима пучина — всё это» (РВ X 129, 3). По сути дела, первоматерия провозглашалась неким «вторым Абсолютом». И эти представления о недобытийной первоматерии (изначальном хаосе) также подпитывают «образ» Ничто, усиливая отрицающее начало.

Если мир появился из Ничто, то он ничтожен. Не только в сравнении с Богом, но и сам по себе. И тут у человека остаётся два выбора. Либо надо смириться со своим ничтожеством, либо это ничтожество преодолеть. А как можно преодолеть ничтожество, если не отрицать эту *ничтожность*, *уничтожая* низшие формы и утверждая высшие? При этом каждый этап отрицания отрицает предшествующий, можно даже сказать, убивает его. Такая линейно-нигилистическая трактовка истории может приобретать и крайние формы, вплоть до мысли об уничтожении самого мира в радикальном гностицизме. Ведь само творение выглядит ничтожным актом злого демиурга, создавшего ничтожный и злой мир.

В нигилистической метафизике **представление о линейном времени становится предпосылкой учения о прогрессе** как движении от Ничто к некоей точке бытийного

универсума. Сторонники линейного восхождения обычно отрицают универсальную догму практически всех религиозных традиций, гласящую, что сотворённый мир был прекрасен и не знал никакого изъятия. Они считают ничтожность (ноль, пустоту) чем-то изначальным и требующим преодоления. В прогрессистской логике заложена фундаментальная опасность: линейное движение истории может быть направлено не вверх, а вниз. Согласно доктрине инволюционизма, свойственной большинству духовных традиций человечества, изначально прекрасный мир был искажён волею самого человека, имеющего возможность выбора — между Чистым Бытием и Недобытием. И с того момента он движется (можно даже сказать — катится) вниз. По законам изощрённой каверзы это движение в прогрессизме и некоторых ветвях хилиазма выдаётся за восхождение — порой совершенно сознательно, с целью ускорить само падение и «подтолкнуть падающих».

Однако, наряду с линейным движением, есть **движение круговое, циклическое**. Оно постоянно воспроизводит подобные друг другу состояния мира и не даёт ему скатиться в пропасть всеразрушающего, нигилистического хаоса. Данное движение происходит вокруг некоего незримого Центра, который и обеспечивает его.

Но где этот Центр?

В последнее время в России приобрели огромную популярность книги и гипотезы о происхождении предков русских-славян по прямой линии от мифической Гипербореи. Согласно античным авторам, гипербореи продолжали жить в реалиях Золотого Века: они, как писали греки-историки, не знают нужды, болезней и бедствий. Древнегреческий поэт Пиндар (VI–V вв. до н.э.) утверждал: «Ни сушей, ни морем не найдёшь ты дорогу в Гиперборею». Миф о Гиперборее смыкается с преданиями Веданты и Ригведы

²¹ Из Отечника. См.: Епископ Игнатий Брянчанинов. Сочинения. Т. IV. — СПб., 1867. — С. 191.

²² Добротолубие. Т. I. — Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1993. — С. 129–130.

о горе Меру и древнейшем сакральном центре на севере — в XIX–XX вв. мыслители-традиционалисты собрали и систематизировали всю информацию из разных культур, указывающих на сходные мифы и предания²³.

Тема эта поднималась и христианами авторами. Так, новгородский епископ св. Василий Калика (XIV в.) в своём письме к тверскому владыке Фёдору утверждает о существовании наряду с небесным («мысленным») раем — рая земного, невидимого для обычных людей. Новгородский владыка ссылался на экспедицию Моислава Новгородца, достигшую этого рая. И рай сей, по словам владыки, находится где-то на севере, на высоких горах. Он осиян небывалой красотой — «многочасытным» светом, а на вершине одной из гор чудесной лазоревой краской написан Деисус (изображение Христа, Богородицы и Иоанна Крестителя). До путешественников, сумевших, в силу духовной чистоты, добраться до чудесной северной земли и увидеть её красоты, доносились сладчайшее пение и весёлые возгласы.

В средневековом сознании сакральная история имеет не только в прошлом, но и в пространстве («сакральная география») свои координаты, оси которых сходятся в недоступном для грешного мира центре. Там сохраняются райские реалии, потерянные человеком в результате метакоsmической катастрофы, известной как грехопадение. Именно этот центр и вращает круг бытия, направляя историю по кольцу или спирали, так что события в некотором смысле повторяются и нанизываются на единую священно-историческую нить (невидимую «цепь миров», сакральную ось, сутратму на языке традиционалистов), при этом полное прохождение цикла, если оно осознаётся, символизирует возвращение к Первоначалу²⁴.

У незримой, сакральной страны должен быть свой правитель, который является Царём Мира. В разных традициях называют разные его имена — Вайшванара («Всечеловек»), Чакравартин и др. В библейской традиции он известен как Мелхиседек — «царь Салимский», «священник Бога Всевышнего» (**Быт. 14, 18**). Когда Авраам возвращался после победы над восточными царями, именно этот сакральный правитель благословил патриарха хлебом и вином, а также принял от него десятую часть трофеев.

Как очевидно, ветхозаветная традиция признаёт превосходство Мелхиседека над Авраамом, то есть указывает на ограниченность «авраамизма». В псалмах утверждается, что Мессия будет священником по чину Мелхиседекову (**Пс. 109, 4**). И об исполнении этого пророчества пишет апостол Павел в своём **«Послании к евреям»**. Он же сообщает о том, что Мелхиседек «без отца, без матери, без родословия, не имеющий ни начала дней, ни конца жизни, уподобляясь Сыну Божию, пребывает священником навсегда» (**Евр. 7, 2–3**). Мы видим, что Мелхиседек, существенно превосходя уровень священников-человеков, изначально являл качественно высший образ религии и духовного служения. По замечанию архиепископа Ириней (Клементьевского), он был «священник всеобщий, а не одного токмо народа», при этом «не имел нужды ни в скинии, ни в храме для жертвоприношений»²⁵.

В то же самое время «мир весь во зле лежит» (**1 Иоан. 5, 19**), почему служение Мелхиседека несёт на себе печать неотмирности. На Земле же постоянно растёт могущество «князя мира сего», который способствует убыстрению линейного, инволюционного движения. Но этому препятствует движение круговое, которое замедляет деградацию, сковывая её

своими сакрально-историческими обручами.

Особой значимостью для сакральной истории России обладает учение и пророчество старца Филофея о трёх Римях, в котором ярко выражена идея исторического циклизма как удержания мира от зла. Три Рима часто трактуют весьма упрощённо, считают, что речь идёт о наследовании Византией и Русью языческой государственности Рима. Это заблуждение пытался развеять выдающийся русский историк В.В. Кожин: «А ведь в сочинениях старца Филофея, во-первых, с полной ясностью утверждается, что речь идёт именно и только о христианском Риме — о Риме апостола Петра, а не Юлия Цезаря или Августа Октавиана. Это неоспоримо явствует уже из датировки начала Первого Рима, о котором говорит Филофей. <...> Во-вторых, речь идёт у Филофея не о государственном значении Первого, Второго и Третьего Рима, а о совершающемся в рамках этих государств духовном бытии. Он писал о первом Риме: «Аще убо великого Рима стены и столпове и трековные полаты не пленены, но душа их от диавола пленены». А конец Второго Рима — Византии — старец Филофей видел не в захвате его в 1453 году турками, но в состоявшемся в 1438–1439 годах Флорентийском соборе»²⁶. В своих рассуждениях о первых двух Римях Филофей в первую очередь стремится донести грозные предупреждения для Русского государства — призвание которого быть «удерживающим» до конца времён («Четвёртому Риму не быти...»). Если говорить о Римской империи безотносительно христианства, то она и не воспринимается в христианской оптике как нечто исключительное: Рим стоит в ряду других держав, пусть он и достиг максимального геополитического могущества.

²³ Тилак Б.Г. Арктическая родина в Ведах. — М., 2001; Уоррен У.Ф. Найденный рай на Северном полюсе. — М., 2003; Генон Р. Атлантида и Гиперборея. // Атлантида и Гиперборея: Мифы и факты. — М., 2003; Елачич Е. Крайний Север как родина человечества. — СПб, 1910.

²⁴ Генон Р. Символы священной науки. — М., 1997. — С. 419–422.

²⁵ Архиепископ Ириней. Толкование на Псалтирь по тексту еврейскому и греческому. Ч. 2. — М., 1903. — С. 267.

²⁶ Кожин В.В. История Руси и русского слова. Опыт беспристрастного исследования. — М., 2001. — С. 470–471.

К примеру, блаженный Августин, имея в виду град мира сего, ассоциировал Римскую империю с Ассирией и Вавилоном: «Рим возник как бы второй Вавилоном, и как бы дочь первого Вавилона, посредством которого Богу было угодно покорить весь мир и умиротворить его надолго и повсюду...»²⁷

Природа трёх Римов различна. Первый Рим в момент своего расцвета оставался языческим, религиозно полифоничным образованием, постепенно превращающимся в космополитическую державу, впадая в оккультизм разных толков. И само христианство было встречено им предельно враждебно. В конце концов, уже «под занавес», старый Рим стал христианским. В этом смысле он символизирует «ветхое человечество», которое в своём лоне взрастило церковь и уступило ей место. Второй Рим, Ромейская империя, Византия, возникла именно в тот момент, когда христианство возросло внутри старой империи. Основание Константинополя и принятие государством христианства практически совпадают во времени²⁸. В этом смысле вся история Византии есть не что иное, как история христианской империи — она символизирует идею удерживающей христианской державы. Основание Второго Рима не было каким-то стихийным процессом, но осознанным деянием. Именно в новый город, основанный на месте старого Византия, в 330 году Константин переносит столицу Римской империи, радикально переформируя пространство римской ойкумены. Вместо горизонтальной оси «Рим–Дельфы–Элевсин» возникла вертикальная ось «Константинополь–Иерусалим», которая определила новую сакральную географию империи. Город, который стал «ступницей колеса мировой цивилизации», вобрал в себя всё, что было ценного в старом мире — механизмы

организации армии и администрации, римское право (на тот момент самое крупное достижение юридической мысли), греческую гуманитарную культуру²⁹.

Третий Рим, Русь, в отличие от них, принял на себя миссию Удерживающего спустя 500 лет после Крещения князем Владимиром. В этом смысле русский народ на момент перехода транслируемой Империи на его землю проникся христианством, пропитался его энергиями, пережил с именем Христа на устах бурную и тяжёлую историю, страшное монгольское иго и освобождение от него. Тожество между народом Руси и христианством оказалось настолько глубоким, что синонимичным ему стало само название несущего

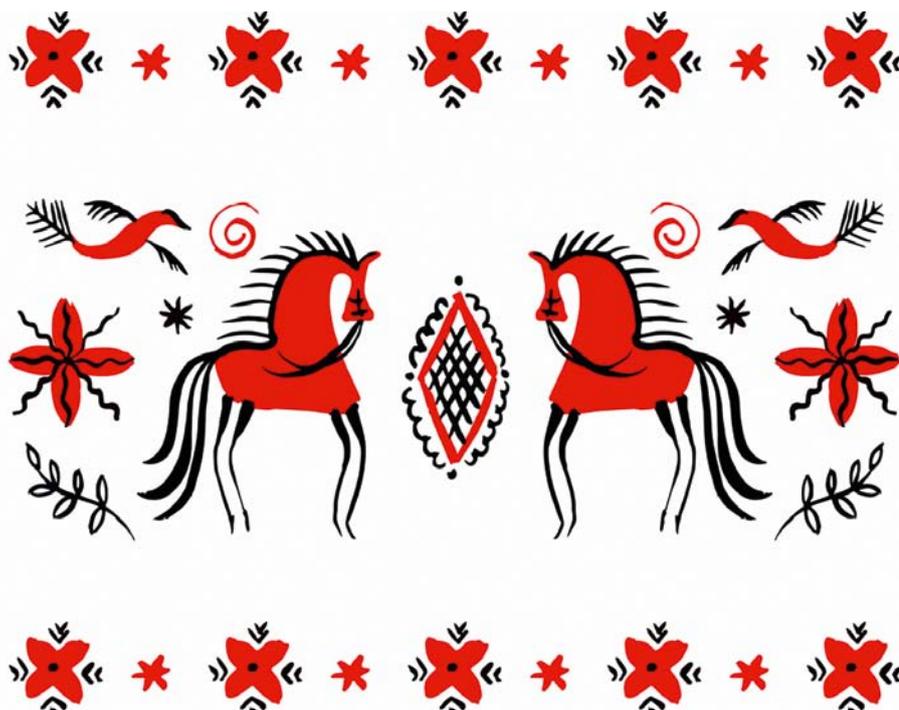
главные тягла государства сословия — «крестьянство», «хрестьянство». Россия не просто Третий Рим, это Святая Русь, Рим в третьей степени (имея в виду увеличение градуса миссии удерживающего). Это возрастание степени Катехона вполне понятно и объяснимо в связи с приближением последних времён, увеличением сил «тайны беззакония», умножением лжепророков и предтеч антихриста, удары которых, как мощный громоотвод, принимает на себя наша родина.

Утверждение Христовой Церкви запустило, если так можно выразиться, круговое движение, воспроизводящее великую империю. Человеческая природа была преображена во Христе, что открыло людям путь к спасению.

²⁷ Блаженный Августин. О Граде Божиим. Т. IV. — М., 1994. — С. 31.

²⁸ Император Константин был великой переходной фигурой: приняв Крещение незадолго до смерти, он олицетворял встречу двух Римов, переход от языческого духа к новой христианской эре. Единственный из всех императоров он одновременно носил титул верховного жреца империи — Pontifex Maximus и в то же время удостоен церковью чина святого (при этом равноапостольного).

²⁹ Рудаков А. Наследие Константина. — М., 2007. — С. 18–19, 34.

Подобно этому была преобразена и природа «человеческого царства», которому открылся путь к возрождению. **Рим рождался вновь, осуществляя великое круговое, циклическое движение. И тем самым он уподоблялся незримому царству Мелхиседека.**

Третий Рим — седмихолмая Москва (по числу холмов уподоблённая двум первым Римам) — воплотил в себе символическое уподобление незримому центру истории. И не случайно произошло это на северных землях, которые находятся в непосредственной близости к Полюсу, чьи льды скрывают Гиперборею. В византийских схолиях к Аристотелю написано: «Мы заселяем среднее пространство между арктическим поясом, близким к северному полюсу, и летним тропическим, причём

скифы-русь и другие гиперборейские народы живут ближе к арктическому поясу...»³⁰ Русские считались потомками одной из ветвей скифов, они унаследовали их земли. Скифы прямо отождествлялись античными авторами с гиперборейями, а византийские авторы отождествляли русских со скифами. Налицо было двойное возрождение: Русь возрождала и Рим, и Скифию. И оба возрождения символически уподобляли нашу державу незримой Гиперборее, истоку человеческой истории. То, что преемство Руси по отношению к Византии имело сакральное значение, подтвердили и сами греческие иерархи, которые после падения Константинополя при обращении к московским великим князьям стали употреблять слово «агиос» («святой») ³¹.

Другим символическим именем циклического движения и возвращения к первоистоку было понятие «новый Иерусалим», которое, в отличие от «Третьего Рима», изначально входило в рефлексию русских богословов (начиная со «Слова о законе и благодати» Илариона Киевского и до религиозных философов и поэтов Серебряного века). Идею Святой Руси как нового Иерусалима воплощали не только в слове, но и в обряде, быту, архитектуре.

Так, образ небесного Иерусалима прямо проецировался на центр Москвы — где осью стал Троицкий (Покровский) собор на Рву, в народном наименовании храм Василия Блаженного. Он являл собой русское прочтение Откровения Иоанна Богослова и в то же время нёс древнюю идею «сказочного города», родственного фантастическим городам на иконах и стенных росписях³². Внутренняя обходная галерея собора, расписанная орнаментом под Райский сад, в плане составляет двенадцатиконечный крест, что соответствует 12 вратам в стенах Небесного Иерусалима. На старинных картах этот комплекс называли Иерусалимом, притом что в Вербное воскресенье во время знаменитого русского «шествия на осляти» вся Красная площадь становилась символическим пространством святого города, центра мира³³. С точки зрения М.П. Кудрявцева, во время этого действия создавался образ Нерукотворного Храма Града Божия: собор символизировал алтарь, амвон — Лобное место, наосом является сама Красная площадь, а роль купола выполняло открытое небо.

³⁰ Латышев В.В. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории, № 2, 1947. — С. 132.

³¹ Сакрально-исторические токи, пронизывающие русскую жизнь, не были чужды даже такому неоднозначному государю, как Пётр I. По многочисленным свидетельствам, само создание Санкт-Петербурга увязывалось им с доктриной Третьего Рима, а личность императора последовательно сопоставлялась с Константином Великим. В то же время Пётр I придавал большое значение русской сакральной истории, в частности, памяти Александра Невского и Ивана Грозного. Данная тенденция парадоксально сочеталась в нём с радикальным пересмотром идеи симфонии властей и роли церкви в государстве. Этот пересмотр был не только политической программой, но и весьма настойчиво проводимой программой духовной, несущей в себе болезненные черты — смешения официально-сакрального и пародийного, игрового, шутовского в действиях, подобных «Всепамянейшему и Всешутейшему собору» (см.: Живов В.М. Культурные реформы в системе преобразований Петра I — в сб.: Из истории русской культуры, том III. — М., 1996. — С. 528–584.)

³² Подробно см.: Фадеева Т. Образ и символ. Универсальный язык символики в истории культуры. — М. 2004.

³³ В традиционной сакральной географии Голгофа прочно отождествляется с тем местом, где захоронена голова Адама, что вновь возвращает нас к символическому циклизму священной истории: «пуп земли» — земля Иерусалима — есть ключевой узел истории.

5. ПАРАДИГМЫ САКРАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Добротный обзор сакральной истории дал в своё время историк Ян Ассман, обративший внимание на то, что данное представление постепенно зарождается в конце II — начале I тысячелетия на Ближнем Востоке. Глубоко ошибаются те, кто по привычке связывает первооткрывательское осознание священной истории с ветхозаветными иудеями. Это, безусловно, не так. Как показывает Ассман, первым народом, от мифа и хроники обратившимся к написанию осмысленной собственной истории, были хетты (XIV в. до н.э.), после чего их инициативу подхватили ассирийцы и египтяне — но не древние, а более поздних веков (XIII в. до н.э. и далее). Уже существенно позже данная идея проникает в сознание иудеев — строго говоря, лишь в VII–VI вв. до н.э. Не менее острым переживанием истории как эсхатологической драмы, как вечной битвы и ожидания Конца является в те же века в иранской культуре (зороастризм даже называют «культурой Ожидания»).

Конечно, здесь важны не даты, а сам принцип. А он заключается в том, что для приверженца священной истории своего народа, государства и церкви разворачивается она по определённой парадигме. Можно спорить о том, сколько таких парадигм явлено в истории. Одна из самых значимых и универсальных парадигм — это смысл событий, описываемый в понятиях **греха (вины, нарушения клятв и т.д.) и наказания, а затем следующего за ними покаяния-прощения и спасения-восстановления**. Это весьма ёмкий критерий, отличающий историческое восприятие действий Бога в жизни людей и характеризующий подлинную священную историю.

Тот факт, что первыми до восприятия военных побед и поражений, эпидемий и внезапных смертей как единичных наказаний Бога за нарушение определённых заповедей сформулировали не семиты и не египтяне, а хетты, может лишь вдохновлять русских. В конце концов, именно от хеттов происходит наш **двуглавый орёл**³⁴, некоторые переключки культуры этого древнего индоевропейского народа с русской культурой удивительны, а подчас и не случайны (например, заимствование образа Телепинуса от хеттов в русскую средневековую культуру, через кавказское посредство).

Многочисленные бедствия русские летописцы трактовали как наказания за грехи: тем самым они фактически воспринимали русскую историю не как случайную, но как священную. Монгольское, литовское и крестоносное нашествия XIII века воспринимались как наказания за утрату единства Русской земли, за многочисленные братоубийства князей, за усобицы, за запоздалые попытки ренессанса языческой культуры... Эпидемии, нашествия и усобицы последующих веков, вплоть до Смуты и Раскола, также воспринимались как расплата за внутренние злодеяния и бесчинства. При всём том даже дохристианские религии знали наряду с аспектом наказания и аспект милосердия, в христианстве же спасение и прощение грешников выходит на первый план. Русские почувствовали это острее многих других народов. Резкое противопоставление Благодарности Закону у митрополита Иллариона уже в XI веке — явление, которому вряд ли найдётся много параллелей в мире. Русские особенно склонны надеяться на благодать и милосердие Божие, которые покрывают все грехи, ибо если бы Бог всегда судил только по справедливости, то не спасся бы, по-

жалуй, ни один человек... Это сознание в России Нового времени несколько притупилось, но всё же интерпретация и наполеоновского, и вильгельмовского, и гитлеровского нашествий как расплаты за наши собственные прегрешения имела место и периодически даже обострялась. Осмысление катастрофы 1991 года в том же самом ключе — задача современного русского общества.

Где бы ни локализовать прародину славян (на Дунае, в Польше или в Полесье вдоль Припяти), ясно, что процесс массового заселения восточными славянами Русской равнины играет в нарративе нашей священной истории ключевую роль, подобную обретению Земли Обетованной. Вместе с тем данная картина обретения земли (а по данным целого ряда исследователей, это было повторное обретение земли, которую предки славян ранее уже населяли — то есть возвращение на прародину) увенчана крещением Руси. Факт чрезвычайной важности: если огромное множество народов Европы и Ближнего Востока, включая и самих греков, приняло христианство, уже будучи сформировавшимися народами с историей за плечами, то разрозненные славянские племена Русской равнины слились в один древнерусский народ лишь в XI веке. Крещение Руси стало мощнейшим фактором, действовавшим через единство русской митрополии и через единство власти династии Рюриковичей. Здесь опять же важна одновременность — поскольку она является признаком органического единства народа, державы и церкви³⁵.

Все последующие тяжелейшие удары XIII–XVII веков со стороны татар, поляков, шведов и иных противников уже не смогли разрушить единойды выкованное единство. Но они всё-таки принесли плен на русские земли — не следует приуменьшать масштаб

³⁴ О генезисе геральдики двуглавого орла см.: Фадеева Т. Орёл двуглавый: Как символ обратился в герб // «Изборский клуб», № 9, 2015.

³⁵ Обращает на себя внимание ещё один момент: Русь была в эпоху своего крещения довольно мощным в военном отношении государством, почему другие державы (Византия и Хазарский каганат) пытались использовать её друг против друга. Сегодня можно с большой уверенностью говорить, что знаменитые походы русичей на Царьград были инспирированы хазарами. В то же время разительным является иное совпадение: между походом Святослава, нанесшим Хазарии смертельный удар, и Крещением Руси Владимиром прошло всего 23 года — по историческим меркам срок ничтожный. Избавившись от иудейского хазарского влияния, Русь мгновенно сделала свой судьбоносный духовный выбор.

Выход из Третьей Русской Смуты 1986–2000 годов и преодоление её последствий должны происходить с учётом негативного опыта прошлого. Повторение ошибок русской власти и правящего слоя на этот раз было бы губительным для нашей цивилизации, поскольку народ России не обладает сейчас тем антропологическим и демографическим потенциалом, который был у него 100 и 300 лет назад.

бедствий. На протяжении веков земли бывшей Киевской Руси и княжеств периода раздробленности оказались поделены между соседями (аналог ветхозаветного «пленения»). Один из феноменальных пророков русской истории — легендарный монах Авель, который предрекал Екатерине II, Павлу и Александру I будущее династии, описывал циклы русской истории в сходной парадигме: как три ига, от каждого из которых Русь освобождалась и должна освободиться в будущем.

Пленения были реальностью — достаточно вспомнить уничтоженные монголами и позднейшими татарами города Восточной Руси и осквернённый, испоганенный поляками ландшафт Западной Руси, где пытались вытравить все следы изначальной православной архитектуры. Вопль народный восходил до неба, и из этих страданий и осознания собственных прегрешений родился тот же образ, который некогда родился из покаянной молитвы Мурсилаиса II — двуглавый орел-освободитель, начавший своими мощными когтями снова собирать русские земли и пытающийся своим клювом расклевать стянувшие их цепи. В широком смысле этот процесс растянулся с XV по XX век. Процесс Великого Освобождения выражался в тяжёлой борьбе за расширение на Запад и Юг. Параллельно ему шёл процесс Великой Колонизации земель на Се-

вере и Востоке, вплоть до Ледовитого и Тихого океанов, вплоть до Памира.

Такие моменты, как провозглашение великого княжества и титула, равного царскому, при Иване III; провозглашение царства при Иване IV, а затем и патриаршества; провозглашение Империи при Петре I, — являлись моментами духовной Пасхи русского народа, символами нашего народного освобождения. С ней связана другая парадигма сакральной истории: **Смута — Восстановление — Победа (Прорыв) — Разложение** (которое, как правило, сопряжено со скрытой агрессией супостата)³⁶. Разложение, как правило, вновь ведёт к Смуте — и здесь проявляется циклическое движение истории. В то же время это движение по нисходящей спирали, поскольку на каждом новом витке её происходит всё более глубокая десакрализация.

Смута должна рассматриваться не как метафора, а как строгая историческая категория, поскольку в основе её лежит чёткая историческая модель событий³⁷. Природа Смутного времени такова, что оно не только травмирует национальное сознание, но и влечёт за собой глубинную мутацию в национально-государственном организме. Смутное время принуждало к завязыванию не по форме, но по содержанию нового узла нарушенной национально-государственной традиции.

Смутное время укрепляет стержневую природу национальной идентичности, оно через прививку самого образа «гибели» цивилизационного архетипа заставляет собрать вновь в невиданной доселе конфигурации те же фундаментальные константы цивилизации, которые вложены в неё и действуют в ней не только как неотъемлемое её достоинство, но в первую очередь как личное начало самой цивилизации, её неотделимый от своего источника голос, её уникальный путь, единое русло родовой памяти всех её носителей.

Россия, радикально мутировавшая и после Смутного времени XVII века, и после революционной Смуты начала XX века, всякий раз осуществляла убедительный геополитический реванш и приходила к большим победам (успехи Российской империи XVIII века сочетались с глубочайшим духовным кризисом синодального периода и расколом народа на элиту и традиционные сословия; успехи СССР в сталинский период сопровождалась настоящей социальной войной, в которой жертвами пали старые аристократические элиты, затем в 1937 году значительная часть новой партийной элиты, при этом на стоящую катастрофу геноцидального масштаба пережили русские крестьянство и духовенство). Выход из Третьей Русской Смуты 1986–2000 годов и преодоление её последствий должны происходить с учётом негативного опыта прошлого. Повторение ошибок русской власти и правящего слоя на этот раз было бы губительным для нашей цивилизации, поскольку народ России не обладает сейчас тем антропологическим и демографическим потенциалом, который был у него 100 и 300 лет назад.

6. ЛИНЕЙНАЯ ИНВЕРСИЯ РУССКОГО ВРЕМЕНИ

Во второй половине XVII в. Третий Рим был потрясён Расколом. Обычно

³⁶ Своеобразную авторскую трактовку этой парадигмы предложил наш коллега В.И. Большаков. См. его работу в настоящем номере.

³⁷ Такая модель описана в работах В.В. Аверьянова («Природа русской экспансии», «Традиция и динамический консерватизм» и др.). С середины 90-х годов XX века идея параллелизма Смутных времён в отечественной истории приобрела достаточную популярность как в публицистике, так и в научной литературе. Обзор «смутологической» литературы этих лет см.: Земляной С. Куда идёшь? О Смуте как парадигме консервативного мышления // «Независимая газета», 22.06.2001.

считают, что тогда основной спор разворачивался вокруг обрядов. Но расхождения были гораздо глубже, они касались Символа Веры. Во время «Никоновской справы» его Седьмой член был видоизменён. Вместо положения «Его же Царствию несть конца» появилось «Его же Царствию не будет конца».

Последняя «формула» ориентировала русских православных христиан строго в будущее, вовлекала их в линейную Историю. Апостол Павел утверждал, что Царствие Божие — это «праведность и мир, и радость во Святом Духе» (Рим. 14, 17). Св. Симеон Новый Богослов призывал: «Подвизайтесь стяжать сознательно внутрь нас Царство Небесное, то есть благодать Святого Духа».

Таким образом, **Царство Божие есть «здесь и сейчас»**. Правда, его полнота наступит только после Второго Пришествия. Поэтому, в принципе, выражение «не будет» тоже правильно. Однако оно допускает модернистскую трактовку, в которой замыкает православных на будущее, создавая впечатление, что, с одной стороны, «всё ещё впереди», а с другой — от нас мало что зависит. К слову, в греческом символе читаем «несть и не будет конца», и это положение выглядит наиболее правильным. Однако, как ни покажется странным, за образец был выбран именно католический символ веры, где утверждается, что Царствию «не будет конца».

Исследователь русских древностей В.И. Карпец заметил по этому поводу: «Московское Царство, прежде всего в идеологии Третьего Рима, осознаёт себя как Удерживающего (*κατέχων*) — не только от прихода антихриста, но и от самого хода времени, порождённого грехопадением и неминуемо к антихристу стремящегося. «Не будет» вместо «несть» вводит в Россию и Русскую Церковь линейное время Запада и соединяет с ним Русское время, ранее замкнутое, статичное и одновременно циклическое в рамках богослужебного круга. Именно раскол XVII в. «швырнул» Россию в будущую глобализацию»³⁸.

«Справа» ускорила линейное движение Руси-России, которое сопровождалось вестернизацией. Правда, само это движение постоянно тормозилось круговым движением, которое обеспечивалось верностью основным догматам православия и крепостью общинной организации.

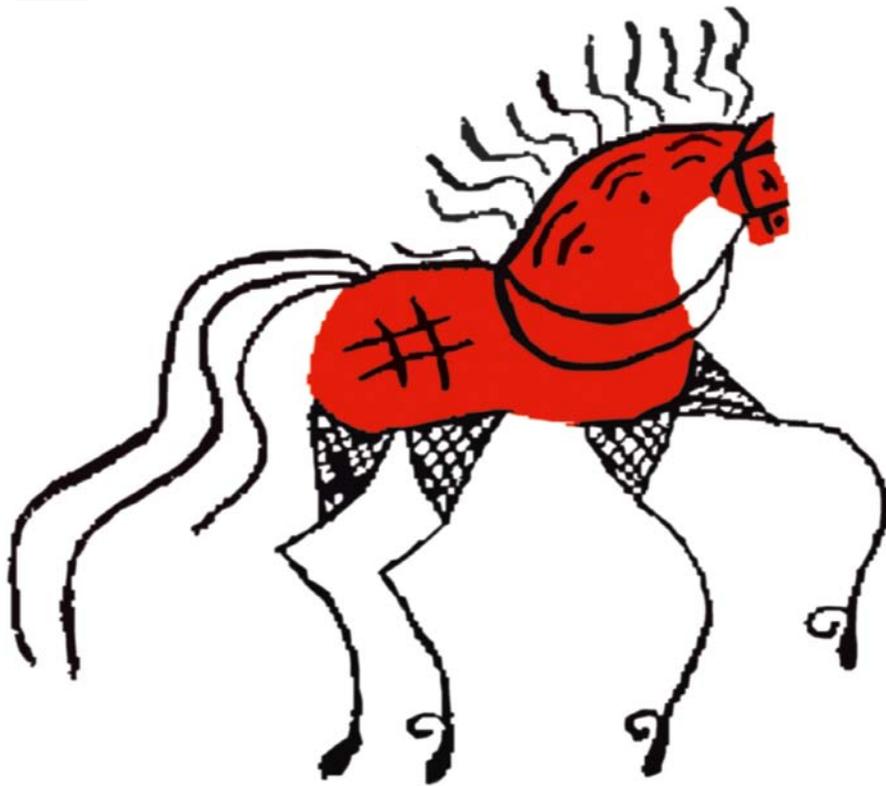
На христианском же Западе (с его «не будет конца») линейное движение резко ускорило ещё в XI в., когда он отпал от православия, совершив первое великое отрицание. Второе произошло в XVI в., когда протестантство бросило вызов папскому Риму. Потом, в XVI–XVII вв. разразилась целая серия буржуазных революций (Голландия, Англия, Франция), которые отрицали уже само традиционное общество в пользу капиталистического Модерна. А в XIX в. возникло социалистическое движение, которое отрицало капитализм, но не во имя Традиции, а во имя радикального Модерна.

Из взаимодействия всех этих, отрицающих друг друга движений возник мощнейший антисистемный кластер,

который можно назвать глобальной Антисистемой. Внутри него существуют разные сектора, занимающие свою нишу в общей подрывной деятельности. Таких секторов мы насчитываем четыре: 1) финансовая олигархия; 2) леволиберальный «интернационал»; 3) ватиканский глобальный клерикализм; 4) протестантский фундаментализм. Все они выросли именно из четырёх великих нигилистических сдвигов XI–XIX вв.

Мощный импульс нигилистическому линейному ускорению дала догматическая революция на Западе, которая внесла принципиальнейшее изменение в Символ Веры. Если в православном Символе Святой Дух исходит только от Отца, то в католическом (филиокве) он исходит также и от Сына. Тем самым упор делается именно на общей сущности трёх Ипостасей, и она представляется чем-то безликим, небытийным — некоей субстанцией на манер материи. «По православному учению, как мы видели, безличной сущности в Боге нет, — пишет епископ Василий (Родзянко). — В этом основная

³⁸ Карпец В.И. Из цикла «Битва за историю» // «Завтра», 9.01.2014.

разница тринитарного богословия Востока и Запада, на чём и основана вся проблема «филиокве» <...>. Вся полнота от Отца: «единица подвиглась в двоицу и остановилась на троице», по выражению свт. Григория Богослова. Этим свт. Григорий обозначил **«кружение» в Боге** (περιχώρησις — греческое святоотеческое выражение, изображающее божественное взаимообщение любви всех трёх Лиц Божества). Таким образом, всё освещается светом, воссияет, ничего в Боге нет тёмного и скрытого, всё полностью прозрачно во взаимной любви и полной открытости друг другу и друг в друге. «Света от Света, Бога Истинна от Бога Истинна», как говорится в Символе Веры Православной церкви. В этом пункте — очень глубокое догматическое расхождение с латинским богословием, в котором Божественная сущность не личностна, как в православии. В ней здесь усматривают «безличную единую сущность Божию — как бы некий «общий фонд»...»³⁹.

Здесь мы видим мощное теологическое обоснование картины движения времени как отражения метафизики циклического архетипа в вечности. Что же касается Запада, в его духовной жизни мы видим решающее ментальное влияние Ничто, которое захватило сознание западных христиан и стремительно понесло его в линейном потоке постоянного отрицания. Учение о Ничто, начавшись с усвоения западным мистицизмом ряда каббалистических и гностических вейний (влияние Маймонида на мистика Мейстера Экхарта или герметизма на оккультные и эзотерические общества Европы), привело в конечном счёте к революционному нигилизму. Христианское же учение о Ничто (Дионисий Ареопагит, свт. Василий Великий и др.), через рационализацию в западной схоластике и пантеистической мистике в XIII–XIV вв., переродилось в воинствующий нигилизм философии Декарта и Канта как «чёрных проро-

ков» либерального Модерна. Образ чёрной дыры Ничто, засасывающей в себя всё живое, использовал уже оппонент Канта — Иоганн-Георг Гаман; особого размаха этот образ достигает в сочинениях А. Ф. Лосева⁴⁰.

И вновь, как и в случае с претендентами на мировое господство, Россия приняла на себя главный удар революционной идеологии, впусив её внутрь себя и став бастионом «красной идеи» — коммунистической империей. Коммунистический проект стал одним из апофеозов линейного понимания истории. В то же время парадоксально в СССР вновь прорезалась и стала набирать силу циклическая парадигма. Русская цивилизация не погибла, а проявила свои исконные черты, такие как нравственный характер державы, поступающейся прагматическими интересами ради поддержки слабейшего, угнетённого, обиженного, о чём писали Достоевский, Константин Леонтьев, Спекторский и другие мыслители. Ключевский указывал на то, что Россия де-факто оказывалась не «мировым жандармом», а, по запоздалому признанию самих европейцев, великим миротворцем, оберегавшим международную стабильность. То же самое можно было сказать и о СССР, который, одолев ещё одного предтечу, антихриста Гитлера, и создав двухполярную модель мироустройства, стал самым надёжным гарантом и рыцарем нового ялтинского порядка.

Духовная история СССР ещё не написана, и она не скоро обретёт свои завершённые черты. До сих пор в обществе продолжается острая борьба — не столько «красных» и «белых», сколько сторонников исторического синтеза эпох и сторонников нигилистического отвержения целых эпох собственной истории⁴¹.

³⁹ Родзянко В., епископ. Теория распада Вселенной и Вера Отцов. — М., 1996. — С. 185.

⁴⁰ Тахо-Годи Е.А. Судьба соловьёвской метафоры «дыры» в творчестве А.Ф. Лосева // Соловьёвские исследования. № 3. 2018. С. 87–97.

⁴¹ Борьба идёт и на сакрально-историческом фронте. Так, сторонники синтеза, апологеты Святой Руси и Русской цивилизации, строят памятники, памятные храмы и часовни. Их противники, глашатаи пересмотра истории и выкорчёвывания «злого начала» из нашего народа, — воздвигают Ельцин-центры, Стены скорби, мемориалы вроде треугольника из «Масок скорби», который попытался прочертить на карте России Эрнст Неизвестный.

Православные верующие занимали разные, часто диаметрально противоположные, позиции в отношении советской власти. Многие исходили из простейшей и вроде бы очевидной логики, согласно которой новая власть — богоборческая, не заслуживающая никакой поддержки. Однако многие увидели в новой власти продолжение «старой», а точнее сказать, вечной России. Сакральная интуиция подсказала им, что имеет место очередной цикл русской Истории, которая продолжается пусть даже и в такой противоречивой форме.

Великая Отечественная война поставила вопрос о том, быть или не быть русской державе. События тех лет стали непрым испытанием для верующих. Возник соблазн выступить на стороне германцев — против «богоборческого, безбожного большевизма». И здесь своё веское слово сказал Патриарх Антиохийский Александр III. Он обратился с посланием к христианам всех стран, которых призвал оказать России и молитвенную, и материальную поддержку. Тогда митрополит гор Ливанских Илия стал горячо молиться за спасение нашей страны. Он спустился в каменное подземелье, где была всего лишь одна икона — Богородицы. Именно к ней и обратился митрополит, в течение трёх суток умоляющий Мать Господа помочь России. И в этом проявилась его тончайшая сакральная интуиция. Ещё 2 марта 1917 года, во время революционной Смуты, в день отречения государя, в Коломне была явлена Державная Икона Божией Матери. Эту икону многие считали правительницей Русской Державы, духовную оборону которой Богородица взяла непосредственно в свои руки после низвержения императора⁴².

После трёх суток бдения Богородица явилась митрополиту в огненном столпе. Ему было объявлено, что он избран для того, чтобы передать Промысл Божий российскому народу. На-

каз Богородицы был такой: «Должны быть открыты во всей стране храмы, монастыри, духовные академии и семинарии. Священники должны быть возвращены с фронтов и из тюрем, должны начать служить. Сейчас готовятся к сдаче Ленинграда — сдавать нельзя. Пусть вынесут чудотворную икону Казанской Божией Матери и обнесут её крестным ходом вокруг города, тогда ни один враг не ступит на святую его землю. Это избранный город. Перед Казанскою иконой следует совершить молебен в Москве; затем она должна быть в Сталинграде, сдавать который врагу нельзя. Казанская икона должна идти с войсками до границ России. Когда война окончится, митрополит Илия должен приехать в Россию и рассказать о том, как она была спасена»⁴³.

И «цезарь» Сталин, который заменял Императора в плане светской, политической власти, послушался незримую правительницу Русской Земли. Икону Казанской Божией Матери вынесли из Владимирского собора Ленинграда и с нею обошли крестным ходом вокруг города на Неве. И с этого икона начала своё спасительное шествие по стране. Вначале она побывала в Москве, потом её перевезли в Сталинград. Она стояла на правом берегу Волги, которую немцы так и не смогли перейти. И в этом замечен некий мощный символизм, свыше была обозначена черта, недоступная горделивому германскому воинству, самонадеянно утверждавшему: «С нами Бог!»

Духовных свидетельств действительности сакральной истории во время этой Великой Войны предостаточно. Здесь и обнесение Тихвинской иконы Божией Матери вокруг Москвы накануне контрнаступления 1941 года, и явление князя Даниила Московского Сталину в дни обороны столицы, и чудо перелома в битве за Кёнигсберг в 1944 году, и многие другие зафиксированные и незафиксированные легендарные факты.

Русская сакральная история вписывает в свои страницы свидетельства о советском периоде — как о пленении, страшно, но плодотворном. В СССР произошло своего рода возвращение к Московской Руси, в чём-то произошёл отказ от лжи петербургского периода, в чём-то и возрождение древней «языческой» непосредственности. Ощущение этого можно передать словами поэта о погибших солдатах:

Наши мёртвые нас не оставят в беде.

В этих словах просматривается уже не ритуальный «вечный огонь», а ещё не родившийся «бессмертный полк» XXI века. Это означает, что сквозь советскую эпоху проклёвывалась **пасхальность русской истории**, ростки Святой Руси через кровь и муки народа.

То было чудо от Господа, и дивно в очах наших: из поражения родилась Победа, из изоляции — мировое влияние и привлекательность Советской России, из-под глыб рухнувшего здания старого государства возникло новое, всё более эволюционировавшее в смысле возвращения к старому, проверенному русскому пути. Однако семена старого зла не были искоренены до конца, наследие пророков русской культуры оставалось в небрежении, и расплатой за это стала чудовищная, беспримерная, единственная в своём роде по быстроте, масштабу и реакции населения катастрофа 1985–1993 годов. Едва начав взлетать, мы снова рухнули в яму такой глубины, что выбраться из неё своими силами не в состоянии. Это настоящий ров львиный, но когда же русский народ выкарабкается только своими силами? Всегда происходило нечто необычайное и нелогичное.

Спасение придёт и на этот раз — от чего-то невероятного, прикровенного, несказанного. И это тот фактор, который при всём желании никогда не смогут учесть наши противники. Они уже обгрызли нашу страну

⁴² Державная Правительница Земли Русской. — М., 1999; Филатов В. В. Заметки по поводу второго обретения Державной иконы Божией Матери в России // Журнал Московской Патриархии. 1996 № 3.

⁴³ Россия перед Вторым Пришествием. Издание 3-е, исправленное и расширенное. Т. II. — М., 1998. — С. 270.

по краям и начали обкусывать её сердцевину — но их желудки оказались не в состоянии переварить проглоченное, и начался обратный процесс. Впереди — ещё одна стадия священной русской истории. Возможно, даже и не последняя.

7. XX–XXI ВЕКА: ВОЙНА ЗА САКРАЛЬНОЕ

Вся современная история есть не что иное, как борьба за сакральное. Это непрестанное столкновение различных (зачастую диаметрально противоположных) взглядов на сакральное, сопровождающееся попытками нейтрализации/уничтожения чуждой сакральности. В процессе этой беспощадной схватки **мощные разнонаправленные потоки десакрализации сталкиваются с ответной ожесточённой борьбой за ресакрализацию поруганных и отвергнутых святых.**

Жизнь диктует необходимость выработать навыки постижения других культур и открытия таких ракурсов «сакрального», которые проявляются в рамках иных духовных традиций. Более того, своя трактовка метафизики истории может быть у атеистов, скептиков, агностиков и т.д. и т.д.

Десакрализация — важнейший аспект борьбы цивилизаций. Если Достоевский писал о разных «богах» у разных народов, которые несовместимы между собой, то философы гностического толка говорят о народах и расах как силах, ведомых разными «архонтами». Наиболее остро эта проблема борьбы богов и полубогов выражена у оккультистов, теософов, спиритуалистов. Все они претендуют на ревизию священной истории, на её переписывание по своим законам и правилам. Сегодня влияние сторонников пересмотра метафизических основ всё больше переходит из книжной

в практическую плоскость, всё больше касается всех людей.

В конечном счёте «священная история» — это признак духовного суверенитета. И если народ лишается мистики и метафизики в своём ощущении истории — это симптом его десоверенизации и поражения. При этом мистика и метафизика могут быть закамуфлированы под нечто чисто позитивистское и рационалистическое. Но суть дела от этого не меняется. В центре исторической картины мира лежит миф (как форма самосознания и самоописания). Если миф дезавуирован, демистифицирован, лишён силы, не внушает веры в себя у своих культурных адептов — картина истории, а вместе с ней и ценностная картина мира распадаются, а человек и общество неумолимо погружаются в хаос.

К настоящему моменту современную историю можно воспринимать как арену сложного конкурентного взаимодействия нескольких национальных и наднациональных проектов, предполагающих собственное видение истории и будущего. **К числу основных национальных проектов можно отнести американский, английский, германский, иранский, израильский, китайский и индийский проекты. К наднациональным проектам относятся, прежде всего, всеевропейский, ватиканский, исламский и транснациональный глобалистский проект, в основе которого лежит англосаксонский стержень, спаянный еврейским финансовым капиталом.** Достаточно очевидно, что национальные проекты вступают в сложные союзно-попутнические отношения с наднациональными проектами. Так, США, имея собственный национальный проект, в своей реальной политике чаще всего служат орудием в руках транснационального проекта. Россия, начиная с XVI века обладавшая собственной

миссией и в XX веке возглавлявшая глобальный социалистический контрольный проект, сегодня всё ещё находится в дрейфе между различными моделями десоверенизации и обретением новой суверенности. В настоящий момент Россия де-факто является орудием, если не игрушкой, в руках других мировых субъектов.

Внешний контур основных национальных проектов связан с категорией национальной мечты, понимаемой в качестве побудительной причины и мотива преобразования внешней и внутренней действительности, а также важнейшего инструмента строительства индивидуальной и коллективной картины мира.

Доктор исторических наук Л.О. Терновая отмечает, что **основы «американской мечты»** были рождены ещё до открытия Америки⁴⁴. Американский историк литературы Джилберт Чайнард писал: «С самых ранних дней западной цивилизации люди мечтали о потерянном Рае, о Золотом веке, где было бы изобилие, не было войн и изнурительного труда. С первыми сведениями о Новом Свете возникло ощущение, что эти мечты и стремления становятся фактом, географической реальностью, открывающей неограниченные возможности»⁴⁵.

Источником словосочетания «американская мечта» считается написанный в период Великой депрессии в жанре исторического эссе трактат Джеймса Траслоу Адамса «Эпос Америки» (1931), в котором она формулируется как «мечта не просто об автомобиле и высокой зарплате, но о таком социальном порядке, при котором каждый мужчина и каждая женщина могут в полной мере достичь того, чего они способны достичь изначально, причём их достижения должны быть признаны другими вне зависимости от случайных обстоятельств рождения или положения в обществе»⁴⁶.

⁴⁴ Терновая Л.О. Национальная мечта как индикатор и инструмент формирования политической реальности. // Среднерусский вестник общественных наук, № 3, 2013. — С. 193.

⁴⁵ Чайнард Д. Американская мечта // Литературная история Соединённых Штатов Америки. Т. I. — М.: Прогресс, 1977. С. 245.

⁴⁶ См. об этом: Белкин С. Мечты прагматика: идеи и ценности в водовороте истории. // «Завтра», 22 августа 2018.

Центральным элементом «американской мечты» как национальной идеи США принято считать образ «Града на Холме» (City upon a Hill), заимствованный из библейской истории (Ис. 2, 2–3). В библейском контексте речь идёт об оплоте спасительной веры, где найдут пристанище все «блаженные духом». Применительно к Новому Свету этот образ был декларирован в 1630 г. теологом-конгрегационалистом Джоном Уинтропом, поставившим перед пуританами крайне высокую планку духовности и любви к ближним и сформулировавшим **пророчество как условие**: в случае если мы «сохраним единство духа в узах мира, Господь станет нашим Господом и с радостью поселится среди нас как среди избранного его народа», — тогда мы «будем подобны городу на Холме, взоры всех народов будут устремлены на нас».

Сплав американской мечты соединил в себе упрямое выдвижение в фокус картины мира таких принципов, как индивидуальная свобода, динамизм и предпринимательский активизм, вера в то, что каждое следующее поколение будет жить лучше, чем предыдущее⁴⁷. Можно сказать, что американцы сакрализировали эти светские ценности и установки. Это сделало американскую мечту не столько символом служения, как у Уинтропа, сколько символом классического англосаксонского **оптимизма сильно-го**, живущего по «законам джунглей». В то же время такой миф оказывается привлекательным для миллионов, если не миллиардов молодых людей по всему миру, полных витальных сил, веры в себя и готовности начать строить свою жизнь с нуля — но не у себя дома, где всё «мрачно», а в заокеанском мире богатства и открытых возможностей.

Весьма существенный **сдвиг самосознания национальной мечты заметен в современном Китае**, при этом происходит возвращение к традиционным моделям и обозначил-

ся тренд на сакрализацию институтов современной власти в КНР с целью обоснования её концентрации в руках потомственной «красной элиты» страны. После занятия поста главы государства Си Цзиньпин выдвинул лозунг о достижении «Китайской мечты о возрождении великой китайской нации» и восстановлении утраченной в колониальный период национальной гордости⁴⁸. Главная внешнеполитическая инициатива Си Цзиньпина — создание Экономического пояса Шёлкового пути, сердцем которого является

провинция Шэньси (малой родины ныне правящей в Китае группировки).

В качестве исторического обоснования своего лидерства группа «шэньсийцев» позиционирует четырёхтомную работу специалиста по военной истории Ли Лина «Наш Китай» (2016). Ли Лин выводит сакральное и идеологическое начало Поднебесной из истории империи Цинь, центр которой располагался в современной Шэньси: «В древности Поднебесной добивались из Шэньси» — такими словами венчаются исторические построения Ли

⁴⁷ Sawhill I.V., McMurrer D.P. American Dreams and Discontents: Beyond the Level Playing Field // U.S. Society and Values. USIA Electronic Journals. Vol. 1. 1997 (January). № 20.

⁴⁸ Подробнее см.: Тавровский Ю. Китайская мечта: итоги первой пятилетки // «Изборский клуб», № 6, 2017.

системой более древних культов, связанных с возвышенностями и понятием «земли». При этом Конфуцию приписывается стремление возродить «единый Китай» в соответствии с мечтой династии Чжоу: «Всю жизнь Конфуция преследовала мечта, мечта властителя Чжоу... это и есть самая ранняя «китайская мечта»». По мнению Ли Лина, даже великий китайский революционер Сунь Ятсен лишь реинкарнировал принципы первого императора единой Поднебесной Цинь Шихуана («Пять священных пиков совместно усиливают (течение силы) друг друга»), а не изобрёл новые методы решения национального вопроса в Китае. Таким образом, консолидация ценностного наследия Китая происходит вокруг нескольких осевых сакральных линий⁵⁰.

Согласно Ли Лину, Западной и Северной Евразии отводится роль «пассивного, темного и женского начала «инь», а основная масса Китая предстает активной, действующей, формирующей мужской силой «ян». Такое новое позиционирование фиксирует новую внешнеполитическую доктрину Китая на идеологическом и даже религиозном уровне сознания его политической элиты⁵¹.

С категорией «земли» как «жизненного пространства» тесно связана и немецкая национальная идея. Немецкий институт «Аненербе» («Наследие предков») заставлял по-новому взглянуть на немецкую мечту, в своей сугубой обнажённости представляющую сложный агломерат, состоящий из уютной обывательской мечты о личной и семейной обустроенности, немецкого мистического романтизма и идеалов имперского национального реваншизма. Корни этого мироощущения лежат глубоко в германской истории. Все эти элементы чутко отрефлектировал и постарался максимально воплотить в жизнь Адольф Гитлер в рамках про-

лина, прозрачно намекающего на родную провинцию нынешнего лидера. Центральной осью исследования Ли Лина являются не этнические процессы формирования китайской нации, а ее мистические основания — центры зарождения единого государства и центры силы — священные пики и пределы, которыми императоры, исполняющие

роль верховных жрецов, очерчивают сакральные границы Поднебесной, выстраивая внутреннюю и внешнюю политику страны⁴⁹.

В своих построениях Ли Лин игнорирует конфуцианскую концепцию легализации власти через «мандат неба» для праведного правителя и неба как источника благодати, заменяя её

⁴⁹ Вавилов Н.Н. Некоронованные короли красного Китая. Клань и политические группировки КНР. — СПб., 2016.

⁵⁰ Основы своей модели сакральной географии автор находит в первом географическом труде Китая «Юй гун», который очерчивает области концентрации «мест власти» священными пиками, на которые накладывается «крест» из «пяти гор», четырех «морей» и четырех «водных порогов». Император выступает как жрец, инициирующий импульсы власти через ритуалы в этих местах.

⁵¹ Вавилов Н.Н. Некоронованные короли красного Китая. Клань и политические группировки КНР. — СПб., 2016. — С. 25–26.

екта Третьей империи (1933–1945), являвшегося своеобразным авангардным развитием Священной Римской империи германской нации (1512–1806).

Отметим, что за два десятка лет до публикации программной книги будущего фюрера «Майн кампф» (1925) видный немецкий ариософ, бывший цистерцианский монах и член небезызвестного «Общества Туле» барон Йорг Ланц фон Либенфельз писал в своей книге «Теозология, или Естественная история богов» (1904): «Земной шар был и остаётся колонией Германии! Каждому храброму германскому солдату — крестьянский двор, каждому офицеру — рыцарское поместье! В этом и заключается справедливая земельная реформа, это и есть справедливая реформа арендной платы. Если она будет осуществлена, то хотел бы я посмотреть на того, кто осмелится нам сопротивляться и не будет сокрушён! Под ликование освобождённого богочеловечества мы завоюем весь земной шар»⁵².

В неудачных прожектах кайзеровской Германии, а впоследствии гитлеровского Третьего рейха некоторые современные исследователи усматривают концептуальные истоки нынешнего Евросоюза. В XIX веке идейным обоснованием подобных планов стала концепция Серединной Европы (Mitteleuropa). Её сторонники полагали, что центральное географическое положение Германии даёт ей право претендовать на руководство другими европейскими государствами. Под Серединной Европой, как правило, понимали (доктрина Ф. Науманна) политический или экономический союз центральноевропейских государств под главенством Гогенцоллернов. Особое место в планах создания Серединной Европы отводилось союзу Германии и Австрии как оплоту герма-

низма против славянства. По мнению идеологов европейского объединения, в состав или сферу влияния Германии должны были отойти западные районы Российской империи, Юго-Восточная Европа, Турция и Ближний Восток. Поражение Германии в Первой мировой на какое-то время поставило крест на её планах создания Объединённой Европы, но через два десятилетия эту идею вновь попытался возродить Гитлер⁵³.

Проектированием «новой Европы» в национал-социалистической Германии занимались сразу несколько ведомств: идеологические службы Розенберга, руководящие структуры СС, МИД Германии, имперское министерство экономики — вплоть до министерства сельского хозяйства. Идея конфедеративного устройства послевоенной Европы наиболее отчётливо звучала в записках профессора Альберта Хаусхофера. Именно ему удалось возродить многие положения средневековой «сакральной географии» применительно к новой науке о пространстве — геополитике. При этом в согласии с идеями Карла Шмитта о размежевании пространственно чуждых сил Хаусхофер назвал главной целью Германии «добиться отказа англосаксов от вмешательства в Европу». Осенью 1942 г. уже в МИД Германии началась проработка собственного плана, а затем Риббентроп направил Гитлеру несколько меморандумов с настоятельным предложением провозгласить Европейскую конфедерацию, как только Германия добьётся крупного успеха в войне с СССР.

О «Новой Европе», евросоциализме и мире европейской нравственности тогда говорили практически все национальные лидеры, входившие в фашистскую зону влияния. Планы по созданию Объединённой Европы

писались не только в Германии. На протяжении 1930-х и особенно в период нацистской оккупации они активно разрабатывались левыми и правыми консерваторами Франции, Бельгии и Голландии⁵⁴. Будущий глава оккупационного правительства Норвегии Видкун Квислинг ещё в 1930 году написал книгу «Россия и мы», на страницах которой изложил идею создания Северного альянса, в который должны были войти немцы, скандинавы, голландцы, британцы, британские доминионы и США. В этом проекте, по замечанию историка А.В. Васильченко, без труда можно узнать родившийся 19 лет спустя блок НАТО. По замыслу Квислинга, Северный альянс должен был стать эффективным орудием в борьбе против большевистской России. В 1944 году Квислинг предложил создать Европейский конгресс, в котором легко можно узнать прототип современного Европарламента⁵⁵.

Как бы то ни было, следует констатировать, что германская модель Объединённой Европы так и не воплотилась в жизнь, а современный Евросоюз скорее призван сковывать Германию, всё ещё остающуюся «под подозрением» своих англосаксонских партнёров по альянсу. Английский историк Николас Хаггер демонстрирует, что настоящие основы современного Евросоюза были разработаны в 1920–1930-е гг. английской научно-исследовательской группой «Чэтем-хаус» (Королевский институт международных отношений) под руководством Арнольда Дж. Тойнби⁵⁶. Партнёрской организацией «Чэтем-хауса» стал основанный в 1919 году в США Институт международных отношений, возглавляемый советником президента США Вильсона полковником Хаусом, одной из ключевых фигур группы резко усилившихся в ходе двух мировых войн транснационалов. Оба

⁵² Ланц-Либенфельз Й. Теозология, или Естественная история богов. — СПб., 2018. — С. 380–381.

⁵³ Немецкая Mitteleuropa конца XIX века как прообраз современного ЕС. // URL: <http://ttolk.ru/?p=19001>

⁵⁴ Какой нацисты видели «Единую Европу». // URL: <http://ttolk.ru/?p=15795>

⁵⁵ Васильченко А.В. ЕС родом из СС? Концепцию Евросоюза создали ещё в фашистской Германии // «Аргументы и Факты», № 45, 4.11.2015.

⁵⁶ Хаггер Н. Синдикат. История мирового правительства. — М., 2009.

института работали над воплощением на практике идеи клана Ротшильдов о Всемирном правительстве. Первоначальная задача «Чэтэм-хауса» заключалась в превращении Британской империи в мировую, но в середине 1920-х гг. институт переключился на идею создания Объединённой Европы.

В пике им развивался альтернативный проект Рокфеллеров, в котором, по мнению ряда конспирологов, Германия и Россия могли бы создать конфедерацию, поглощающую восточноевропейских «карликов». При этом Сталин использовал этот проект для индустриализации СССР.

В конце 1920-х Тойнби и Джон Фостер Даллес формулируют цель: национальные государства в Европе должны умереть. В команду Тойнби, работавшую над теоретическими основами будущего Евросоюза, входили британские марксисты Р.Х. Тауни и Уильям Темпл (ставший впоследствии архиепископом Кентерберийским), поддерживавшие создание федеральных и региональных организаций и объединение Европы, которое должно было поглотить 25 суверенных государств. Ещё одним членом команды Тойнби стал генеральный секретарь Всемирного совета церквей экуменист Виссерт Хоофт⁵⁷.

Фактически Вторая мировая война стала битвой нескольких моделей Объединённой Европы. Победу одержала модель Тойнби и Даллеса, настоящие идеологические корни которой следует искать в среде наднациональных закрытых структур.

Американский, европейский проекты и нынешняя ослабленная Россия, не восстановившая ещё суверенитет и собственную сакральную парадигму,

находятся сегодня под влиянием этого десакрализирующего мира профанов секулярного проекта, корни которого уходят в эпоху Возрождения. Тогда, после крушения Восточной Римской империи, этот молодой проект начал формироваться в Западной Европе в качестве формы противодействия христианскому Риму как сакральному основанию западной цивилизации для его постепенного вытеснения. По сути, произошло возвращение в современный оборот элементов некоторых архаических религиозно-мистических культов, имеющих мало общего с традиционными представлениями о гуманизме. Ближе всего к определению настоящего содержания этих культов, а также действий их современных последователей подошёл французский исследователь традиционного символизма и знаток западного эзотеризма Рене Генон, сформулировавший в ряде своих работ понятие «контринициации». Термином «контринициация» он обозначает то, с чем оказываются связанными человеческие субъекты действия, через которых исполняется всякая антитрадиционная деятельность. «Контринициация» предполагает реализацию двух главных фаз, ставящих своей целью «материализацию» мира (подразумевающую его изоляцию от влияния сакральных сфер) и последующее «растворение» его защитных механизмов с целью открытия доступа в мир сил низшего порядка: «После полного, насколько возможно, закрытия телесного мира нужно было, не позволяя восстановить никакой связи с высшими сферами, открыть его снизу, чтобы дать доступ деструктивным и разлагающим силам

из низшей тонкой области; именно «развязывание», можно сказать, этих сил и их введение в действие для завершения извращения нашего мира и введения его действительно к окончательному разложению и составляет эту вторую часть или вторую фазу»⁵⁸. Вторая фаза «контринициационной» деятельности должна увенчаться установлением «контртрадиции», которая, согласно Генону, соответствует «царству Антихриста».

Могущество, которое обретают контринициационные организации (к числу их относятся наиболее серьёзные закрытые структуры и ордена), объясняется тем, что, не будучи способными вести людей к «сверхчеловеческим» состояниям, они ведут их к «инфрочеловеческому», и это даёт им эффективную власть. Эта, на языке православия, «тайна беззакония» заключается, по всей видимости, в том, что в тайных контринициационных организациях действуют своего рода мастера нигилистического духа, «святые сатаны», как их называют в исламской традиции, — они не просто манипулируют своими подопечными, но умело создают механизмы духовной мутации для людей, попавших в их тенета. Процессы такого рода духовной мутации необратимы и подобны «совращению» либо насильственному приучиванию к извращениям, после чего человек уже не может восстановить данный ему от природы, семьи и Бога психический и моральный стержень⁵⁹.

Здесь уместно было бы привести в качестве одного из примеров контринициационной деятельности, которая создаёт модные и влиятельные интеллектуальные течения, программу

⁵⁷ Как в 1920-е Арнольд Тойнби придумал Евросоюз. // URL: <http://ttolk.ru/?p=4736>

⁵⁸ Генон Р. Царство количества и знамения времени. — М., 1994. — С. 201–202.

⁵⁹ Ярким символом контринициации является извращённое использование символов, таких как пентаграмма, свастика, радуга. Так чудовищная инверсия традиционного образа радуги, символизовавшего во многих традициях живую связь между Землёй и Небом, — привычный для наших современников символ международного ЛГБТ-сообщества. Выдающийся религиовед Мирча Элиаде указывает, что в большинстве традиционных культур катастрофический разрыв связей между Землёй и Небом объяснялся неким нарушением (ошибкой в обряде, «падением») с участием человека. В ветхозаветной и христианской традициях процесс разрыва этих связей имеет двухтактный характер, олицетворяемый сюжетами искушения Адама и Евы в Эдемском саду (Быт. 3, 1–24) и плотским союзом «сыновей Божиих» с дочерьми человеческими, следствием которого стал ниспосланный на Землю Вселенский потоп (Быт. 6, 1–7). Между тем контринициационные организации видят корни своей генеалогии именно в этих событиях и дают противоположные трактовки смысла этих событий (не с точки зрения людей, а с точки зрения змея-искусителя Самаэля или «сыновей Божиих», т.е. падших ангелов).

интерпретации исторических событий с помощью фрейдистской концепции психоанализа. В 1940-е годы в США были заложены основные направления изучения национального характера методом психоанализа и, как следствие, выяснение особенностей исторического развития тех или иных наций; исследование истории революционного движения посредством методов психоанализа и психиатрии; изучение истории детства как среды, формирующей роль и место последующих поколений в историческом процессе.

В 1970-е годы лидером и главным теоретиком *психоистории* (термин Айзека Азимова) становится американский историк и психолог Ллойд де Моз, способствовавший росту влияния этого направления и создавший ряд обобщающих исследований. По утверждению Ллойда де Моза, психоистория является наукой об «исторической мотивации», ставящая перед собой цель объяснения действий индивидов в исторических группах. В качестве методологической основы психоистории де Моз определяет психоанализ, указывая, что психоисторики могут использовать методы других наук для «установления реальной последовательности исторических событий»⁶⁰.

Образцом психоисторического подхода и своего рода его пробным камнем является работа самого основателя психоанализа З. Фрейда, известного своими тесными связями с неокаббалистическими кругами, «Моисей и монотеизм» (нем. *Der Mann Moses und die monotheistische Religion*, 1939), в которой автор переносит на историю целого народа методы анализа отдельной человеческой личности. Напомним, что прямые содержательные аналогии между психоанализом и каббалой уже более полувека не являются секретом⁶¹. Фрейд в своей книге постулирует гипотезу, в соответствии с которой не являющийся этническим евреем египетский жрец Моисей был убит в результате бунта, поднятого выведенными из Египта

евреями. При этом насаждаемую Моисеем религию (*de facto* — жреческий культ египетского бога Атона) в течение нескольких последующих поколений поддерживала лишь малая группа его сторонников, также не принадлежавшая к этническим евреям (каста левитов). Испытывая чувство вины за убийство своего религиозного вождя, евреи впоследствии привнесли этико-религиозные элементы еги-

петской сакральности в архаичный культ бога вулканов — Яхве и развили идею Мессии как воскресшего Отца. Таким образом, по мнению Фрейда, в основании ветхозаветной традиции лежит, с одной стороны, подавленный комплекс вины евреев перед умерщвлённым ими вождём, а с другой — заговор группы египетских жрецов, сторонников неудачной религиозной реформы фараона Эхнатона.

⁶⁰ Кирчанов М.В. Психоистория: история и основные направления исследовательской деятельности. — М., 1999. — С. 71–84.

⁶¹ Sigmund Freud and the Jewish Mystical Tradition by David Bakan. — New York, London, 1958.

Подобная проблематизация содержания исторического наследия, а вместе с ним и актуальных ценностных моделей, связанная с дискредитацией священной истории, лежащей в основании сразу трёх религий (иудаизма, христианства, ислама), удивительным образом переключается с «психоисторической» стратегией не прямых действий, направленной на разрушение

ментального поля противника. В свою очередь, психоистория в разных её разновидностях выглядит как часть мощного проекта секуляризации и десакрализации тысячелетних духовных традиций. **Массированное наступление данной десакрализующей программы говорит о том, что её носители рассматривают нашу эпоху как время торжества антипода че-**

ловеческой сакральности вообще. Фрейдизм в культуре стал в их руках одним из главных источников постмодернистской деконструкции, превратившейся в мощнейшую школу нового интеллектуального жречества на Западе и в США⁶².

С высокой степенью вероятности принципы психоисторической деконструкции использовались в информационной и пропагандистской войне против СССР⁶³, а в настоящий момент продолжают использоваться и против современной России. В первую очередь это относится к работе по планомерному и методичному аннигилированию её имперской идентичности, в т. ч. основанному на принципах, изложенных в записке работника Министерства оккупированных восточных территорий Э. Ветцеля «К вопросу о будущем обращении с русским населением» (1942): «Русскому из Горьковского генерального комиссариата должно быть привито чувство, что он чем-то отличается от русского из Тульского генерального комиссариата. Нет сомнения в том, что такое административное дробление русской территории и планомерное обособление отдельных областей является одним из средств борьбы с усилением русского народа»⁶⁴.

Результативность такого подхода наглядно демонстрирует современная Украина, где русских обвиняют в краже украинской истории. Искреннее удивление вызывает сугубая приверженность пораженческой идеологии и мифологии украинских националистов, постоянно рисующих в своём воспалённом сознании картины многовекового унижения украинцев. Новая украинская мифология базируется на сугубо негативных исторических мифах, в которых доминирует мотив поражения и унижения: русские лиши-

⁶² Не стоит сбрасывать со счетов и собственно клиническую практику психоанализа, который во многом заменил собой классическую психологию и отчасти психиатрию. Охват современного западного обывателя психоаналитической опекой настолько масштабен, что можно говорить уже о своего рода контринициатической квазирелигии, действующей не через храмы, а через кабинеты персонального психолога-жреца. Плюрализм школ и обилие неортодоксальных течений внутри этой квазипсихологии не должны вводить в заблуждение думающего и наблюдательного человека.

⁶³ Переслегин С.Б. «Кто хозяином здесь? Напоил бы вином...». Нетрадиционное исследование итогов Второй и Третьей мировых войн. – в кн.: Переслегин С.Б. Возвращение к звездам: фантастика и эволюция. – М., 2010.

⁶⁴ Пикер Г., Хаффнер С. План «Ост»: Как правильно поделить Россию. – М., 2011. – С. 248.

ли их истории, отобрали независимость, уничтожили «казацкие государства», превратили в крепостных, устроили «голодомор» и т.д. Заметим, что отечественная альтернативная мифология строится точно на таких же пораженных мифах: о «жидохристианах», насильно крестивших «ведических русов», или коварных московитах, безжалостно уничтоживших свободлюбивых «тартарийцев» в горниле атомных бомбардировок, и т.п. Пока всё это находится на уровне фейк-фолк-истори, но сдвиг массового сознания, усугубляемый резким падением отечественного образования, происходит достаточно быстро.

Впреки настоящей истории России, на протяжении тысячелетия преобразившейся в огромную Православную, а затем и в Советскую империю, повлиявшие на развитие всего земного шара, глашатаи альтернативной истории, как правило, утверждают, что тысяча лет русского времени было сплошной деградацией и закабалением русского народа. Фактически адепты современной альтернативной истории, насквозь пропитанные метаисторическим пораженчеством, предлагают считать русский народ не великим народом с великим прошлым, а народом исторических неудачников, терпевшим последовательные поражения на протяжении всего последнего тысячелетия. И если даже «альтернативщики» признают какое-то величие в прошлом, то только с одним условием: это величие было украдено и скрыто от нас фальсификаторами, причём настолько радикальным образом, что абсолютно никому (кроме самих альтернативщиков) теперь уже нельзя верить. Самое удивительное, что это содержание умудряются упаковывать в обёртку радикального и бескомпромиссного патриотизма и национализма.

С нашей точки зрения, большинство проектов так называемой «альтерна-

тивной истории» представляют собой группы, в ядре которых находятся **со- знательные агенты десаκραлизации** русской культуры и самосознания. Вместе с тем это не отменяет, а лишь подчёркивает острую необходимость в построении обновлённой общена- циональной картины истории, общена- ционального пантеона националь- ной памяти, исторического тезауруса и системы воспроизводства памяти (через праздники, ритуалы и искусство).

В своей подоплёке проекты «альтер- нативной истории» — попытки пере- хвата инициативы в новой неизбежной сакрализации истории. Только вместо сакрализации, которая нужна нашему народу и государству, они предложат квазисакрализацию с изобретатель- ством новых культов и новых святых, в том числе и под видом «открытия» древнейшей праязыческой «родной» веры, вплоть до реконструкции «под- линного» гиперборейства. На поверку они окажутся чем-то подобным ква- зирелигии психоанализа и по фор- ме близким пёстрому многоцветью «Нью-Эйджа».

Контртрадиция предполагает Вели- кую Пародию (ведь диавол — великий Пародист, «обезьяна Господа Бога»). Смысл такой Пародии — убийство ве- ликов традиций, но не путём атеисти- ческого отрицания, а посредством «ре- анимации» или «гальванизации трупа». Адепты контртрадиции берут некую традицию, которая изжила себя, сооб- щив свои энергии другой, и пытаются «возродить» её. Яркий и животрепещу- щий пример для нас — активизация неоязычества и одновременно с этим конструирование альтернативного православия на Украине. (И то и другое происходит под кураторством США и под негласным контролем со сто- роны хасидских структур Украины.) Неслучайно так активизировался «Кон- стантинопольский патриархат» (чего стоит один только «автокефальный

скандал»), который претендует на на- следство давно уже павшего Второго Рима. Показательно, что принц Чарльз, один из выдающихся «посвящённых» из современного глобального бомонда, сочетает интерес к Нью-Эйдж с симпа- тиями к Православию, ориентируясь именно на Фанар. А сам Фанар ори- ентируется на англо-американские контринициатические цепочки⁶⁵.

8. ТВОРИТЬ НАЦИОНАЛЬНЫЙ МИФ

По ряду свидетельств, в Индии, близ- кой нам антропологически, Россию как цивилизацию и страну называют «землёй Риши» (землёй мудрецов). То ли Россия была такой когда-то очень давно, то ли это её предназначение в будущем, то ли она является таковой в её извечном архетипе. Мудрость Рос- сии носит парадоксальный, непрямой характер — это мудрость сказочного Ивана-дурака и тульского Левши, ода- рённого творца, носителя цельного знания и сердечной простоты, при этом кажущегося земным и обыденным, но в сущности — чудотворца и преоб- разователя мира⁶⁶.

У китайцев, которые по антрополо- гическому типу отстоят значительно дальше от русских и славян, Россия получила другое имя — «страна не- ожиданностей». Это довольно сильный эпитет, если сравнить его со значени- ями иероглифов, которыми китайцы обозначают другие страны. По поводу китайского символа России Ю. В. Мам- леев в своём труде «Россия вечная» замечал: «Непредсказуемость (наша глубинная черта) как раз и являет- ся одним из признаков присутствия или проявления Хаоса, причём в нашем случае эта «непредсказуемость» и его последствия несут в себе, как правило, глубочайший духовный смысл. <...> Любопытно, что в античные римские времена жрецы предупреждали импе-

⁶⁵ Проект «Константинопольский патриархат» есть попытка придать Второму Риму статус чего-то живого. Хотя понятно, что ныне существует Рим Третий, а парадигма Второго Рима давно в прошлом. Так же и проект «Украина как столица Древней Руси» игнорирует тот факт, что Великая Русь уже давно возродилась в лице Великой России. И вот, получается, что эти два контртрадиционных остатка умерших традиций под заботливой опекой внешних и чуждых славянству и православию сил нашли друг друга.

⁶⁶ См. об этом: Аверьянов В. Русская мечта. Ментальная карта. Авторский доклад Изборскому клубу // «Изборский клуб», № 6, 2017.

раторов и полководцев против вторжения в нашу Землю. Они считали, что там их ждёт неминуемая гибель, ибо эта страна — Сакрального Хаоса. Известно, что Сакральный Хаос означает такой Хаос, из которого выходит всё необычное, но предназначенное для Сверхшения самых тайных и фантастических поворотов истории и человеческой мысли. <...> Никогда Порядок не сможет победить Хаос, потому что Порядок лишь «упорядоченная», организованная маленькая часть Хаоса, намордник, наброшенный на маленькую частицу мирового Хаоса»⁶⁷.

Отдалённая от стратегических путей мирового обмена, от степных зон «великого переселения» народов, защищённая лесами и суровым климатом, наша земля долгое время служила неплохим местом для хранения и воспроизводства чистого и высококачественного «человеческого материала», потенциально пригодного в силу своей природы для решения самых сложных и творческих задач. Как будто Творец миров специально поместил будущий народ-воитель последних времён в некий исторический резервуар и дал этому народу огромную заповедную малозаселённую часть суши (тоже своего рода резервуар — нетронутый, чистой природы, воды, лесов, недр).

Во втором Тысячелетии от Рождества Христова положение русских изменилось — они были вовлечены в мировую историю, претерпели страшные нашествия, перенесли иго и катастрофы. Однако накопленный в восточнославянском (проторусском) народе потенциал не был растрачен в этих испытаниях, чистота его, как показывают данные современных генетиков, также не была искажена, он был проверен и закалён в борьбе и вплоть до начала XX века демонстрировал мощную демографическую динамику, недюжинные жизненные и духовные силы. При этом русский народ расширился до российского цивилизационного супернарода, включил в свою орбиту

другие этносы и традиции, попытался сделать их братскими и союзными, создал величественную культуру и необычную милосердную и открытую к собираемым иноземцам империю. XX век стал ещё одним тяжелейшим надломом для русского народа, из которого мы пока ещё нельзя сказать, что вышли благополучно и с честью.

Тем не менее **русский народ — это особенный и специальный народ, предуготовленный к уникальной и через радио необъяснимой роли в судьбах человечества.** В значительной мере эта миссия уже неоднократно была подтверждена делами наших предков, и сейчас вопрос стоит о том, сумеем ли мы оправиться от исторических потрясений и остаться самими собой.

Сакрально-историческое измерение представляет исключительно важную сторону национального менталитета. Оно впаивает в картину мира предельные уровни ценностей — своего рода предохранители от утраты собственных архетипов. Если попытаться вычленишь те следствия, которые порождает наличие у великого народа (в данном случае конкретно русского народа) полноценной сакральной истории, то следовало бы остановиться на пяти основных положениях.

1. Ключевое положение состоит в том, что наличие сакральной истории у народа и цивилизации, носителем которой он является, в значительной мере тождественно наличию у него **Вышего Предназначения, Исторической Миссии.** Формулировка её на разных этапах истории не одинакова, и это естественно. Сегодня интеллектуалы России достаточно активно ищут новые формулы и способы выражения национальной миссии. Так, согласно А. А. Проханову, «задача русских — предложить миру асимметричную историю, «иное развитие», «инобытие», не связанное с жестоким стяжательством, с иерархией сильных и слабых,

«благородных» и «подлых», богатых и бедных»⁶⁸. В своё время Гоголь, Данилевский, Достоевский и другие русские гении неоднократно говорили о специальном призвании Русской цивилизации к разрешению именно проблемы социальной несправедливости в мире.

2. Сакральная история несёт в себе **Высшую Правду** и сущность народных и мировых судеб. Высшую правду, как известно, нелегко разглядеть, и бывает очень нелегко признать, если ты сам живёшь не в согласии с правдой. Она может время от времени вступать в противоречие с эмпирическими данными науки, сумма которых меняется и заставляет учёных пересматривать старые концепции и создавать новые. В отличие от истории как эмпирической науки сакральная история обладает единым и главным вектором своего становления — она не пересматривает основы, но неуклонно накапливает свою базу, собирает и собирает историческое время во всё более плотный синтез. При этом в эпохи кризиса России сакральная история может даже представляться чем-то противонаучным и чрезмерно идеалистическим (это происходит в том случае, когда на наше прошлое «накладывает свою лапу» чуждый исторический субъект).

3. Сакральная история, реализованная в национальном самосознании, является **верным признаком духовного суверенитета.** А из духовного суверенитета следует и суверенитет в политике, экономике, культуре. Это означает, что ресакрализация отечественной истории является императивом для всех патриотов независимо от их религиозной или партийной принадлежности.

4. Священная история — это **субъектность элиты**, ведущий дух и ведущая идея для правящего слоя. Через элиту она наделяет чертами субъектности весь народ, всю его мыслящую, интеллектуально и духовно организованную часть. Если говорить о сегодняшнем дне, то наша элита (которую называют

⁶⁷ Мамлеев Ю. Россия вечная. — М., 2017. — С. 97.

⁶⁸ Проханов А., Кугушев С. Технологии Пятой империи. — М., 2007. — С. 72.

офшорной, перелётной и даже награждают её кличкой «элитка») неспособна разглядеть сакрально-исторические перспективы. Ей мешают в этом шоры цинизма и экономического прагматизма, который есть на деле самообман, ей мешают, как путы, — бескрылая клеptomания и зачарованность могуществом глобального финансового диктатора⁶⁹. Необходимо построить над существующим ныне базисом российского государства сакральную «надстройку», и эта «надстройка» произведёт в самом базисе благотворные преобразования.

5. Наконец, священная история, которая кажется недалёким интеллигентам-скептикам какой-то архаикой, на деле оказывается **прямым и кратчайшим путём к развитию**. Именно сакрально-исторический в своей основе консерватизм способен сегодня возродить творчество нации во всех её аспектах, поднять её уровень с выдающимися предками — учёными и инженерами Российской империи и СССР. Мы называем это направление идейного синтеза **технократическим традиционализмом** — в нём развитие и инновации в области технологии, науки и производства не только не противоречат консервативным ценностям в культуре, нравственности, религиозности, а прямо и органически с ними сочетаются. Некоторые видят в таком синтезе неразрешимый и нелогичный парадокс, но это ошибка: сегодня именно консерваторы являются естественными союзниками технократов, тогда как космополитические подходы всё больше тормозят, выхолащивают и обескровливают развитие⁷⁰.

⁶⁹ Между тем могущество этого центра — мнимая величина. Он не глобален по сути, являясь плодом конкретной цивилизации и конкретной «сакральной парадигмы». Их глобализм не опирается на многие народы и традиции, а построен в пику им — как наглое и самоуверенное попрание их, в том числе и десакрализация их святынь. Поэтому их власть выморочна, их могущество иллюзорно, их полное торжество не может быть долгим — о чём мы читаем и в «Апокалипсисе» Иоанна Богослова. Их сила зиждется на слабости, податливости и растерянности тех, кого они попирают.

⁷⁰ В XXI веке наиболее органичным для творцов инновационной сферы является традиционалистское мировоззрение, соединённое с классикой эпохи Просвещения. В России это означает синтез православной этики с ценностями и завоеваниями советского модерна. Именно такой синтез даст нам основу для осуществления IV промышленной революции (перехода в сверхиндустриализм). А вовсе не постмодерн, который свойствен скорее богеме, живущей за счёт различных технологий манипуляции общественным сознанием. (Сказанное справедливо также в отношении IT-отрасли и информационных технологий, несмотря на намеренно внедряемый на транснациональном уровне миф об обратном.) Ещё одно убедительное свидетельство призвания нашей цивилизации к технократическому традиционализму — школа русского космизма, который был выпестован в лоне религиозно-футуристических идей Фёдорова, Циолковского, Вернадского и стал стратегическим вектором русского мессианского прорыва в XX веке. Русский космизм, как мы уже неоднократно подчёркивали в других изборских докладах, должен в конечном итоге увенчаться переходом человека в новое качество, связанное с духовным, моральным и психофизиологическим преображением.

Русской цивилизации как воздух необходимо бинокулярное зрение, сочетающее в себе прагматическую земную составляющую и уровень сакральный, метафизический. Наше поведение не может быть сведено к прагматическим рациональным мотивам, в нём должна быть стратегия несказанного. В то же время наше осознание сакрального должно быть вооружено и мощной оптикой, «перископами» и даже «приборами ночного видения». Это сочетание технологии и молитвы делает Россию неуязвимой, её политику суверенной, её тактику своеобразной и непредсказуемой для противника, её ценности и идеалы — насущным хлебом для молодых поколений и основой грядущих побед.

Мифы враждующих народов и цивилизаций трудно сравнивать между собой, трудно оценивать через призмы соперничающих начал. Однако в мифе цивилизационный мир черпает свою силу. Вот почему сакральная история является неотъемлемым компонентом национального мифа как высшего выражения духовной жизни общества. Без этого мы лишаемся своей естественной силы. С сакральной историей мы обретаем главное: не что иное, как развёрнутую и доступную всем, легко объяснимую даже детям **Веру в Россию**.

Вера в Россию не может и не должна основываться на произвольной фантазии, а должна быть сопряжена с точным и уверенным знанием своей истории, характера своего народа, его

сильных черт и его недостатков. Однако символ веры в Россию (в который входят итоговые положения нашей сакральной истории и в которых сама Россия оказывается наряду с Богом и религией высочайшей ценностью) недоступен восприятию тех, кто видит в России и её цивилизационном коде «чужое», несовместимое с ним и потому глубоко враждебное. В силу внутренней открытости России как культуры чужаку не так уж трудно почувствовать этот, по выражению Вальтера Шубарта, «иоанновский дух», отличающий нашу ментальность от ментальностей других народов. Однако чужак чужаку рознь. Нечувствие России, её масштаб, её жертвенности и доброй силы со стороны русофобов — это не только

их чуждость, но и ещё своего рода неполноценность.

Россия, по выражению великого русского мыслителя и учёного Н.С. Трубецкого, — «страна-наследница». Она впитала опыт христианского прочтения древней истории, назвала себя Новым Израилем, осознала свою преемственность по отношению к Риму и Византии, а также, как теперь уже ясно после трудов нескольких поколений евразийцев, — по отношению и к кочевым государствам Великой Степи. Затем она пошла в ученики к протестантскому Западу с его новым технологическим укладом и сумела во многом превзойти учителей, отняла у европейской революции её наиболее радикальное оружие и, испытав его отчасти на самой себе, претерпев миллионные жертвы и почти смертельный кризис, сумела повернуть это оружие против самого Запада и против его продолжающей мутировать революции. Россия как стечение исторических потоков, как защитница малых и обижаемых народов собрала в себе огромный страдальческий опыт единокровного рода человеческого.

Священная история в стратегическом поле зрения России выглядит не как узконациональное дело, но как Становящаяся Церковь. В этом смысле Россия с её православной универсальной миссией превзошла «Ветхий Израиль», который приспособил идею универсального Бога в качестве слуги слепого расового и племенного эгоизма. Так Святая Русь стала «Новым и Подлинным Израилем». Она последовала завету Иисуса Христа: **«большой из вас да будет вам слугою»** (Матф. 20, 26; Матф. 23, 11).

Православное осознание своей истории как священной предполагает постоянное покаяние в случае неудач, а в случае побед — их смиренное принятие и в чём-то гордость, но не гордыню. «Не нам, не нам, но Имени Твоему» — эти слова Александр I приказал отчеканить на медали после победы над Наполеоном. Он же распорядился после взятия Парижа превратить военный парад наших войск в покаянный молебен от лица всей Франции

Символ веры в Россию (в который входят итоговые положения нашей сакральной истории и в которых сама Россия оказывается наряду с Богом и религией высочайшей ценностью) недоступен восприятию тех, кто видит в России и её цивилизационном коде «чужое», несовместимое с ним и потому глубоко враждебное. В силу внутренней открытости России как культуры чужаку не так уж трудно почувствовать этот, по выражению Вальтера Шубарта, «иоанновский дух», отличающий нашу ментальность от ментальностей других народов. Однако чужак чужаку рознь. Нечувствие России, её масштаба, её жертвенности и доброй силы со стороны русофобов — это не только их чуждость, но и ещё своего рода неполноценность.

за страшные преступления революционного и наполеоновского режима.

Иудейская Библия, Танах, — была книгой книг, высвечивающих для христиан историческую перспективу Боговоплощения. Греческая Библия с Новым заветом как главным откровением для христиан стала каноном, специально выработанным церковью на Вселенских соборах. Однако на небесах есть и не написанная **Русская Книга Книг**, в которой высвечивается перспектива Второго Пришествия. Эта ещё не собранная и не канонизированная Русская Библия — наиболее полная, ибо вбирает в себя и Танах, и церковный канон, и в то же время писания и жития новых святых и народных вождей, свидетельства непрекращающегося до сего дня участия высших небесных сил в земной истории. Она запечатлевает **духовный подвиг и героизм стояния и свершения пред лицом последних времён, времён умножающегося зла и охлаждающей любви...** Это означает для христиан долг оставаться человеком со Христом в сердце, не предающим Христа даже в самых тяжёлых и невыносимых обстоятельствах.

Понятие «Русская Библия» как какой-то новый свод сакральной истории не может не коробить цер-

ковное сознание. Но мы намеренно идём на этот ход, поскольку видим в своём прошлом и в настоящее время продолжающуюся священную историю, новые деяния, пророчества и писания. Этот канон и не станет на земле каноном, поскольку для того требовался бы новый Вселенский Собор, а он уже невозможен. Наша задача — максимально приблизиться к такому канону в своём понимании истории. И наши ошибки, которые при этом, скорее всего, неизбежны — это тоже часть истории. Но их должно быть как можно меньше, ибо если мы не превысим меру собственной глупости и малой осознанности происходящего, то в таком случае и история будет продолжаться.

Трезвение народа в священной истории предполагает как веру в правоту собственного дела, так и в осознание своих несовершенств и надежду на спасение и милостивое покрытие их не по заслугам, а по благодати. Это простое и ясное сознание воина на поле брани, пред лицом смерти. И ныне, как и прежде, по слову нашего великого поэта:

*Не может сердце жить покоем,
Недаром тучи собрались.
Доспех тяжёл, как перед боем.
Теперь твой час настал. — Молись!*

Священная история – основа национального самосознания

*Авторский экспертный доклад Изборскому клубу
Вардана БАГДАСАРЯНА¹*

О НЕДОСТАТОЧНОСТИ ПОЗИТИВИСТСКОЙ ИСТОРИИ. ИСТОРИЯ И ЦЕННОСТИ

Наряду с историей как совокупностью научно достоверных фактов в отношении прошлого (назовём её позитивистской историей) существует также на уровне национального исторического сознания историософия и священная история. Историософия акцентирована не на фактологии, а на смыслах истории. Она отвечает на вопросы: куда идёт соответствующая общность? куда идёт мир? в чём состоит базовый конфликт исторического процесса? Священная история сопряжена с национальной системой ценностей. Используемые в рамках неё образы и сюжеты выражают некую адресуемую обществу ценностную фабулу. Структурной единицей священной истории выступает историко-художественный образ. Это исходно задаёт связь исторического повествования с религией, искусством, литературой, мифологией. И если для позитивистской истории достоверность, подтверждение через источники является основным требованием, то для священной истории главное — формирование ценностной матрицы прошлого, где художественный вымысел так же допустим, как и исторически достоверный факт.

Для историков академических институтов это, как правило, категорически неприемлемо, так как подрывает профессиональную монополию на занятие историей. Но в том-то и дело, что история имеет различные функции, и наряду с познавательными (которые также варьируются в зависимости от модели познания) существуют еще и функции социальные и, в частности, решение задач воспитания. А эти задачи не решаются посредством позитивистской фактологии. И не Академии наук следует осуществлять их решение.

Рассмотрим это на примерах. В 1938 году был снят один из вели-

чайших фильмов советского кинематографа «Александр Невский». К нему сегодня предъявляются претензии на предмет противоречия с реальной историей. И такие противоречия действительно есть. Но, во-первых, фильм при этом не являлся фальсификацией истории и достоверно отражал парадигму времени, выражаемую в противостоянии Руси немецкой агрессии. А во-вторых, будучи художественным произведением, он и не ставил задачи достижения фактологической точности, являясь в большей степени ответом на вызовы современности. Зато, построенный в соответствии с матрицей священной истории, фильм имел огромное мотивационное значение в годы Великой Отечественной войны. Псы-рыцари вызывали ассоциации с германским вермахтом, кнехты — с покорёнными народами Европы, псковские и новгородские изменники — с «пятой колонной». Именно на фильме «Александр Невский» выстраивалось и продолжает выстраиваться историческое сознание народа в восприятии эпохи XIII века. И характерно, что на учреждённом во время Великой Отечественной войны ордена Александра Невского, которым награждался командный состав Красной Армии, князь изображался в образе, близком облику артиста Николая Черкасова.

Огромное воспитательное значение в плане формирования героического духа советской молодёжи имел автобиографический роман Николая Островского «Как закалялась сталь». Результатом влияния книги стало восприятие художественного персонажа Павла Корчагина как исторической персоналии. Через его романтический образ произошло восприятие на уровне массового сознания героики становления советской государственности. Этот образ был исторически достоверен хотя бы ввиду автобиографичности создания. Он не фальсифицировал эпоху. Но вместе с тем Павел Корчагин есть вымышленная фигура,

а значит, в академическое изложение истории не включаемая.

Приведённые образы не могут быть приняты в позитивистскую систему представления истории, но при этом для общества они оказываются функционально необходимыми, и их значение гораздо выше позитивистского нарратива. Как выйти из этой коллизии? По-видимому, только признав, что наряду с позитивистской историей должна быть осознанно и целевым образом выстраиваться система священной истории.

СВЯЩЕННАЯ ИСТОРИЯ И СОЦИОГЕНЕЗ

Со священной истории и следует начинать обучение детей и юношества. Вначале должна закладываться сакральная историческая матрица, а только уже затем, когда она сформирована, изучаться позитивистская фактология истории. Вначале через обращение к священной истории учащийся воспринимает общественную систему ценностей, у него формируются гражданские представления, ему прививается чувство патриотизма, и только после этого — на сформированном фундаменте нравственного развития и социализации — он может узнать, что существуют разные интерпретации исторического материала. В противном случае подвести учащегося к принятию им доминирующих в обществе ценностей будет фактически невозможно.

Отправляться от священной истории более оправданно не только в аксиологическом, но и в когнитивном плане. Когда уже есть некая заданная священной историей матрица восприятия исторического процесса, новые, усваиваемые учащимся факты укладываются в соответствующие матричные ниши, и происходит их закрепление в сознании школьника. При отсутствии такой матрицы происходит то, что имеет место сегодня при натаскивании школьни-

¹ БАГДАСАРЯН Вардан Эрнестович, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН.

В современных российских учебниках истории не только нет фактически сакральной составляющей, но и просто позитивные коннотации значительно уступают место негативным. Согласно проведённым расчётам по группе учебников по истории России, в целом по российской истории соотношение между негативной и позитивной информацией 3:1, а по советскому периоду и вовсе 5:1. На такой основе сформировать патриотическое сознание в принципе невозможно. Существующий сегодня в России тип учебников, противоречащий мировой практике формирования школьной исторической литературы, может быть охарактеризован как десакрализационная версия истории — антипод священной истории.

ков на тесты при подготовке к ЕГЭ. Забуренные исторические факты не удерживаются в памяти и с течением времени фиксируется нулевой уровень остаточных знаний.

Практически принятие этих выводов означало бы введение в школах предмета «Священная история России», роль которой в советское время выполняли «Очерки по истории СССР». Также это означало бы подготовку под преподавание священной истории и сакральных компонент в других исторических дисциплинах будущих педагогов-историков; разработку новых, ориентированных на формирование сакральной исторической матрицы учебников истории.

В современных российских учебниках истории не только нет фактически сакральной составляющей, но и просто позитивные коннотации значительно уступают место негативным. Согласно проведённым расчётам по группе учебников по истории России, в целом по российской истории соотношение между негативной и позитивной информацией 3:1, а по советскому периоду и вовсе 5:1. На такой основе сформировать патриотическое сознание в принципе невозможно. Существующий сегодня в России тип учебников, противоречащий мировой практике формирования школьной

исторической литературы, может быть охарактеризован как десакрализационная версия истории — антипод священной истории.

Своя священная история есть у всех без исключения народов. Формирование сакральной исторической матрицы является важнейшим фактором социогенеза. Без единой истории не может быть и единой национальной идентичности. А единой истории не может быть без сакрализуемого исторического фундамента, устанавливающего ценности и смыслы этого единения. Напротив, для уничтожения национальной общности может быть достаточно разрушить её сакральный исторический фундамент, лишит священной истории. Собственно, это и делается в информационно-исторических войнах, в рамках которых противостояние разных версий исторической памяти является важнейшим компонентом. Следует напомнить: распадный процесс, приведший к гибели СССР, начался с приуроченной к семидесятилетию революции журнальной кампании критики, а по существу, десакрализации советской истории. Но опыт гибели Советского Союза в этом отношении не единичен. Ревизия истории обнаруживается фактически во всех случаях разрушения империй прошлого.

Технология поражения противника через подрыв его исторического сознания выглядит следующим образом. Вначале история отделяется от национальной ценностной матрицы как «история академическая», «история фактов». В российском случае это осуществлялось в рамках кампании деидеологизации истории. Далее обнаруживаются «чёрные страницы» исторического нарратива, что, казалось бы, противоречит исходной установке устраниваться от ценностных и этических ракурсов. На деле это выражается в запрете на позитивное освещение при поддержке освещения негативного, смене парадигмы сакрализации парадигмой инфернализации. При расширении пространства, занимаемого «чёрными страницами», вся национальная история оказывается чередой злодеяний и преступлений. Вместо чувства гордости за свою страну, задаваемого священной историей, закладывается чувство стыда, и более того — ненависти к собственной стране («смердяковщина»). Вывод из этого исторического прочтения может быть только один — целесообразность самоликвидации. Устыдившийся своей истории социум распадается. Осколки его принимают иные идентификаторы, встраиваясь в чужие исторические нарративы, в том числе в нарратив противника. У современных российских западников также есть своя сакральная история. Но **это не священная история России, а священная история Запада**, выстраиваемая через мифологизированные образы становления западных политических свобод.

Защита священной истории социума есть, таким образом, важнейший вопрос национальной безопасности. Должны быть, соответственно, приняты законы, защищающие сакральные образы и символы национальной памяти. Следовательно, требуется установить предмет регулирования — определить те образы и символы, кощунственное отношение к которым будет являться преступлением перед государством и народом России.

Определённую путаницу в понимании феномена священной истории

вносит использование данного наименования как дисциплины в рамках духовного христианского образования. Под священной историей понимается в данном случае библейская — ветхозаветная и новозаветная история. В действительности, никакого противоречия между религиозным и аксиологическим подходами к священной истории нет. Библейский нарратив действительно является священной историей для христианской общности. Но это не означает, что не может быть иных версий священной истории. Имеется, к примеру, идентичная кораническая версия священной истории, отличающаяся от священной истории христиан. «Махабхарата» представляет собой священную историю индуистской традиции. Каждая из религий имеет собственную историческую проекцию, которая соединяет божественное и человеческое в единый поток истории. Соединение человеческого с божественным и определяет самим фактом этого соединения сакральность соответствующего исторического нарратива. Но религиозная священная история может быть непротиворечиво соединена с национальной священной историей. Два пласта священной истории — библейский и национальный — фиксируются, в частности, в русском летописании, включая и «Повесть временных лет».

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

Священная история содержит ряд универсальных структурных компонент.

Прежде всего — это компонента священной войны. Исторический процесс, сообразно с моделью священной истории, развёртывается в конфликте сил добра и зла. Священная война и есть предельно выраженное в своей сути столкновение этих сил в прошлом. Соответствующая национальная общность выступает в этом конфликте стороной добра, а её враги — зла.

Для древних греков священной войной являлась, как известно, война Троянская. «Илиада» выступала в греческом античном мире инструментом социализации и принятия

эллинской идентичности. Для европейских королевств под священными понимались войны, ведомые крестоносцами за гроб Господень. Для арабов ими являются походы пророка и его последователей. Принципиальное значение для самосознания сербов имеет битва на Косовом поле — сербская священная война. Эпические черты приобрела в армянском историческом сознании Аварайская битва Вардана Мамиконяна против персов в 451 году, в которой армяне ценой гибели героев отстаивали своё право быть христианами.

Сакральный ракурс освещения по модели священной войны имеет представление национально-освободительных войн, положивших на-

чало соответствующей суверенной государственности. Для американцев Соединенных Штатов священной войной выступает Война за независимость США. Сакрализационный подход переносится и на малоизвестную для европейцев, но имеющую принципиальное значение для самосознания североамериканцев англо-американскую войну 1812–1815 гг. Эпизодом этой войны стала оборона форта Макгенри, описание которого составило впоследствии текст американского гимна. По лекалам священной истории в Латинской Америке освещаются военные походы Боливар и Сен-Мартина. Гимны латиноамериканских стран сопряжены с сюжетами этих войн, которым в российской учебной вер-

сии истории не придаётся большого значения (один урок в школьной программе). Для Кубы священной войной является героика борьбы против режима Батисты. Историческое сознание итальянцев формируется через образы священной войны, ведомой за единство Италии Джузеппе Гарибальди. Огромное влияние эти образы оказали в своё время на левый спектр русской общественной мысли, а Гарибальди являлся самой популярной фигурой из зарубежных исторических персоналий в России. Для кемалистской Турции священной войной преподносилась борьба Ататюрка 1919–1923 гг. против сил Антанты, положившей основание новой турецкой государственности. Отражением этого противостояния является турецкий гимн, в котором Европа названа монстром, её силы уподобляются гнилому зубу и превозносятся подвиг борющихся с ней шахидов. При Эрдогане намечается тенденция некоторого сдвига пространства сакральности к временам Османской империи и завоеваниям первых османских султанов. Священной войной в идеологической репрезентации Исламской республи-

ки Иран выступает революционная борьба с шахским режимом, характеризующимся даже в тексте Конституции как сатанинский.

Понятие «Отечественная война» является фактически эквивалентом войны священной. Понятие это используется не только в российском социокультурном контексте. Если в Южной Корее Корейская война долго именовалась Смутой 25 июня, с очевидными негативными коннотациями, то в КНДР — Отечественной освободительной войной. Попытку сакрализовать войну против сербов 1991–1995 годов через присвоение статуса войны отечественной предпринимает хорватское государство. Это определение внесено даже в преамбулу Конституции Хорватии. Отечественной войной именуют в Абхазии войну против Грузии 1992–1993 годов.

Священной войной в семиосфере Российской империи выступает Отечественная война 1812 года. Во время самой военной кампании понятие «Отечественная война», как известно, не использовалось и было официально закреплено величайшим повелением Николая I в 1837 году в связи с 25-летием изгнания войск Наполеона

из России. Сакрализация войны с Наполеоном в качестве русской победы над антихристовыми силами Европы — двенадцатью языками — занимало важное место в национальной репрезентации императорского режима периода николаевского правления.

Николай I планировал впоследствии издать манифест, объявляющий Отечественной войной Крымскую кампанию. Однако смерть помешала ему в этих намерениях, а вззошедший на трон Александр II от мобилизационных планов своего отца отказался.

Неудачной оказалась попытка сакрализовать Первую мировую войну, которой было присвоено наименование Второй Отечественной. Название не закрепилось в историческом сознании народа и, более того, было вытеснено названием с негативными коннотациями — Империалистическая война.

Священной была воспринята изначально и продолжает восприниматься в таком качестве Великая Отечественная война. Было использовано и само наименование «Священная война», явившееся названием одноименной песни — фактического гимна борьбы с фашистской агрессией, появившегося уже на второй день после нападения Германии на СССР. В этой песне были аккумулированы все необходимые коннотации сакральной битвы — «сила тёмная», «благородная ярость», «проклятая орда», «чёрные крылья», «гнилая нечисть», «отребье человечества».

Из множества военных баталий в сакральную матрицу священной истории России были также встроены Ледовое побоище, Куликовская битва, освобождение Москвы войсками Минина и Пожарского, Полтавская битва, суворовские победы (взятие Измаила, переход через Альпы), оборона Севастополя, подвиг крейсера «Варяг». В советское время предпринимались попытки легендизировать в качестве священной Гражданскую войну, чему немало способствовала серия исторических кинофильмов «Чапаев» (1934), «Котовский» (1942), «Депутат Балтики» (1936), «Мы из Кронштадта» (1936),

«Александр Пархоменко» (1942), «Оборона Царицына» (1942) и др.

В США сегодня обнаруживается с очевидностью тенденция интерпретации в качестве священной войны борьбы с Советским Союзом. Вручаемые медали за победу в холодной войне, используемый образ воспроизводимой империи зла и заговора КГБ, художественные образы героев, предотвращающих русскую угрозу, — всё это целевым образом работает на данную сакрализацию. И совершенно иначе — в рефлексии самообвинения, констатации неправомерности избранного пути развития — трактуется история холодной войны в современной России.

Священная война в сакральной истории семантически соединена со священной войной в эсхатологии. Исторический процесс завершается в финалистском будущем в решающем сражении сил добра и зла. Мегавременной конфликт разрешается великой битвой, но никак не компромиссом, как учат сторонники теории толерантности, не примирением, которое между добром и злом невозможно. В христианской эсхатологии священная война соотносится с понятием Армагеддон, в эсхатологии коммунизма речь идёт о мировой революции.

Для современной государственной исторической политики России, казалось бы, обнаруживается установка позиционирования в качестве священной войны Великой Отечественной. Без всякого сомнения, она является сегодня фактически единственным аттрактором священной истории для российской общности. Лиши её этой последней опоры сакральности прошлого — и она перестанет существовать. И то, что именно Великая Отечественная война подвергается сегодня наиболее акцентированным информационным атакам, направленным на лишение России рефлексии Великой Победы, неслучайно.

Будучи сакральной по инерции семейных преданий, Великая Оте-

чественная фактически лишается ореола священной войны в научном и образовательном контексте. Неясно из историко-культурного стандарта и построенных на его основе учебников, с кем мы, собственно, воевали. Сказать, что воевали с гитлеровской Германией и только-то, — значит десакрализовать войну (поскольку священная война ведётся против вселенского зла — и не меньше). Не приходится в ряду дефиниций место для понятия «фашизм», которое бы и позволяло раскрыть человеконенавистническую природу врага. Более того, проявляется тенденция развести фашизм и национал-социализм, представив последний частным случаем развития германской истории, а не общим кризисом Запада и не вытекающим из него мировым процессом «фашизации». Сказать же, что фашизм порождён западной культурой и экономикой капитализма, российские либералы-западники, естественно, не могут.

Неясно из историко-культурного стандарта и современной генерации школьных учебников, за какие идеалы и ценности сражался и умирал народ. Назвать эти идеалы и ценности, означало бы сказать, что это была коммунистическая идеология, которая оказалась теперь отвергнута и демонтирована². Назвать их означало бы признать, что 1991 год был изменой Великой Победе, фактически реализацией по пунктам плана «Ост». Возникает курьёзная ситуация, когда в детских рисунках, посвящённых 9 мая, воины-победители 1941–1945 годов изображены под триколором. Священная война ведётся именно за ценности и идеалы, и если они нивелируются, то разрушается и сакральный уровень восприятия войны. Итог такой деформации — Великая Отечественная война воспринимается как трагедия миллионов семей, но все не как цивилизационная победа, не как торжество отстаиваемых в ней великих идеалов.

КУЛЬТУРНЫЙ ГЕРОЙ

Другим структурным компонентом священной истории выступает образ культурного героя. Под культурным героем понимается исторический или мифологический персонаж, с деятельностью которого связывается создание соответствующей национальной культурной общности. С культурным героем связываются определённые ценности и смыслы, которые принимаются сакрализующей его общностью. Посредством сакрализации культурного героя осуществляется закрепление ценностей и их межпоколенная трансляция.

Культурными героями являлись, безусловно, создатели религиозных традиций. Деятельность Зороастра, Моисея, Митры, Христа и апостолов, Мухаммеда, Гаутамы Шакьямуни, Лао-цзы, Вишну, Шивы приобретает «осевой» характер и становится стержнем священной истории соответствующих историко-культурных общностей.

Свои культурные герои имеются и у каждой национальной общности. В родоплеменной традиции культурными героями выступали праотцы, прародители, в государственных общностях — создатели соответствующей модели государственности, часто — акторы принятия той или иной идеологии. Первозаконодатели Ликург и Солон являлись, соответственно, сакрализованными культурными героями Спарты и Афин. Ромул, Цезарь и Константин были культурными героями Римской державы на разных её генезисных фазах — создания Рима, перехода к империи и принятия христианства.

Для Англии культурными героями являются король Артур — мифический создатель единого государства бриттов, Вильгельм Завоеватель — основоположник собственно английского государства, Вильгельм Оранский — восстановитель королевской модели, королева Елизавета как основоположница английского могущества и Уинстон Черчилль как победитель

² В то же время известно высказывание Сталина, которое он сделал в 1942 году в беседе с американским послом: «Думаете, они сражаются за нас? Нет, они воюют за свою матушку-Россию» (прим. редакции).

в войне. Именно Черчилль, а, к примеру, не Шекспир или Дарвин, занял первое место в опросе BBC, выявляющем самого великого англичанина всех времён.

Жанна д'Арк — признанный герой и национальный символ Франции. Её канонизация в 1920 году в качестве святой закрепило её светскую сакрализацию у французов сакрализацией религиозной. Образ святой Жанны сопряжён в французской национальной рефлексии с восстановлением суверенитета Франции. Сакрализована и фигура Шарля де Голля как создателя новой Франции. Де Голль занял первое место в опросе, проводимом государственным телеканалом «Франс-2» по выявлению величайшего француза. Характерно, что Наполеон — безусловно, великая личность, но не культурный герой, имея в виду исторические итоги наполеоновской деятельности, — оказался в опросе только на шестнадцатой позиции.

Культурными героями священной истории Соединённых Штатов позиционируются отцы-пилигримы, заложившие основания протестантской культурной традиции, и отцы-основатели США, деятельность которых сопряжена с институционализацией американской государственности. Сакрализуется и фигура Авраама Линкольна, с чьим именем связан переход к новой, основанной на парадигме демократии модели организации американского общества. Однако, как показывают неожиданно вспыхнувшие в США войны исторической памяти между федералами и конфедератами, Линкольн так и не стал консолидирующей фигурой для американцев. К сакральным фигурам американской истории принадлежит и Франклин Рузвельт, связываемый с победой в войне и выводом США на позиции сверхдержавы. Однако по опросу в определении величайшего американца первое место занял Рональд Рейган. Очевидно, что здесь играет роль образ победителя в холодной войне. Победа над СССР оказывается,

таким образом, в восприятии американцев более значимой, нежели победа над Германией и Японией во Вторую мировую войну. Навязываемые России в качестве новейших героев пораженческие образы — Горбачёв, Ельцин, Гайдар — диссонируют в этом отношении с образами победителей, принимаемыми за основу национальной репрезентации во всём мире.

По образцу BBC конкурс по определению величайшего исторического представителя нации прошёл и в ряде других стран мира, устойчиво дав (за некоторыми исключениями) результат соотнесения победителей с образами культурных героев. Так, величайшим греком стал Александр Македонский, что показательно в выстраивании ими исторического преемства ещё от античных времен. На эту особенность национальной репрезентации обращал внимание ещё во времена Российской империи дипломат князь Г. Трубецкой, указывая, что в то время как понтийские греки считают себя потомками византийцев, то граждане греческого государства — преемниками древних эллинов. Величайшей исторической фигурой в национальной истории стал для чехов император Священной Римской империи и чешский король Карл IV, на времена которого приходится «золотой век» Чехии и расцвет Праги. Первое место по аналогичному опросу в Молдавии занял господарь Стефан III Великий, при котором Молдавское господарство не только отстояло суверенитет, но и достигло максимума политического влияния в регионе. Величайшим японцем признан Ода Нобунага, первым объединивший в XVI веке Японию в единое государство. Первое место по результатам опросов в Нидерландах занял культурный герой голландской священной истории, лидер Нидерландской революции и создатель независимых Нидерландов Вильгельм I Оранский.

На Украине победил Ярослав Мудрый, связываемый в исторической

политике Украины с генезисом Киевской Руси как украинского государства. На проведённом через ряд лет новом опросе в борьбе за первое место столкнулись князь Владимир и Бандера. Оба они означали две разные версии священной истории: одна — связываемая с православным выбором, вторая — с идеологией украинского национализма.

Национальный герой Аргентины Хосе Сен-Мартин занял ожидаемо первое место в аргентинском опросе. В Германии, чьё историческое сознание прошло через фильтр денацификации, победу в конкурсе одержал создатель новой германской модели в формате ФРГ, который также может позиционироваться в качестве культурного героя немецкого народа, Конрад Аденауэр. Такую же, хотя и в меньших масштабах, дефашизацию прошла и Италия. И характерно в этой связи, что в итальянских опросах в финал не попал ни один политический деятель, включая Мадзини и Гарибальди. А первое место занял Леонардо да Винчи как культурный герой в репрезентации итальянского духа в сфере культуры. В болгарском опросе победу одержал национальный герой Болгарии, один из «четырёх великих» представителей национального освободительного движения против власти Османской империи, широко именуемый болгарами «апостолом свободы» Васил Левский³.

Величайшим португальцем всех времён стал Антониу ди Салазар, которого вне Португалии принято идентифицировать с идеологией португальского фашизма. В тройку величайших португальцев также вошли основоположник португальского морского могущества Генрих Мореплаватель и первый король Португалии Афонсу I. Результатом опроса в Финляндии стала победа маршала и президента Карла Маннергейма, чьё имя вызывает негативные преимущественно коннотации в связи со Второй мировой войной в мире,

³ Третью позицию занял в соответствии с логикой сакрализации культурного героя создатель первого болгарского государства хан Аспарух, четвёртую — первый правитель Болгарского царства Симеон I, шестую — равноапостольный князь Борис I — креститель болгар.

но сакрализовано в рамках финской священной истории. В Чили в острой борьбе за первую позицию победил Сальвадоре Альенде, что указывает на победу левой сакрализационной линии в национальной чилийской рефлексии. Ожидаемую победу в ЮАР в выборе величайшего южноафриканца одержал Нельсон Мандела — создатель новой неапартеидной модели республики. В Индии победил главный разработчик индийской Конституции Бхимрао Рамджи Амбедкар, притом что для участия в опросе не выносились имя Махатмы Ганди, позиционируемого отцом нации, который, по словам организаторов, одержал бы в случае участия безоговорочную победу и конкурс лишился бы смысла. Проведённые опросы в целом корреспондируют с национальными моделями священной истории.

В КНР аналоговый опрос не проводился. Но и без него культурные герои китайской священной истории очевидны. Культурным героем в отношении периода Древнего Китая преподносится Конфуций. Во времена Мао проводились гонения на конфуцианскую традицию, но сегодня Конфуций выступает символом внутреннего и внешнего позиционирования Поднебесной. Фигура Мао Цзэдуна по-прежнему, несмотря на умеренную критику, сакральна для Китая. Тело Мао, в отличие от тела Сталина, не было вынесено из мавзолея. Образ Мао Цзэдуна закреплён в преамбульной исторической части Конституции КНР. Сакральность Мао как культурного героя связана с основанием КНР и принятием идеологии коммунизма. Присутствует в китайской конституции и фигура Дэн Сяопина. В данном случае семантика культурного героя оказывается сопряжена с образом инициатора модернизационного обновления Китая.

Если противники советского прошлого в России требуют выноса тела Ленина из мавзолея, то в Китае сама постановка вопроса о выносе останков Мао невозможна. В мире существует множество мавзолеев, служащих местом погребения исторических фигур, воспринимаемых культурными геро-

ями национальной священной истории. Во Вьетнаме — мавзолеем Хо Ши Мина, в Турции — мавзолеем Кемаля Ататюрка, в Тайване — мавзолеем Чан Кайши, в Иране — мавзолеем аятоллы Хомейни, в КНДР — мавзолеем Ким Ир Сена и Ким Чен Ира, в Аргентине — мавзолеем Перона, на Кубе — мавзолеем Че Гевары, в Венесуэле — мавзолеем Боливара и Чавеса, в США — мавзолеем Линкольна и Гранта и т.д.

Нанесение удара по культурному герою — важнейший приём исторических войн. Как правило, с атаки на него и начинается собственно информационная война в пространстве истории. При разрушении СССР она началась с атаки на Сталина, потом, с некоторым лагом во времени, и на Ленина. Дезавуирование культурного героя означает, соответственно, и перечёркивание смыслов и ценностей, которые он в рамках национальной священной

истории олицетворяет. **Лишаясь идентичной сакральной ценностной базы, общность в итоге рассыпается.**

Первым русским культурным героем может быть признан равноапостольный князь Владимир. Сделанный им исторический выбор в пользу православия задал проекцию русского цивилизационного генезиса. Неслучайно именно Владимир оказывается главной мишенью атак применительно к древнерусскому периоду отечественной истории. Дезавуирование равноапостольного князя подразумевает, что и связанный с ним выбор был изначально ошибочен, а то и порочен, а значит, несостоятельна и сама построенная на фундаменте Владимирова крещения цивилизация.

Российским национальным культурным героем мог бы быть позиционирован и Андрей Боголюбский. Функции культурного героя оказываются

в данном случае сопряжены с формированием очага новой государственности и новой великоросской народности. Смерть от рук убийц оказывалась сакральной жертвой в развёрстке священной истории и ещё более усиливало бы статус Андрея Боголюбского в качестве культурного героя.

Не только военные победы, но и новый антизападнический цивилизационный выбор Александра Невского позволяют рассматривать его в череде культурных героев российской священной истории. Он и воспринимается по сей день таковым в сознании народа. В российском аналоговом проекте BBC конкурсе

«Имя России» победу, как известно, одержал именно Александр Невский.

Известно патологическое неприятие западниками фигуры Ивана Грозного. В отношении неё сложились исторические пасквили, рисующие русского царя кровавым маньяком на троне. Позитивистский подход давал в данном случае сбой, и был выбран inferнальный ракурс осуждения его царствования. Притом что при компаративистском анализе Иван Грозный в ряду тогдашних европейских государей являлся далеко ни самым жестоким, ни самым кровавым. А между тем, вопреки позиции элиты, в народной памяти Иван IV

остался сакральной фигурой и почитался даже при отсутствии официальной канонизации в качестве святого. Будучи первым русским царём на престоле, создателем Московского царства, альтернативной Западу теократической самодержавной модели государственности, Иван Грозный, безусловно, есть также культурный герой российской священной истории.

Восстановление суверенной государственности после изгнания поляков из Москвы позволяет отнести к русским культурным героям Минина и Пожарского. Тот факт, что в своей борьбе они опирались на народное ополчение, усиливает сакральную сторону их деятельности в фокусе национальной саморефлексии.

Культурным героем для исторического сознания периода Российской империи был, безусловно, Пётр I. Создатель новой империи, преобразователь, определивший своим западническим выбором двухсотлетний период в истории России, он, конечно, являлся культурным героем. Однако его сакральная героика имела легитимность преимущественно в глазах европеизированной элиты. Народ в имперский период имел свою, основанную на старорусских преданиях версию священной истории, отличную от официальной версии дворянского имперостроительства. Частью народа Пётр был воспринят в качестве антихриста, а его начинания — антихристовыми деяниями. Раскол исторического сознания стал важнейшим компонентом общего социокультурного раскола, что в итоге и стало глубинным основанием краха Российской империи.

Предпринимаемые одно время попытки сакрализовать образ Петра Столыпина, вывести его на уровень национальных культурных героев — не удались. В 2008 году в результате массивных пропагандистских усилий, а вероятно, и манипуляций, Столыпин был выведен на вторую позицию в конкурсе «Имя России». Но как только кампания была завершена, о Столыпине в народе фактически забыли. И вряд ли разрушитель рус-

ской общины, несмотря на эпическую смерть от пули террориста, смог бы действительно прочно войти в нарратив священной русской истории.

Культурным героем в священной истории советской общности выступал, будучи её основателем и идейным вождем, Ленин. Ввиду мирового позиционирования советского проекта, помимо национальной компоненты священной истории СССР использовались и образы, почерпнутые из истории мира. Этим объясняется включение в ряд советских культурных героев также Маркса и Энгельса.

Восприятие Ленина в качестве культурного героя по сей день, несмотря на целевую декоммунизацию национальной памяти, характерно для значительной части российского социума. В ещё большей степени это относится к фигуре Сталина. Не только Победа в величайшей из войн, но и в целом нарратив великих свершений, антиэлитаризм и антизападничество определяют сталинскую сакрализацию. Имеются сведения, что именно Сталин побеждал первоначально в конкурсе «Имя Россия», что было для элиты политически неприемлемым. В результате технического вмешательства «вождь» народов был оттеснён на третью позицию.

Современная Россия — Российская Федерация — лишена культурного героя эпохи. На эту роль, казалось бы, мог претендовать Ельцин как создатель новой государственности. Именно такую попытку в утверждении его как культурного героя предпринимает «Ельцин-центр». Вся история России, согласно предлагаемой версии, развёртывалась как воспроизводство несвободы, и только Ельцину удалось повергнуть Левиафан-государство. Но народ в подавляющем большинстве не воспринял новой либеральной версии священной истории и остаётся преимущественно в прежней, идущей по инерции от советских времён системе сакральных исторических представлений. Сообразно с ней Ельцин есть антигерой, убийца Советской Родины, и все попытки легитимизировать его облик оборачиваются полным провалом.

Шанс стать культурным героем в нарративе национальной священной истории России объективно есть у Путина. Образ усмирителя Чечни, воссоединителя Крыма с Россией, манифестатора суверенности российского государства и многополярности мироустройства создаёт для этого соответствующий потенциал. Но Путин всё ещё сидит на двух стульях не только в политическом отношении, но и в отношении модели исторического преемства. С одной стороны, это преемство от тысячелетней традиции российского государства-цивилизации, с другой — преемство от ельцинской команды западников-реформаторов. Выбор Путина есть одновременно и вопрос включения его в череду сакральных образов российской священной истории.

АНТИГЕРОИ СВЯЩЕННОЙ ИСТОРИИ

Образ героя, сообразно с характерным для священной истории дихотомическим мышлением, предполагает наличие и образа антигероя. Антигерой — это изменник, предатель национальной общности или сакрального общего дела, осуществляемого под руководством культурного героя. Антигероем может быть и злодей, попирающий принятые общностью ценности. Такие образы ярко прописаны в каждой из религиозных традиций. В Новом Завете это образы Ирода-злодея и Иуды-предателя. Воспитательное значение представления отрицательных образов связано с необходимостью образного описания развилки между героиней и антигероиней.

Российская священная история в её разных эпохальных преломлениях использовала для изобличения несправедности широкий ряд примеров антигероев. Первым идентифицируемым образом антигероя становится Святополк Окаянный, заклеимённый в качестве братоубийцы. На Святополка в русской сакральной истории был экстраполирован образ антихриста.

Последующие периоды русской истории тема великой измены рас-

сматривалась главным образом в фокусе вызова униатства. Принятие унии под влиянием внешней конъюнктуры рассматривалось историческим перефразом иудина греха. Византия пала в русском восприятии не потому, что была завоёвана турками, а потому, что византийский император и константинопольский патриарх **приняли унию и в том погубили духовно**. Польская измена дискредитировала Лжедмитрия и семибоярщину. И униаты, рефлексировавшие в отношении своего исторического предательства, оказывались в реалиях политической борьбы наиболее злыми врагами православного мира, вымещая комплекс изменника на тех, кто остался стойким в вере.

Дихотомия образов героя и предателя использовалась в дальнейшем в противопоставлениях Дмитрий Донской — Олег Рязанский, Иван Грозный — Андрей Курбский, Пётр I — царевич Алексей. Николай Гоголь в «Тарасе Бульбе» историко-художественными средствами раскрыл психологию героя и антигероя (Остап и Андрий) в применении к малоросской этнопсихологической рефлексии.

Акцентируясь образ антигероя использовался в советской модели священной истории. Таким антигероем преподносился, например, Троцкий. Использование по отношению к нему ленинской характеристики — «Иудушка» позволяло соотнести эту фигуру с соответствующим архетипом антигероини. Враги народа, контрреволюционеры и изменники всех мастей не могли не быть идентифицируемы в пространстве сакральной истории СССР.

Советская художественная литература также активно использовала эту дихотомию. Мальчиш-Кибальчиш у Аркадия Гайдара выдерживает натиск буржуинов, но оказывается не готов к внутренней измене, предательству Мальчиша-Плохиша. Кибальчиш принимает мученическую героическую смерть, фактически по сценарию Голгофы, а Плохиш продан буржуинам за бочку варенья и корзину печенья, что вызывает

коннотаты и с чечевичной похлёбкой, и с тридцатью серебряниками.

Священная война дала для са-крального исторического нарратива уже не просто образ изменника делу революции, но изменника Родины — генерала Власова. В спорте эта дихотомия получила предельное обострение в период матчей за шахматную корону 1978 и 1981 годов Карпов/Корчной. Когда же проводились по прошествии времени матчи Карпов/Каспаров, через СМИ выстраивалась уже совершенно иная мифология — борьба между старой системой и новыми перестроечными силами.

Одним из приёмов разрушения национальной священной истории является снятие образной оппозиции между добром и злом. Это может быть достигнуто через снятие категоричного вердикта в определении зла. Вносится элемент относительности — «не всё так просто». «Не всё так просто» говорится, например, в отношении предательства Андрея Власова. И вот уже предатель перестаёт быть антигероем и выступает носителем собственной правды. Понятно, что на платформе относительности и субъективности добра и зла никакая социальная сборка невозможна.

Современная Россия не только не имеет культурных героев священной истории, но не имеет и антигероев. В историко-культурном стандарте отсутствуют какие-либо оценки национальному предательству, отсутствует сама по себе такая тема. Не дана оценка с точки зрения роли пятой колонны в распаде СССР. О том, что такого рода деятельность со стороны групп элиты велась, признаётся сегодня и западными экспертами. Характерно в этом отношении признание бывшего консультанта Совета национальной безопасности, Государственного департамента и Министерства обороны США в том, что победа в холодной войне была достигнута с помощью взятых на зарплату диссидентов. Так, значит, зарплату со стороны геополитического противника диссиденты получали? Так почему в таком случае они преподносятся в современных

российских учебниках в позитивном свете как борцы с тоталитарной системой, а не в качестве тривиальных изменников Родины?

О пятой колонне, поспособствовавшей распаду СССР, говорил, и не один раз, Путин. Но почему в таком случае предатели не названы в учебниках тем, кем они являлись в действительности? Почему не дана оценка деятельности «прораба перестройки» Александра Яковлева, факт завербованности которого ЦРУ не вызывает сомнений? Почему в том же стандарте не оценена на предмет целевого нанесения вреда собственному Отечеству деятельность Михаила Горбачёва, а сам концепт предательства элит оказывается табуирован как конспирология?

САКРАЛЬНАЯ ЖЕРТВА

Священная история фактически каждого народа содержит также тему сакральной жертвы. В христианской семиосфере эта тема предельно обострена через образ самопожертвования Бога, принявшего смерть из-за любви к людям. Но жертвенная смерть оказывается в итоге победой, торжеством над самой смертью («Смертию смерть поправ»).

В национальных священных историях образ сакральной жертвы находит выражение либо в трагической смерти героя, принявшего сознательно гибель во имя общественных идеалов, либо описаниях картин народного истребления — коллективной жертвы.

Сакральные жертвы героев в применении к священной истории России обнаруживаются в каждом из периодов российского исторического процесса. Можно сказать, что на этих героях и выстраивается сакральная матрица истории. Трагедия с древних времён считалась высоким жанром, выводящим нарратив на уровень сакральности. Напротив, голливудский тип повествования со счастливым концом, в рамках которого супермен, «капитан Америка», повергает всех своих противников, в матрицу священной истории не вписывается. И в этом отношении попытки переписи

российскую историю по образцу Голливуда, прослеживаемые, в частности, в современном отечественном кинематографе, обречены на неуспех.

Показательно, что первыми русскими святыми были, что характерно, невинно убиенные князья Борис и Глеб. Сакральными жертвами русской священной истории выступали национальные герои — Андрей Боголюбский, Евпатий Коловрат, Михаил Черниговский, монах Пересвет, патриарх Гермоген, Иван Сусанин, Пётр Багратион, адмирал Нахимов, герои крейсера «Варяг» и др. В подпольной семиосфере Российской империи в рамках формирования собственной альтернативной сакральной истории также активно использовались образы взошедших на эшафот героев-революционеров — казнённые декабристы, народовольцы, жертвы подавленных восстаний, эсеровские террористы и т.д. «Умрёшь не даром, дело прочно, когда под ним струится кровь», — провозглашал Николай Некрасов устами Гражданина в стихотворном диалоге с Поэтом.

Одной из первых компонент советской священной истории явилась сакральная жертва 26 бакинских комиссаров. В ряду сакрализованных жертв находились герои Гражданской войны — Василий Чапаев, Николай Щорс, Сергей Лазо и другие. Великая Отечественная война вывела масштабность сакральной жертвы на новый уровень. За годы войны 3051 человек получил звание Героя Советского Союза посмертно. Такая статистика отражала сверхвысокий уровень самопожертвования во имя Отечества среди народа. Последними из сакральных жертв советской священной истории стали герои-чернобыльцы.

Фактически у каждого народа на уровне исторической памяти имеется образ национального геноцида. Некий онтологический враг вынашивает планы полного уничтожения соответствующего народа и реализует их в той или иной степени на практике. Вопрос стоит об историческом выживании. Но народ выживает и проносит скорбь о жертвах

как базовую скрепу национальной идентичности через последующую развёртку истории. Без этой памяти как чего-то сугубо внутреннего, этнического, по-видимому, многие общности не смогли бы удержать национальное единство.

Тема русского геноцида вполне могла бы быть заявлена в применении к фашистской политике на оккупированных территориях. Как правило, о геноциде в контексте Второй мировой войны говорится, и говорится много, в фокусе Холокоста. Но ведь существовали и расистские проекции доктрины Третьего рейха в отношении русских, а практика их искоренения в лагерях для военнопленных и установки дерусификации на оккупированных территориях могли бы быть поставлены в один ряд с геноцидом евреев или цыган.

Российская священная история является в целом историей великих жертв. Эта особенность связана со спецификой вехомых Россией войн, являвшихся преимущественно войнами цивилизационными. О великих жертвах России рассуждал в своё время историк Николай Ульянов: «Россия — страна великих нашествий. Это не войны маркграфов саксонских с курфюрстами бранденбургскими, это периодически повторяющиеся приходы Аттилы и Чингисхана под знаком полного порабощения и уничтожения. Это нечеловеческое напряжение сил и без того бедной от природы страны для отражения в десять раз сильнейшего врага. Когда кончилась Вторая мировая война, во всех театрах показывался документальный фильм: запруженные народом улицы Лондона, Парижа, Нью Йорка, ликующие толпы, радостные лица. Но — вот Москва. Там плачут. Как после Куликовской битвы, люди слезами встречали Победу. Если США потеряли в войне немногим больше двухсот, французы — четырёмсот, англичане — четырёмсот пятидесяти тысяч, то русских погибло, по самым скромным подсчётам, шестнадцать миллионов. Что ни Батый, что ни Ма-

май, что ни Наполеон — то гекатомбы жертв, то призрак конечной гибели, длительное залечивание ран».

Но если есть жертвы, то, значит, должны быть и ответственные за них. И эту ответственность вторгавшихся в Россию завоевателей и преемственных им государств следует постоянно акцентировать, так же, как это делают и другие. Было бы правильно, например, в связи со столетием иностранной военной интервенции в Россию напомнить сегодня участвующим в ней странам и народам (американцам, англичанам, французам, чехам, японцам и другим) о совершённых с их стороны преступлениях на российской территории.

Пока же всё происходит прямо противоположным образом — это Россия обвиняется в исторически воспроизводимой политике геноцида. Для того чтобы убедиться в распро-

странённости такой подачи, достаточно раскрыть англоязычную версию Википедии — страницу «Геноцид в истории». Из неё читатель узнает об осуществляемых Россией геноцидах против: черкесов, коренных народов Сибири, казаков (раскалывание), украинцев (Голодомор), казахов, поляков, чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, калмыков, прибалтийских народов, крымских татар, народов Кыргызстана. В шведской версии Википедии этот список дополняется афганским и новым чеченским геноцидом. Выдвигается также положение об особой форме геноцида — демоциде, осуществляемом российским государством против своего собственного народа. Из всего этого перечня складывается устойчивое представление о России как **человеконенавистническом государстве по самой своей природе.**

Казалось бы, ощущение сакральной жертвы у современной России по отношению к погибшим соотечественникам времён Великой Отечественной войны существует. Но одного поминания павших для позиционирования их в качестве священной жертвы недостаточно. Сакрализация предполагает как минимум, во-первых, чёткий ответ, за какие идеалы отдали павшие свою жизнь; во-вторых, ответ на вопрос, кто виновен в их смерти. Пока же зачастую создаётся картина, сообразно с которой виновником их смерти были не захватчики — немцы, итальянцы, венгры, румыны, финны, — а пославшее их на бойню собственное государство.

МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ ВРАГ

Священная история предполагает наличие образа метафизического врага. Это враг, который противостоит со-

ответствующей общности на всём протяжении истории. В религиозной версии священной истории этим врагом является Дьявол. Противоборство его с Богом имеет и земную проекцию. Дьявол — не только Божий враг, но и враг рода человеческого. Земные противники в этой системе координат рассматриваются как слуги Дьявола или антихриста. Даже в XIX столетии Николай I манифестировал борьбу с Западом в качестве борьбы с антихристовыми силами.

В священных версиях национальной истории используется образ исторического врага. Для античных греков таким врагом являлись персы. Походы Александра Македонского воспринимались ими в качестве отмщения за произошедшее более столетия прежде персидское поругание Эллады. Для древних римлян историческим врагом выступал Карфаген. И императив разрушения Карфагена может быть

интерпретирован в качестве римской национальной идеи. Историческим врагом в священной истории балканских народов позиционируются турки. Это противоборство нашло даже своё отражение в национальных гимнах. На императивности противостояния турецкому онтологическому врагу выстраивается национальное самознание армянского народа. Для французов долгое время историческим врагом выступали англичане, а после примирения с ними их место занимают немцы. Поляки своими историческими врагами считали Россию и Германию. Россию своим исконным историческим врагом воспринимают и шведы. После чинимых японскими завоевателями зверств на территории Китая китайцы воспринимают своим историческим врагом Японию.

Исторический враг является практической необходимостью для консолидации социума. Это убедительно

показал в своё время Карл Шмитт. Лишаясь врага, социум подвергается энтропии. Исторические победы часто имели в этом отношении отрицательные последствия для победителей. Победив СССР в холодной войне, Соединённые Штаты сами начали внутренне ослабевать. Потребовался новый враг, на роль которого был поначалу взят исламский фундаментализм. Но этот враг не вполне дотягивал до противника онтологического уровня. И тогда происходит возвращение к прежней схеме противоборства с будто бы восстановившей свою империалистическую сущность Россией. Задачей сборки национальных идентичностей объясняется и представление России в качестве исторического врага самоопределившихся в связи с распадом СССР народов в постсоветских учебниках истории. Украинские учебники не являются в этом отношении чем-то беспрецедентным.

А есть ли исторические враги в священной истории России? Таким историческим врагом являлся консолидированный как единая цивилизационная общность Запад. Цивилизация России метафизически противостояла цивилизации Запада. Могут возразить, что такое противопоставление надуманно, и Западный мир гораздо ближе к российскому, чем восточный, имея в виду единую христианскую платформу. Но в том-то и дело, что общие генезисные основы при выходе на разные цивилизационные типы и определили саму природу конфликта. Правота восточного христианства означала неправоту западного, и наоборот. Легитимность Восточно-Римской империи (Византии) и её воспреемника в лице России означало нелегитимность всех модификаций Западной империи от империи Карла Великого до неимперии американского мондиализма. Борьба против католической экспансии средневековой Руси, борьба Российской империи против секулярной Европы, борьба СССР против мира капитализма, борьба, наконец, современной России против постмодернистского Запада — всё это исто-

Легитимность Восточно-Римской империи (Византии) и её воспреемника в лице России означала нелегитимность всех модификаций Западной империи от империи Карла Великого до неимперии американского мондиализма. Борьба против католической экспансии средневековой Руси, борьба Российской империи против секулярной Европы, борьба СССР против мира капитализма, борьба, наконец, современной России против постмодернистского Запада — всё это исторические вехи российско-западного цивилизационного противостояния. Тот факт, что это противостояние воспроизводилось с течением времени, свидетельствует, что нет никаких оснований считать, что оно полюбовно разрешится сегодня.

рические вехи российско-западного цивилизационного противостояния. Тот факт, что это противостояние воспроизводилось с течением времени, свидетельствует, что нет никаких оснований считать, что оно полюбовно разрешится сегодня.

Между тем историко-культурный стандарт тему российско-западного исторического противостояния игнорирует совершенно. В пояснительных записках к разделам, посвящённым военным конфликтам, за исключением Великой Отечественной, угроза войн вообще не упоминается. Купирование этого фактора приводит к деформированию восприятия российской государственной модели. Специфика этой модели состояла в повышенном значении мобилизационных механизмов. Но эти механизмы как раз и являлись ответом на перманентную угрозу цивилизационной войны с Западом. Купирование же фактора военной угрозы приводит к формированию взгляда, что российская мобилизационная модель являлась следствием каких-то внутренних патологий и авторитарных комплексов.

Таким образом, метафизического врага российская сакральная история оказалась также лишена. Запад не мог быть объявлен историческим врагом

ввиду сохраняющейся доминанции западных настроений в среде российской элиты. Представить Запад врагом означало бы для российских западников расписаться в том, что они в развёртывающемся конфликте оказываются на стороне цивилизационного противника.

Таким образом, деструктурированными оказываются все базовые компоненты священной истории и исторического сознания России. **Современная Россия, приходится констатировать, не имеет священной истории.** А без неё она оказывается обречена на перманентный ценностный кризис и распад.

Что же следует делать в сложившейся ситуации? Безусловно, следует целевым образом восстанавливать цивилизационно идентичную священную историю России. Начинать надо с ценностей и смыслов, которые далее экстраполируются на прошлое, ровно как они экстраполируются на настоящее и будущее. Задача структурирования исторического времени, воспроизводства традиции национальных ценностей как раз и выводит нас на необходимость говорить о российской священной истории, а в преломлении смыслов — о российской историософии.

/ Виталий ДАРЕНСКИЙ /

Святая Русь как метафизическое оружие

Идеал Святой Руси отнюдь не был, как сейчас утверждают многие, неким «идеологическим конструктом», но отражал подлинное бытие народа — ту особую глубину воцерковления всех сторон жизни, которая не имела аналогов на Западе и которая иссякает лишь начиная с XIX века. Когда Гоголь назвал Россию монастырём, это была не художественная метафора, а духовное прозрение в суть национального бытия. О монастыре как учителе жизни в Московской Руси и образце всего социального бытия, определявшего самый глубинный характер народа, писали многие: «Святая Русь! Случайно разве то, что вся она от царских палат до крестьянской избы была подобием монастыря!» (Архимандрит Константин (Зайцев) «Чудо русской истории».)

Архиепископ Серафим (Соболев) в труде «Русская идеология» даёт общую картину воцерковленности жизни в Московской Руси, опираясь лишь на свидетельства «внешних наблюдателей», иностранцев, — то есть тех людей, которые обычно были настроены неблагоприятно, — но даже и они не могли не поражаться увиденному: «Иностранцы поражались церковностью Святой Руси и особенно её благочестием. Внешний вид русского города и селения показывал, что религия — господствующая сила в стране. Иностранцы видели в городах множество богатых церквей и монастырей. Палаты князей и богатых людей украшались внутри на церковный лад... на всех улицах стояли часовни, иконы в окладах, с зажжёнными свечами. Прохожие крестились перед каждой церковью и часовней, иные клали земные поклоны... Торжественные крестные ходы совершались весьма часто... Мещане и купцы в городах ежедневно ходили к ранней литургии. Ежедневное посещение церкви входило даже и в придворный этикет... Молитвы церковные были продолжительны в посты. Алексей Михайлович в Великий пост выстаивал службу церковную по четыре часа, полагал по 1500 поклонов и этим удивлял иностранцев... несмотря на всю трудность осуществления мирянами молитвенных правил, помещённых в Следованной Псалтири, эти правила они старались выполнять неуклонно. Каждый русский православный человек ежедневно вычитывал или выслушивал Псалтирь, весьма многие из них клали ежедневно до 1200 поклонов с молитвою Иисусовой. Молитву Господню, Богородицу и Символ веры читали по нескольку раз в день. Кроме того, они читали молитвы во всякое время за делом,

чтобы не развлекаться суетными делами и помыслами... миряне в Великий пост питаются редькою, капустою и хреном, варёное едят в субботы и недели; от рыбы воздерживаются всячески, кроме Благовещения и недели Ваий. Благоговейнейшие постят за грехи свои строже, один кусок хлеба съедая пополудни».

Итак, совершенно бесспорно, что Московская Русь в период своего созидания и роста — то есть в период от Куликовской битвы и до начала правления Петра I — приблизилась в своей реальной жизни к идеалу Священного Царства настолько, насколько это вообще было возможно. В этот период она стала аналогом ветхозаветного Народа Божьего.

Но в наше время этот исторический факт (хотя и не признаваемый русофобскими лжеисториками), может восприниматься как не более чем историческая реликвия, достойная благоговейной памяти, но не имеющая отношения к современности. Так ли это?

Государство Российское всегда создавалась не ради экономических выгод, как это было в Европе, — но лишь в результате бескорыстного *нравственного подвига*. Как писал архиепископ Нафанаил (Львов), «наше государство слагалось как религиозное явление. Люди жертвовали... самой жизнью своей, становились на службу государству "от малых лет до елико сил хватит", т. е. до старости, отдавали все до конца государству именно потому, что это была Святая Русь, то есть Православная, служительница Божией Правды» («Об ответственности за Православие»).

И этот универсальный закон русской истории, а именно: **Россия есть результат народного бескорыстного подвига, а не корыстного «консенсуса интересов»** — остаётся неизменным до сих пор, определяя наше будущее.

Современный российский социум может эффективно развивать любые новейшие социальные институты, необходимые для развития техногенной цивилизации, без освоения которой Россия не выживет. Однако само по себе это освоение также не означает выживание и возрождение России в качестве именно России. Ведь если будет утрачен этот ценнейший русский человеческий тип с его уникальными духовными и нравственно-психологическими чертами, в течение многих веков формировавшийся суровой русской историей и православием, то само существование России утратит свой высший смысл. Она в таком случае может стать пусть

даже и очень развитой, но всего лишь одной из множества безликих американизированных стран «общества потребления».

Высшей целью общества является не экономическое и технологическое развитие, а создание более сложного и содержательного типа личности. В этом отношении Россия, несомненно, и ныне остаётся мировым лидером и является намного более развитой страной, чем страны Запада и вестернизирующиеся страны Востока. Хотя в России также чрезвычайно распространился западный, а теперь уже и общемировой тип обезличенного человека техногенной цивилизации — эгоцентрического индивида с его стандартизированными примитивными потребностями и столь же примитивным инфантильным мировоззрением; но смысловое «ядро» русской культуры и самой русской жизни ещё продолжает формировать и традиционный тип русского человека, **homo russicus**, провиденциально «законсервированный» в советскую эпоху и ныне способный внутренне противостоять экспансии Запада. Тем самым именно «русское отношение к жизни» — основа возрождения России.

Именно этим объясняется тот факт, который вынуждены признать и «либеральные» социологи: в России «к концу 1990-х годов произошла фундаментальная переоценка ценностей. Причём, что очень важно, не столько на уровне идеологии, сколько на уровне подсознательных переживаний и глубинной смысловой структуры картины мира. Самобытность России, которая раньше казалась недостатком, теперь выступила в качестве достоинства... в настоящее время общественное сознание консолидируется вокруг российских ценностей. В этой связи, прежде всего, надо отметить большую эмоциональную значимость самого понятия "Россия", а также тесно связанного с ним понятия "русский"» (Готово ли российское общество к модернизации. Аналитический доклад. — М.: Институт социологии РАН; Фонд Эберта, 2010. — С. 167). Эти настроения ясно свидетельствуют о том, что русский народ в настоящее время испытывает потребность в консолидации на основе собственных ценностей и в развитии самосознания, обеспечивающего его единство. Тем самым «русскость» стала единственной возможностью выживания народа и государства и единственным путём к их возрождению.

Но ведь точно так же в своё время создавалась и Святая Русь!

В. О. Ключевский в статье «Значение преподобного Сергия для русского народа и государства» писал: *«Таких людей была капля в море православного русского населения. Но ведь и в тесто немного нужно вещества, вызывающего в нём живительное брожение. Нравственное влияние действует не механически, а органически. На это указал Сам Христос, сказав: "Царство Божие подобно закваске". Украдкой западая в массы, это влияние вызывало брожение и незаметно изменяло направление умов, перестраивало весь нравственный строй души русского человека... Русские люди XIV века признали это действие чудом, потому что оживить и привести в движение нравственное чувство народа, поднять его дух выше его привычного уровня — такое проявление духовного влияния всегда признавалось чудесным, творческим актом; таково оно и есть по своему существу и происхождению, потому что его источник — вера. Человек, раз вдохнувший в общество такую веру, давший ему живо ощутить в себе присутствие нравственных сил, которых оно в себе не чаяло, становится для него носителем чудодейственной искры, способной зажечь и вызвать к действию эти силы всегда, когда они понадобятся... Этим настроением народ жил целые века; оно помогало ему устроить свою внутреннюю жизнь, сплотить и упрочить государственный порядок. При имени преподобного Сергия народ вспоминает своё нравственное возрождение, сделавшее возможным и возрождение политическое, и затверживает правило, что политическая крепость прочна только тогда, когда держится на силе нравственной».*

Но если во времена св. Сергия Радонежского Святая Русь воскресла в борьбе с «бусурманами» — внешними врагами, то ныне ситуация намного сложнее. Ныне враг действует не столько извне, сколько изнутри — разлагая народ духовно и нравственно, навязывая ему свои антиценности: разврат, корысть, эгоизм, тупую манипулируемость и презрение к сфере Духа.

Цивилизация антиценностей, созданная Западом и ныне агрессивно завоевывающая весь остальной мир, основана на **агрессивном тотальном культе** главной квазирелигиозной антиценности — человеческого Его, т. е. на **эголатрии**. Предрассудок секулярного сознания состоит в том, что «религия» им мыслится как некая частная и отдельная от всего остального сфера жизни; в действительности же re-ligio всегда есть тотальность человеческого бытия (в том числе и re-ligio с верховенством

Ничто в атеизме и нигилизме), по отношению к которой любая сфера жизни является её частным, опосредованным выражением.

Эголатрия, в свою очередь, происходит от лукавой подмены высшей ценности бессмертной человеческой души псевдоценностью смертного, похотливо-бесмысленного злого Ego. Эта подмена возникла в результате достаточно длительного процесса разложения западного христианства, начавшись с так называемого «христианского гуманизма», открывшего путь к секуляризации всех сторон жизни. Затем «гуманизм», в своей тайной сути являющийся поклонением смертной, непреображённой природе человека, «человекобожием» (Ф. М. Достоевский), отбрасывает христианство, которому он изначально по сути своей всегда был враждебен, и деградирует до чистого индивидуализма человека современной «цивилизации потребления». Но наиболее разрушительно эголатрия как религия «цивилизации потребления» действует не на самом Западе, где она возникла, поскольку здесь успевают выработаться достаточно сильные компенсаторные механизмы: высокий уровень материальной жизни и социальной защиты, «правовое государство» и т. п. Самые разрушительные последствия она имеет там, где эти механизмы не успели возникнуть: разрушая институты традиционной цивилизации, эголатрия ничего не создаёт взамен, вследствие чего наступает социальная катастрофа. В частности, «советская цивилизация» во многом была защитной реакцией — попыткой «смягчить» процесс вестернизационной катастрофы.

Современная цивилизация достигает своего полного выражения в «постиндустриальном» мире, где производятся и циркулируют огромные потоки *искусственной* информации, замусоривающей человеческое сознание, которое в результате теряет способность к самостоятельному мышлению и осмысленному взгляду на мир и самого себя. Создаётся замкнутый, бессмысленный и агрессивный мир человеческого бытия, лишённого внепрагматических, сакральных измерений, в котором абсолютно доминируют виды деятельности и «потребности», совершенно избыточные по отношению к процессам духовного становления и физического воспроизводства человека. Более того, они *препятствуют* и тому, и другому самим своим доминированием, ориентируя людей на экзистенциально деструктивные цели, порождённые гордыней эфемерной «самореализации» человеческого Ego.

Современная цивилизация силой формирует человека как ego-субъекта «потребительского общества» (человек как «биосоциальный автомат»), а альтернативные ценностные модели жизни настолько маргинализированы, что возродить их в индивидуальной жизни можно лишь личностным поиском и нравственным усилием. Сам *выбор* открытости Благой Вести и уже само *желание* жить в соответствии с ней (даже независимо от степени реализации последнего) теперь стали труднее, чем во времена язычества и гонений, и поэтому сами по себе должны рассматриваться как великий нравственный подвиг, на который, к счастью, человек ещё вполне способен. Речь ведь идёт не о формальной возможности исповедовать любую религию в качестве «частного дела», а о том, какое *реальное re-ligio* культивирует *сама* эта цивилизация как таковая — именно это и является решающим фактором для судьбы абсолютного большинства людей. Это **re-ligio своего смертного и похотливого Ego, абсолютно оторванного от потребностей бессмертной**

души. Это *re-ligio* Смерти, замаскированной под лицемерной маской «свободы». Но пора отбросить все маски и называть вещи своими именами: цивилизация, созданная Западом и агрессивно завоёвывающая мир, — это **инфернальная цивилизация** в самом буквальном смысле слова, т. е. цивилизация, готовящая людей для ада и вечных мук как воздаянию за их земную жизнь.

Так, по-видимому, стремясь сделать земную человеческую жизнь максимально комфортной (путём забвения жизни вечной), современная цивилизация достигает этого ценой тотального абсурда, заключённого, прежде всего, в бессмысленности самого этого стремления как такового. Поэтому в первую очередь она убивает людей совестливых и способных задумываться о смысле самой жизни, без которого не стоит и жить, — и те, кто не находит выхода из абсурда, в подавляющем большинстве предпочитают «мягкие» формы самоубийства (пьянство, наркомания и нездоровый образ жизни вообще), превращая последнее в основное содержание оставшейся жизни. В абсурде «общества потребления» могут «нормально» жить только люди с самой неразвитой душевной организацией, ограниченной чисто витальными потребностями (которая, впрочем, иногда может сочетаться с внешним интеллектуализмом). Однако и это не может продлиться слишком долго. Ведь наличие сверхвитальных, неэгоцентрических смыслов и ценностей лежит в основе любых серьёзных человеческих усилий, в том числе и в основе семьи, всегда держащейся на принципе взаимной жертвен-

ности, которая ведь может быть только *ради чего-то*, иначе её не будет. Первое поколение людей «общества потребления» ещё может по психологической «инерции» видеть в детях *своё собственное* (т. е. вполне эгоцентрическое) «продолжение», но уже следующее поколение будет последним, ибо сочтёт такое продолжение **слишком хлопотным** для себя, да и вообще таким же бессмысленным, как и всё в этом мире. Осознавая или хотя бы чувствуя абсурдность существования, такой человек уже не хочет делать усилия и для продолжения рода.

Первопричиной разрушения семьи и вымирания социума современной цивилизации является *гендерный коллапс*. «Гендер» как совокупность принципиальных социально-функциональных и культурно-психологических различий мужчин и женщин, культивировавшихся в традиционных обществах и обеспечивавших их жизнеспособность, этой цивилизацией последовательно уничтожается (под лицемерным прикрытием идеологии «гендерного равенства»). Она формирует массу социально бесполовых, полностью взаимозаменяемых индивидов, жёстко унифицированных единой для всех ненасытной страстью потребления всякого рода «благ» и наслаждений. Утрата различий в конечном итоге приводит к утрате духовно-душевного влечения полов друг к другу, остаётся только влечение физиологическое, но может исчезать и оно. Вслед за исчезновением социального пола исчезает и пол психофизиологический — содомия уравнивается в правах с естественными отношениями и распространяется как эпидемия. Хотя эти

сатанинские «прогрессивные изменения» охватывают не всех, но так называемая «терпимость» к ним делает всех соучастниками грехов, «вопиющих к небу об отмщении».

После разрушения традиционной семьи, основанной на христианском нравственном сознании и на разделении «гендерных» функций, ещё несколько поколений «по инерции», постепенно деградируя и разрушаясь, институт семьи продолжал существовать. Это могло создавать иллюзию, что секулярная семья может существовать вечно. В настоящее время наступил «момент истины»: более-менее жизнеспособны те немногие семьи, которые хотя бы пытаются вернуться к традиционным ценностям; остальные, основанные на эголатрии, обречены на разрушение, — и эта закономерность практически не знает исключений. Это позволяет понять демографическую катастрофу как цивилизационное явление. Ведь вымирает в современной цивилизации не какое-то абстрактное «население», но вполне определённый тип людей, продуцируемый современной inferнальной «цивилизацией смерти»: его конец изначально «запрограммирован» и не может быть иным. В современном мире в личной судьбе каждого человека происходит последний экзистенциальный выбор и происходит внутренняя драма.

Вот такой цивилизации противостоит сейчас Русская цивилизация, и если она не выстоит, то очень скоро исчезнет с лица земли. «Мироправители тьмы века сего» (Еф. 6, 12) очень быстро найдут, кем заселить эту территорию.

В этом сугубо *духовном* противостоянии не поможет ни сильная армия, ни сильное государство, — они могут оказаться такими же бесполезными, как и в 1991 году. Для такого противостояния нужен мощнейший духовный символ. Он должен действовать так, чтобы независимо от того, православный ли человек, или нет, этнический великоросс ли он, или нет, но символ в любом случае разил бы в самое сердце, пробуждая в нём самые благородные силы и устремления. К счастью, такой символ не нужно, да и невозможно придумать. У нас этот символ уже есть — он выработан самим народом в течение многих героических веков.

Важнейшая и ключевая культурная стратегия патриотических сил должна состоять в том, чтобы сделать в массовом сознании имя Святой Руси духовным синонимом России.

Важнейшая и ключевая культурная стратегия патриотических сил должна состоять в том, чтобы сделать в массовом сознании имя Святой Руси духовным синонимом России. Пусть кто как угодно понимает слово «святая» — кто по-православному, а кто-то иначе, но смысл этого слова универсален и для всех людей, и на всех языках в конечном счёте означает одно — победу духа над грехом и преобразование человека и народа в стремлении к высшему идеалу. Нет более эффективного ответа любым русофобским измышлениям, чем просто назвать Россию — Святой Русью. Всё остальное перед этим становится настолько легковесным, что сразу теряет свою разрушительную силу.

Россия что-то значит в мире только тогда, когда она «не такая, как все», и именно погоня за «цивилизованным миром» (т. е. миром грабителей по отношению ко всем остальным) и делает Россию безнадёжно изолированной от мирового процесса, никому не нужной и неинтересной.

Пусть кто как угодно понимает слово «святая» — кто по-православному, а кто-то иначе, но смысл этого слова универсален и для всех людей, и на всех языках в конечном счёте означает одно — *победу духа над грехом и преобразование человека и народа в стремлении к высшему идеалу*. Нет более эффективного ответа любым русофобским измышлениям, чем просто назвать Россию — Святой Русью. Всё остальное перед этим становится настолько легковесным, что сразу теряет свою разрушительную силу.

Одним из аналитиков Изборского клуба был сформулирован очень важный тезис о том, что «Путин должен был бы объявить антиглобалистскую традиционалистскую революцию. В 2013 году он практически к этому подошёл в своей речи на Валдайском клубе... следующее слово должно быть произнесено»¹. Но нужно отметить, что если бы Путин где-то официаль-

¹ Нагорный А. История обладает своей метафизикой — в сб.: Русский реактор. Новый запуск. — М., 2017. — С. 85.

но объявил такую «революцию», то это просто стало бы очередным предметом издевательств со стороны русофобов и контролируемых ими мировых СМИ. Антиглобалистскую традиционалистскую революцию нужно не «объявлять», а *осуществлять*, а это не может сделать Путин, это может сделать только Россия как духовное целое, миллионы людей, чтящих Святую Русь как свой высший жизненный идеал и как **подлинное сакральное имя** своей страны.

В свою очередь, если получится осуществить такую «революцию» в массовом народном сознании — и народ начнет чувствовать себя тем же самым народом, который стоял на поле Куликовом «за Русь Святую», — тогда и весь мир увидит Россию такой, какой давно уже привык видеть, — как духовного лидера мира, на которого смотрят с надеждой все, кого ещё не поглотила совсем inferнальная цивилизация. Закон истории состоит в том, что Россия что-то значит в мире только тогда, когда она «не такая, как все», и именно погоня за «цивилизованным миром» (т.е. миром грабителей по отношению ко всем остальным) и делает Россию безнадежно изолированной от мирового процесса, никому не нужной и неинтересной. Так было в 1990-е годы, и это может повториться вновь в случае катастрофы «либерального реванша». Пресловутый «изоляционизм», которым тупо и лицемерно привыкли пугать русофобы, — это как раз результат отказа России от своей мировой миссии и падения в болото третьего мира, заранее уготованное ей Западом.

И теперь, наконец, мировой духовный лидер возвратился бы под своим неискаженным, подлинным и понятным для всех именем Святой Руси. Это особое священное имя, вымоленное православным русским народом на его многовековом подвижническом пути как подлинная вершина национального самосознания. Это имя не только требует осмысления и особого исследования как хранилище огромного исторического опыта, но и, что важнее всего, — само становится источником понимания нами самих себя, открывая подлинный смысл нашего исторического бытия, нашего призвания в мире. Святая Русь — это не имя просто какого-то отдельного народа или их совокупности (ведь Русь изначально была многонациональна), и не имя какого-то отдельного государства или территории. Думая так, мы бы впали в явное идолопоклонство. Нет, Святая Русь — это тот особый духовный **феномен «вхождения Бога в историю»** (прот. Василий Зеньковский),

который бывает лишь в самых исключительных случаях: от народа ветхозаветного Израиля он передался римлянам, потом восточным «ромеям» — византийцам, а от них — народу Руси. И если бы Русь погибла в самых страшных испытаниях её исторического бытия, — разве было бы кому передать это великое служение? Некому и поныне. Святая Русь — это не народ и не государство как таковые, это **Церковь в её земном бытии, созидающая себе народ и государство**. Русь как народ и как государство была создана св. князем Владимиром Крестителем. И подвергаясь самым тяжким искушениям, и впадая в самые тяжкие грехи, Русь не погибала только потому, что Господь усматривал в ней остаток сил для покаяния и возрождения. В современном мире Святая Русь сокрыта в таинствах церкви и глубинах народного духа, созидаемого церковью. И одновременно она открыта всем и свидетельствует о себе — как основа возрождения цивилизации Русского мира.

Само имя Святой Руси родилось из соборного духовного опыта народа и не было никем нарочно «придумано». «За Святую Русь» шли в бой уже на Куликовом поле. По свидетельству источников, это выражение прочно вошло в народный язык. Мне приходилось его слышать от стариков ещё в 1990-е годы (причём от людей не церковных, а просто сохранивших живой народный язык, ещё не испорченный экспериментами XX века).

Но официально воцерковлено оно было только в XX веке, в «Службе всем святым, в земле Российской просиявшим» (Собору Русских святых), впервые изданной Московской патриархией в 1946 году. Она служится во 2-ю Неделю по Пятидесятнице. Основной автор её текста, епископ Афанасий (в миру Сергей Григорьевич Сахаров; 1887–1962 гг.), прославлен Русской православной церковью в августе 2000 года в лике священноисповедников.

Это имя прозвучало в знаменитых ныне строках церковного песнопения: «Новый доме Евфрафов, / уделе избранный, / Русь Святая, / храни веру православную, / в нейже тебе утверждение». Но что такое «Дом Евфрафов»? Так называется Вифлеем в пророчестве о рождении Спасителя: «И ты, Вифлиеме, доме Евфрафов, мал ли ты между тысячами Иудиними? из тебя произойдёт Мне Тот, который должен быть Владыкою во Израиле и Которого происхождение из начала, от дней вечных» (Михей, 5, 2). Здесь Евфрафа — более древнее название Вифлеема и имя родоначальника

жителей этого города (поэтому «евфрафянами» они называются также в Руф. 1, 2 и 1 Цар. 17, 12), отсюда и другое название места рождения Спасителя — «дом Евфрафов».

Сколь дерзновенны эти слова! Святая Русь сравнивается с самим Вифлеемом. Как это возможно? «Новый дом Евфрафов» — это то место, где в душах людей вновь рождается Спаситель всего мира.

Почему это стало возможным? «Единому Царю и Богу нашему возопиим: / слава Тебе, Русь Православием освятившему», — говорится в священном песнопении. Русь потому свята, что Сам Господь освятил её православием — истинной верой, хранимой от апостолов и не искажённой западными ересями. Это **Божие задание народу**, который должен хранить святую веру. (И только очень глупый и злонамеренный человек может усмотреть в этом некую «этническую гордыню великороссов». На этнической почве возникают только расколы, подобные нынешнему украинскому.)

И народ выполнил это задание, дав миру сонмы и сонмы древних и новых святых: «Земле Русская, / граде святой, / украшай твой дом, / в немже Божественный / великий сонм святых прослави». И эти святые теперь молятся о Руси на Небесах, незримо давая ей

силы для новых подвигов и нового возрождения, подобного чуду: «О всеблаженнии Руси Святой заступницы, / молитесь ко Господу, / да помилует сию от гнева Своего».

Народ соборно обращается к Творцу, принося Ему все свои достижения: «О Троице Честная, / приими, яже Русь Святая приносит Ти, / яко начатки и яко фимиам избранный, / вся угодившия и прежде, и послеще в ней...»

А Господь, при отсутствии земного царя, дал народу высшую Царицу: «Достойно есть величати Тя, / Богородице, / земли Русския Царицу Небесную / и людей православных / Владычицу Державную».

Таковы те высшие смыслы, которые вкладывает сама церковь в своё учение о Святой Руси. Но в делах земных все эти смыслы становятся вполне осязательными, преображая человеческие души. И в наше время это имя может сделать с народом то же, что сделало оно в эпоху святого Сергия.

Святая Русь — это наше метафизическое оружие, без которого народ не сможет противостоять инфернальной цивилизации. Оно подобно камню из пращи, поразившему надменного Голиафа. Современный Голиаф точно так же надменно смеётся над Россией, — но и конец его неизбежно будет таким же бесславленным.

/ Владимир БОЛЬШАКОВ /

Священная история Русской цивилизации и её системные кризисы

ОБ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЯХ

Христианская священная история основывается на Библии, которая включает 50 книг Ветхого завета и 27 книг Нового завета и, несмотря на то, что на протяжении нескольких тысячелетий десятки святых людей записывали её на разных языках, она имеет композиционную завершенность и внутреннее логическое единство. Новый завет коренится

в Ветхом завете прежде всего на том основании, что Бог призывал пророков, через которых возвещал Свою волю и давал обетования, в том числе о том, что будет заключён Богом «новый завет» (Иер. 31, 31); и что этот новый завет будет вечным и открытым для всех народов (см.: Ис. 55, 3, 5; Ис. 56). После своего Воскресения Иисус Христос послал апостолов на проповедь всем народам, исполнив эти обетования.

Чтобы не подвергнуться заблуждению и ошибкам при чтении Священного писания, надо следовать Священному преданию. В любой хорошей семье есть семейные предания, когда люди из поколения в поколение с любовью передают рассказы о чём-то важном из жизни своих предков. И в церкви также существует передаваемое из поколения в поколение Предание, восходящее к апостолам, которые многое

передавали устно либо примером своей жизни.

Во время прощальной беседы Господь Иисус Христос сказал Своим апостолам: «Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа истины... Он с вами пребывает и в вас будет... Утешитель, Дух Святой, Которого пошлёт Отец во имя Моё, научит вас всему и напомнит вам всё, что Я говорил вам... Он будет свидетельствовать о Мне» (Ин. 14, 16–17, 26; 15, 26). Господь исполнил это обещание, и Дух Святой сошёл на апостолов, это есть засвидетельствованный многими исторический факт. Преемники апостолов — святые отцы — также общались с Богом и были разумляемы Тем же Самым Святым Духом, что и апостолы. И поэтому, как свидетельствует святой Иоанн Дамаскин, один «отец не противоборствует [другим] отцам, потому что все они были общниками одного Святого Духа». Все святые пребывали в молитвенном общении с Богом и поэтому имели одну веру, как Дар Божий, как священное сокровище и вместе с тем норму, идеал, путь.

К сожалению, не все люди оказываются готовы так поступить. Ведь для этого нужно смириться, то есть преодолеть свою греховную гордыню и самолюбие. Современная западная культура, стержень западной цивилизации, основанная на самолюбии, нередко учит человека считать себя мерилем всего, на всё смотреть свысока и мерить узкими рамками своего рассудка, своих представлений и вкусов. Но такой подход служит плохую службу тем, кто его воспринимает, ведь с таким подходом невозможно стать лучше, совершеннее, добрее и даже попросту умнее. Невозможно расширить рамки своего рассудка, если не признать, что существует нечто большее, лучшее и совершеннейшее, чем мы сами.

Особое значение имеет вопрос: как Святой Дух действует в создании государств и цивилизаций. Оба первоверховных апостола в полном

согласии между собой говорят ясно и определённо, что всякая власть установлена от Бога (Рим. 13, 12; 1 Пет. 2, 13,14). Эти мысли Священного писания иногда бывают камнем преткновения для людей светских, привыкших подходить к событиям с политическими мерками.

Однако **христианское понимание смирения не означает примирения с неправдой, а предполагает духовную победу над злом.** Наши святые князья Борис и Глеб могли сразиться со Святополком и, может быть, смогли бы победить его, но они распустили свои дружины и совершили подвиг страстотерпчества. Таких примеров можно привести множество. Христианское смирение не только не предполагает духовный и нравственный компромисс, а требует от христианина исповеднического подвига, нередко смертного.

Но совсем другое дело, когда речь идёт о государстве и цивилизации, в которых может находиться и совершать подвиги множество благочестивых людей. Слово Божие и Предание не призывает прямо к вооружённому сопротивлению, ни к другим способам борьбы. Однако Священное писание наполнено примерами вооружённой борьбы с врагами.

Особое место в духовно-политическом анализе занимает понятие «сакральное» (от лат. sacer). В отношении власти это означает обретение ею священного, связанного с религиозным культом статуса. В более мягком виде сакрализация власти проявляется в традиционной, ритуализированной форме, в которой запечатлено избранничество (к таинствам этого ряда относится помазание на царство).

СИНДРОМ ЦЕЗАРЯ И САКРАЛЬНОСТЬ ВЛАСТИ

Издравле власть ассоциируется не только с силой, насилием, но и с чем-то мистическим, с некоей тайной, причастностью к иным,

духовным системам координат. При всех усложнениях и оговорках институт власти занимает уникальное место — **посредника между обществом и сакральным миром**, поскольку именно на правителей нисходит высшая духовная энергия. При этом сам «посредник-представитель» может быть и не достойным власти.

Практически все современные системы власти в той или иной степени восходят к римской политической традиции и римскому праву. Что же такое Рим? Древний Рим — прежде всего, город-воин, возжелавший стать господином всего мира, повелевать авторитетом силы. Успех Рима казался невероятным. Из маленького городка на семи холмах вокруг реки Тибр он превратился в центр колоссальной империи, простиравшейся на тысячи миль во все концы света. На долгие столетия Рим стал законодателем политической моды.

Когда в I веке до Р.Х. Римская республика стала превращаться в империю, Римский сенат был той традиционной властью, которая в течение веков руководила государством и довела его до величайшей мощи. Тогда эта власть стояла на страже законности и своим избранием узаконила власть императоров. Однако Юлий Цезарь, получив наивысшие почести и чрезвычайные полномочия пожизненной диктатуры, трибунскую власть, титулы императора и отца отечества, явно чувствовал, что ему чего-то недостаёт. Он даже старался придать себе личный божественный характер, как это сделал Александр Македонский, но, очевидно, осознавал, что для этого нет прочных оснований в народных верованиях, а без этого такой статус повисал в воздухе. Он стал тяготиться жизнью, чувствовал свои мечты разбитыми. Таким образом, в монархической конструкции Римской империи стало ощущаться отсутствие духовного или сакрального фундамента. Формирование идеи божественности власти кесаря

должно было привести к пожизненности и наследственности императорской власти, что и произошло при императоре Октавиане Августе.

Однако римскому императору, чтобы укрепить своё положение, приходилось концентрировать в своих руках все властные функции, прежде всего, власть военную, включая руководство армией; законодательную — как главного члена сената и его председателя; и исполнительную, сочетая в себе много высших административных должностей. Поэтому Римская империя постепенно утрачивала идею высокой гражданственности и всё

больше тяготела к восточной деспотии, что особенно явно проявилось у последнего римского императора Диоклетиана¹.

Приближение сущности власти римских императоров к восточным монархиям естественным образом влекло за собой приобретение всех недостатков последних. Элементы абсолютизма находили своё выражение в усилении бюрократии и карательных функций, что ставило самого императора в зависимость от военно-бюрократического аппарата. А это, в свою очередь, приводило к необходимости нести большие материальные затраты, чтобы

поддерживать пышную жизнь всё увеличивающегося высшего военного сословия. Так в Древнем Риме зародился и сформировался «синдром Цезаря», который можно определить как болезнь абсолютизма и деспотизма государственности, созданной свободным объединением граждан, движимых идеями высокой гражданственности. Его можно рассматривать как начало политического фарисейства, узаконенного на государственном уровне и вошедшего в международный политический канон. «Синдром Цезаря» настолько глубоко проник в букву и дух римской государственной доктрины, что в форме «метастаз» перешёл отсюда как в магдебургское право, приобрета впоследствии либерально-демократический оттенок в современной «западной» цивилизации, так и в жизнь восточно-христианской византийской государственности.

В результате углубления системного кризиса поражённой синдромом Цезаря римской государственности настало время, когда один император свергался другим меняющимся настроением легионов и временным успехом постоянных гражданских войн. Если раньше законность императорской власти определялась избранием традиционного учреждения, то теперь она являлась результатом силы, случая, настроения, и жизненный строй потерял всякую устойчивость. Утратился принцип законности. Трагедия Рима III века усугублялась ещё и тем, что Рим, окружённый варварскими странами, не мог позаимствовать образец законности у соседей, а должен был найти собственными силами новый принцип авторитета. Надо было государству установить такое правительство, которое обладало бы не только силой, но и авторитетом. Но этого не удалось достичь в условиях языческого мирозерцания, только десятиле-

¹ Его трагедия и крах созданной им модели государственности в том и состояли, что он не стал обращаться к обретению сакральности, к живому Богу, а формировал чисто умозрительную систему власти.

тиями позже, уже христианскими императорами, сила власти была поставлена на служение высшим нравственным идеалам.

Появление Константина Великого спасло империю, ибо Константин нашёл, в условиях своего времени, новый тип верховной власти, имеющей ясный идеократический стержень. Так власть в Римской империи обрела сакральность, и от этого элемента **власть обрела священные права, получив вместе с ними обязанности**. Это была идея божественной делегации, идея служения верховной власти Богу, для чего императору должно было опереться на христианство. Константин сумел понять, что тысячелетнее государство и трёхсотлетняя христианская церковь не только могут быть в союзе, но что этот союз им обоим необходим. Император, с точки зрения христианина, обязан исполнять не волю Сената и народа, а волю Божию, то есть быть на страже нравственного закона, высшей божественной справедливости, хотя бы против неё и стояло «большинство». В привнесении этой новой идеи христианской монархии и состоялся переворот, произведённый им, благодаря которому продолжилась жизнь Римской империи ещё более чем на 1000 лет (!), теперь уже в её византийском изводе. Христианская государственность, будучи завершённой как конструкция в VI веке при Юстиниане Великом, впитала опыт античности, древней Иудеи, Римской империи, многих других цивилизаций.

ПАРАДИГМА СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

В нашей историософской концепции, которая развёрнуто изложена в ряде масштабных трудов², рассмотрено становление российской государственности от начальных её форм, воспринятых в Византии

Системообразующим фактором российской государственности исходя из буквы и духа государственности византийского типа является сакральность власти или развитая впоследствии Хомяковым русская «соборность», которая может быть определена как свободное устремление к единству многих лиц на основе их общей любви к абсолютным нравственным ценностям.

в 988 году, до цивилизационного надлома в 1917-м. В рамках предложенной концепции можно провести анализ системного кризиса государственности, или **Смутного времени, как функциональной перестройки механизма власти, вызванной утратой духовно-религиозной, нравственной составляющей, а значит, утратой сакральности и изменением парадигмы правосознания**. Системообразующим фактором российской государственности, исходя из буквы и духа государственности византийского типа, является сакральность власти или развитая впоследствии Хомяковым русская **«соборность», которая может быть определена как свободное устремление к единству многих лиц на основе их общей любви к абсолютным нравственным ценностям**.

Необходимо подчеркнуть, что именно утрата сакральности власти приводит к началу развития системного кризиса, или Смутного времени. Этот процесс имеет чёткие стадии:

1. Политическое противостояние.
2. Военное противостояние или гражданская война.
3. Внешняя военная интервенция.
4. Оккупация — самое дно скатывания государственности в Смутное время.

При этом надо иметь в виду, что оккупация не всегда носит военный характер. Можно выделить еще несколько различных форм оккупации:

- экономическая;
- религиозная;
- политическая;
- этническая;
- финансово-информационная.

Также они могут встречаться в различных сочетаниях.

Выход из Смутного времени, или системного кризиса, также имеет совершенно чёткие этапы:

1. Покаяние — осознание того факта, что десакрализация власти не была воспринята как начало страшного бедствия, не было попыток остановить процесс развития системного кризиса.
2. «Партизанщина» — создание в условиях оккупации религиозно-политических, экономических и военных образований, способных в условиях господства оккупантов противостоять им.
3. Народное ополчение — общенациональное объединение с формированием единой военной силы, способной даже ценой собственной жизни бороться с оккупантами.
4. Восстановление традиционной православно-монархической государственности, восстановление сакральности власти и признания её всем народом.

Здесь надо подчеркнуть, что не всегда Народное ополчение приводит к восстановлению традиционной государственности. Между этими событиями (фазами выхода из Смутного времени) может проходить значительное время.

² Большаков В.И. Системные кризисы российской государственности. Историко-социологический анализ. Диссертация на соискание учёной степени доктора философских наук. — М., 1999; Большаков В.И. По законам исторического возмездия. — М., 1998.

ЧЕТЫРЕ СИСТЕМНЫХ КРИЗИСА НАШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Согласно нашей концепции, **первый системный кризис (Смутное время)**, самой низкой точкой падения в пропасть которого стало татаро-монгольское иго, отбросившее культуру и образованность Древней Руси на несколько столетий назад, был связан с охлаждением веры и упованием на физическую силу и, как следствие, десакрализацией власти в период княжеских междоусобиц. Ко времени нашествия Батые произошёл разрыв между властью князей и народом. Татаро-монгольское нашествие, в отличие от внутренних войн, прошло по Русской земле как смерч, уничтожающий всё живое: никакой пощады не было ни детям, ни женщинам, ни старикам. Почти всё культурное наследие Древней Руси было уничтожено. Это стало в полном смысле дном пропасти, куда привело Древнюю Русь первое Смутное время.

Спустя столетие искреннее покаяние и готовность постоять за свою веру и свободу, благодаря деяниям преподобного Сергия Радонежского и его учеников, постепенно восстанавливали в народе стремление к идеалам Святой Руси и привели сначала к победе на Куликовом поле, а 100 лет спустя и к созиданию суверенной государственности во время чудесного события — «Стояния на Угре». Следствием стало превращение Древней Руси в мощную православную державу — центр Восточного христианства, а Москвы — в Третий Рим, или новый Иерусалим.

Впоследствии Иоанн IV Грозный не только теоретически обосновал, но и своими деяниями практически сформировал на Руси национальную форму поземельно-сословного народного представительства Земский собор. В отличие от партийно-политической, западной, поземельно-сословная форма народного предста-

вительства является специфическим, присущим русской политической традиции историческим институтом народного волеизъявления, содержащим в себе механизм согласования верховного единоначалия и коллегиальности. При этом на местном уровне соборное начало выражалось в форме местного самоуправления — казачий круг и крестьянская община, или «мир». Только спустя 200 лет после деяний Иоанна Грозного, в результате Великих революций в Европе, там появилась альтернативная и чуждая русской политической традиции партийно-политическая форма народного представительства в форме парламентской демократии, способная не объединять, а лишь разделять народ.

Смутное время начала XVII века достаточно хорошо описано и историками, и каждый без труда сможет выделить в нём отмеченные нами этапы как развития системного кризиса, так и выхода из него. Здесь надо лишь подчеркнуть, что выход из того системного кризиса показал, что Великий Земский собор 1613 года — это не акт случайного стечения обстоятельств, а закономерный шаг обращения в кризисной ситуации к русским соборным традициям, выраженный в восстановлении института Земского собора как национально-религиозной формы народного представительства.

Подготовленный западниками церковный раскол второй половины XVII века стал началом многовековой борьбы между патриархальными соборными традициями Руси и новыми веяниями, приходящими из Западной Европы. Непосредственный результат раскола — непримиримое, растянувшееся на столетия разделение русского общества; более отдалённые его последствия — утрата иммунитета против очередной волны реформирования государственности на Руси. Здесь сыграли свою роль и внешние религиозно-

политические причины: интриги Католической церкви, государственных институтов Польши и Литвы под незримым руководством Ордена иезуитов и Римской курии. Можно утверждать, что церковный раскол стал основой, подготовившей будущие реформы Петра. Это была крупнейшая социально-политическая катастрофа системного характера, внутренней причиной которой стал назревающий **третий кризис русской государственности**.

После выхода из Смутного времени атаки на Русскую государственность со стороны Запада не прекратились: имели место насаждение западничества царём Алексеем Михайловичем, разрушение русской соборной традиции, вызванное реформами Петра I, крайняя зарегламентированность всех сторон государственной жизни, перенесение на русскую почву модели германских, датских и шведских правительственных учреждений. В результате произошла мощная десакрализация верховной власти, соборное народное тело в России оказалось разрушено; исконное письмо, чем славилась Святая Русь, утрачено; в церковном пении знаменный распев стал вытесняться светским; богослужебные тексты подменены; а самые стойкие хранители благочестия истреблены или изгнаны из России. Была нарушена симфония светской и духовной власти, а голос духовенства и мирян заглушён распоряжениями церковной администрации.

Разгром русских традиционных институтов привёл к так называемому «бабьему царству», где господствовала западнически настроенная «придворная оккупация» (особый, формально никак не закреплённый вид оккупации), поощрявшая разгул и разврат, пропагандируемый с высоты императорского престола³. Выход из этого системного кризиса был начат императором Павлом I. Введение Павлом закона о престолона-

³ Более половины русских монастырей было уничтожено при Екатерине, которую мы до сих пор именуем Великой.

леди, обнародованного в день его коронации в 1796 г., положило конец провозглашённому Петром I произволу императора. С воцарением Павла в России начала восстанавливаться законность, единая и для простого народа, и для высшего света⁴.

Жёсткая вертикаль власти, выстроенная Александром I, привела к тому, что при его преемнике Николае I в Российской империи создались благоприятные условия для укоренения западной версии «синдрома Цезаря», и сама имперская государственность в России приобрела все черты европейского абсолютизма. В эпоху Александра II российская государственность приняла характер мягкого, космополитического и просвещённого абсолютизма; при этом громадной важности реформы пробудили дремавшие в народе духовные силы и мощным толчком двинули державу вперёд. Однако без соответствующего обеспечения возврата всей государственной системы в русло русской соборной традиции этот путь не привёл к оздоравливающим Россию результатам, а лишь вызвал новую волну социальной напряжённости и углубил системный кризис российской государственности. Попытка поворота в сторону русских национальных интересов, предпринятая в царствование императора Александра III, была недостаточно продумана и подготовлена. Активная и прямолинейная поспешность русификации польской и балтийских окраин привели к формированию там очагов социальной напряжённости, воспитавших плеяду будущих революционеров, а переориентация России во внешней политике от Германии к Франции и заключение с последней военной конвенции, наряду с укреплением тройственного союза в Европе (Германия, Австро-Венгрия

и Италия), подготовило раскол крайне милитаризованной Европы, что фактически предопределило неизбежность глобальной европейской войны.

В этом смысле императору Николаю II досталось тяжёлое наследие, хотя он, вероятно, более всех своих предшественников понимал всю

глубину системного кризиса государственности. Но все его инициативы не находили поддержки среди русской интеллигенции и правящего класса. Анализ «думского» периода российской истории как следствия первой русской революции показывает, что главные причины его не-

⁴ До сих пор не дана ни церковная оценка смуты XVIII века, ни государственная, ни социально-политическая, ни литературно-драматургическая. Кто у нас до сих пор ходит в героях? Пётр Великий, Екатерина Великая. Кто ходит в чудаках? Павел I. «Чудак», который постарался восстановить разрушенную Петром законность на Руси; который встал на защиту простого труженика против разложившейся знати, который встал на защиту национальных интересов России на европейском континенте. Павел I за пять лет своего царствования сделал для русского народа больше, чем государи за весь предыдущий столетний период, за что и поплатился мученической смертью и последующим глумлением над его личностью.

удач вызваны попыткой в очередной раз пересадить на русскую почву модель западной парламентской демократии, поражённой «синдромом Цезаря», без учёта русских соборных и национальных особенностей.

Страшное оружие лжи и клеветы против государя было использовано в условиях тяжёлой и кровопролитной войны, которую Россия вела против Германии. Оно продолжает действовать до сих пор, приобретая невиданные масштабы, тем более что после революции делать это стало выгодно. Ещё одно оружие, которое враги России использовали очень эффективно, — это внедрение в правительственно-чиновный аппарат так называемых агентов влияния, лоббирующих интересы иностранных компаний⁵.

В те годы против России, как это бывало и раньше, как это мы видим и теперь, ополчился весь мир. Великие державы считали, что уже купили Россию и осталось только её обезглавить и поделить. Поэтому, когда мы оцениваем революцию 1917 года и удивляемся, почему наши предки, поверив лживым агитаторам, пошли на штурм самодержавия и до основания разрушили Российскую империю, нельзя забывать, что они, как говорится, «на своей шкуре» испытывали это тяжёлое положение. Другое дело, что они не знали о рычагах иностранного влияния, о «пятой колонне» и не могли осознать, что лишь государь Николай II был той единственной силой, которая способна была спасти Российскую империю, удержав её от падения в пропасть. Это спасение было бы возможно только в том случае, если бы русская элита: политическая, военная, промышленная, церковно-религиозная,

купеческая, творческая, — сплотилась вокруг своего императора. На деле же произошло обратное — все повернулись против него⁶.

Вся глубина духовной трагедии русского народа может быть понята исходя из того немыслимого на первый взгляд факта, что чужеземные политические агитаторы оказались простому люду ближе своих господ. Всё это настолько не укладывается до сих пор в умах, что вновь и вновь появляются работы, в которых делается попытка представить и февральский мятеж, и октябрьский переворот нагромождением роковых случайностей, которых можно было бы избежать, отдай вовремя государь нужное распоряжение, заболел, умри или не родись вовсе какой-нибудь политический злодей. Однако если проанализировать развитие имперской государственности России к началу XX столетия с точки зрения близости её к христианской социально-политической парадигме, то мы должны признать, что к началу XX века **все социально-политические институты Российской империи были поражены системным вирусом**, который оказался настолько разрушительным, что выход из кризиса был бы невозможен без качественного изменения государственной системы. Так начались новая богоборческая смута и «дни окаянные».

Эта Смута по своему содержанию не изжита нами и продолжается до сих пор, причём в 80-е годы XX века её течение вновь обострилось, и это в очередной раз привело к разрушению нашей державы, уже в её советской форме. Сможем ли мы сегодня обойтись без ещё одной кровопролитной революции

и гражданской войны, чтобы выместить с русской земли паразитов всех мастей, сбивающих свой капитал на народных страданиях? Смогут ли сегодня не новые хазары, которых почему-то называют новыми русскими, а подлинно национальная русская элита, та её часть, которая не утратила здоровый инстинкт самосохранения, сохранить своё единство с русским трудовым народом, свою ответственность за судьбу поруганного Отечества и восстановить историческую правду и законность на Руси?

Если бросить беглый взгляд на тысячелетнюю историю Российского государства, то можно утверждать, что, рассуждая категориями системных кризисов, нашему Отечеству пришлось преодолеть за тысячу лет своей истории по меньшей мере четыре Смутных времени, или системных кризиса государственности.

Первое Смутное время (условно можно назвать его «язычески-исламским») привело к игу и порабощению степными кочевниками татаро-монголами. Второе Смутное время — XVII век. Эта Смута развивалась в «иезуитско-католической оболочке», и возникла опасность порабощения нашего Отечества Католической церковью с её новой социальной организацией — иезуитами. К счастью, тогда этой опасности удалось избежать за счёт обращения народа к традиционным соборным ценностям.

Третье Смутное время, которое в литературе практически так никогда не именуют, «протестантского» происхождения. Оно было связано с попыткой западных стран, с преимущественно протестантским населением, цивилизационно подчинить нашу церковь и государство.

⁵ В строительстве железных дорог, новых производств в сырьевых отраслях всюду внедрялись чиновники, действовавшие в интересах германских промышленников, а французские банкиры навязывали России свои кабальные займы. При этом золотой запас Российской империи хранился в иностранных банках, а бакинская нефть была фактически подчинена интересам семьи Ротшильдов. Получилось так, что при всём благополучии цифр, отражающих состояние России в 1913 году, на деле эти цифры прикрывали губительную и всё увеличивающуюся зависимость Российской империи от иностранного капитала и иностранного финансового влияния.

⁶ Даже императорская фамилия, включая его родную мать, весь чиновничий аппарат, вся придворная аристократия требовала от него уступок на европейский манер, то есть отречения от своей самодержавной власти, не понимая того, что только самодержавие способно было тогда сохранить и спасти империю, иначе — братоубийственная война.

Эта попытка оказалась, к сожалению, отчасти успешной.

Четвёртое Смутное время мы переживаем ныне. Его можно назвать «богоборческим».

Очевидно, что каждая «смута» связана с утратой чистоты православной веры. И, как результат охлаждения веры, происходит то, что в науке называется «десакрализацией» верховной власти, когда сама власть становится манящим плодом для политических интриг. Начинаются разнообразные бунты против власти, ибо люди начинают воспринимать её как «власть не от Бога». А это значит, что она «человеческое изобретение» и что её можно взять силой оружия. Следом за этим начинаются братоубийственные войны, междоусобие, и, поскольку у России много врагов, это братоубийство заканчивается внешней военной агрессией, по-

рабощением или игом. Оно может быть явным или неявным, жестоким или мягким, продолжительным или краткосрочным. Оно может быть экономическим, политическим или внешним военным завоеванием. Но всегда первопричина Смутного времени — это духовная болезнь русской цивилизации.

Пока не будет дана оценка Смутному времени XVIII века, **пока мы не расставим всё на свои места в своём прошлом, мы не можем говорить о выходе из текущего Смутного времени**, потому что мы даже не можем оценить всю глубину нашего духовного падения. Таким образом, сложность задачи, стоящей сегодня перед национально-государственным движением, состоит в преодолении не только большевистского тоталитарного наследия и западнической беспочвенности, но и в очищении здоровых начал

русской державной и политической традиции, искажённых петербургским периодом российской государственности.

Подлинная русская национальная элита сегодня — это те, кто ценой невероятных усилий сохраняет боеспособность русской армии; поддерживает угасающую промышленность, не покусившись на сладкую западную жизнь, сохраняет достижения русской науки, культуры, собирает по крупинкам правду о русской истории и несёт её своим детям. Преподобный Серафим Саровский предрекал, что Россия сольётся в одно целое с прочими славянскими странами и составит громадный океан, пред которым будут трепетать прочие племена земные. И будет эта православная славянская Держава, объединённая вокруг возрождённой Москвы, как пророчествовали старцы, материально не богата, но духом крепка.

/ Егор ХОЛМОГОРОВ /

Очерки об агиополитике

ЧТО ТАКОЕ АГИОПОЛИТИКА

Агиополитикой мы будем именовать воздействие священного начала на человеческую историю и политические процессы, а также интеллектуальную дисциплину, изучающую подобное воздействие.

Для безрелигиозного сознания, игнорирующего существование священного начала, все агиополитические процессы представляются протекающими лишь в человеческом воображении опосредованными символами религиозной культуры. Для религиозного христианского сознания, признающего существование Бога живого, агиополитические процессы, связанные с воздействием Бога Промыслителя и действием Его благодати в тварных существах, являются объективно данной реальностью. Раз-

умеется, конкретное человеческое сознание применительно к конкретному явлению может ошибиться, но такие ошибки сразу или постепенно проверяются и отменяются соборным сознанием церкви.

По предметам ведения агиополитику можно разделить на следующие дисциплины:

Агиополитика Откровения — касающаяся непосредственного воздействия Божия на историю, через Боговоплощение, прямое откровение сынам Божьим, предстательство Пресвятой Богородицы, чудеса, явления и знамения, не имеющие земного человеческого посредничества.

Агиополитика Святости — говорящая о деяниях Божьих через посредство людей, пребывающих в Божественной Благодати, — святых ветхозаветной и новозаветной

церкви. Именно деятельность святых, их слово и дело, проповедь, молитва и чудотворение составляют наиболее насыщенную часть агиополитических явлений в истории. Эту деятельность святых можно разделить на два аспекта — их прижизненная деятельность как исторических персонажей и их деятельность по усупии через чудеса по их молитве, явления, и, что не менее важно, через их нравственный и исторический пример, через их наследие.

Агиополитика Символов — относящаяся к материальным символам, через которые является Благодать Божья в Церкви Христовой — иконам, прежде всего чудотворным иконам, святым реликвиям, святым мощам, являющим телесное присутствие усупших святых, Честному Животворящему Кресту и его воздействию на реальность.

Агиополитика Идей — связанная с воздействием различных идейных комплексов, связанных с Богом и Его промыслительным действием в мире. Агиополитические размышления могут породить устойчивые идеологии, которые оказывают длительное воздействие на судьбы отдельных людей, православных народов и царств, причём иной раз захватывать своим воздействием даже людей нецерковных.

Разумеется, в реальной священной истории практически невозможно отделить один аспект агиополитики от другого. Например, чудесное небесное знамение Креста святому равноапостольному Константину есть в качестве знамения — предмет агиополитики Откровения, в качестве эпизода из жизни святого царя — предмет агиополитики Святости, а явившийся в результате этого знамения стяг Византии — *лабарум* с изображением монограммы Христа — *хризмы* — предмет агиополитики Символов. Но в реальности перед нами единое историческое событие, одно из ключевых в священной истории церкви, положившее конец длительной ментальной и духовной гражданской войне в Римской империи и ознаменовавшее победу христианства, начало «константиновского» периода в истории церкви и эпохи Вселенских соборов.

СВЯЩЕННАЯ КНИГА НАРОДОВ

Большинство событий истории христианских народов — в Римской империи, Византии, православных странах и, конечно же, на Руси с древнейших времён и до наших дней могут быть рассмотрены с агиополитической точки зрения, составив целостную *священную историю* новозаветной эпохи.

От канонической «Священной истории Нового Завета», изучаемой в семинариях, она будет отличаться тем, что пишется исследовательски по историческим источникам, а не по боговдохновенным книгам Священного Писания. Хотя и среди её источников немало тех, что обладают высокой степенью боговдохновенно-

сти — творения святых отцов и учителей церкви, многие жития и мученические акты, составленные не только о святых, но и святыми, литургическое творчество церкви, прославляющее те или иные святые чудеса.

От предмета «история церкви» агиополитическая история отличается тем, что история церкви подразумевает рассмотрение социальной организации церкви как земного сообщества, изменение канонического строя и обрядов, движение богословских идей. В то же время история церкви, как правило, исключает деятельность тех святых, которые не принадлежат к церковной иерархии, — действия святых царей и происходящие Божьим строением перемены в государствах оказываются для истории церкви, как её принято сейчас изучать, лишь фоном.

Кроме того, в последние столетия изучение истории церкви зачастую встаёт на путь прагматической, позитивистской историографии. Скажем, религиозный конфликт в Римской империи рассматривается как конфликт христианской «нетерпимости» к многобожию и универсального юридического порядка Римской империи, включавшего в себя культ императора. Делается ложное утверждение, что гонителями христианства были «лучшие» императоры, которые придерживались строгого порядка.

Тем самым полностью игнорируется традиция древнехристианской историографии, интерпретировавшей тот же самый конфликт как духовное противостояние христиан и влиявших на политику империи приверженцев нечестивой магии, воздействовавших отнюдь не на лучших императоров, а на тиранов, духовно поработанных этим магическим сообществом. Двухсотлетняя борьба христиан за душу империи закончилась их победой и новым взлётом имперского величия (а не упадком и разрушением Римской империи, как утверждал злоречивый Гиббон).

На гибель же значительной части империи под ударами варварского нашествия повлияло нечестие императора-арианина Валента, который

затянул ссору с прикрывавшими имперские границы готами, что привело к катастрофическому поражению при Адрианополе и последовавшему затем захлёстыванию территории империи потоками великого переселения народов. Так же точно нечестие императора Ираклия, впавшего в ересь монофелитства, обрекло империю, ещё недавно исповедовавшую православие и чудесно спасённую Божией Матерью при осаде Константинополя в 626 г., на падение её восточных окраин под ударами арабов-мусульман.

Разумеется, невозможно установить во всех случаях прямую связь между благочестием и победами, нечестием и поражением, но очень во многих случаях агиополитический смысл военных поражений и побед был очевиден и современникам, и потомкам.

Мы не будем сейчас касаться агиополитической истории Рима, Византии и других православных стран ввиду обширности этого предмета. Наметим лишь некоторые агиополитические аспекты собственно русской священной истории.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ НАЧИНАЕТСЯ С ЧУДА (ФОТИЕВО КРЕЩЕНИЕ)

Первым широко задокументированным в источниках и вполне ясным для исследователей событием русской истории был набег Руси на Константинополь 18 июня 860 г. Император Михаил III с войском находился на войне с арабами, далеко от Константинополя, когда «народ Рос», Русь, совершил внезапный морской набег на окрестности города и подверг их разорению и многочисленным расправам (причём некоторые выражения в источниках указывают на ритуальные жертвоприношения).

Горожане ожидали и гибели самого города. Святитель патриарх Фотий, величайший богослов своего времени, духовный отец восточного православия, устроил крестный ход по стенам с мафорием Пресвятой Бо-

Почитание чудотворных богородичных икон занимает на Руси совершенно особое место. Владимирская икона стала агиополитическим сердцем Владимиро-Суздальской Руси. Особое значение придавалось этой иконе как покровительнице от нашествий с востока, такая слава особенно упрочилась после ухода с Руси Тамерлана, который, отказавшись от похода на Русь, неожиданно повернул свои орды на державу османов и грандиозным разгромом при Ангоре на полвека продлил жизнь Византии. Наконец, икона Божией Матери «Державная» явилась в Коломенском, в храме Вознесения, воздвигнутом в честь рождения первого русского царя, в день отречения (точнее — свержения) царя последнего. Икона, ставшая знаменем принятия Божией Матерью непосредственного покровительства над Россией.

городицы, и с этим агиополитическим действием и сам он, и позднейшие хронисты связывают чудесное избавление от опасности.

В русскую «Повесть временных лет» попала поздняя версия византийских хронистов — Георгия Амартола и Льва Грамматика, которые описали избавление города как погодное явление. После погружения мафория Девы в воду налетела буря и разметала корабли, что заставило Русь уйти. Эта интерпретация события служит и по сей день для бесчисленных риторических упражнений в «благочестивом антипатриотизме» — мол, русские люди должны радоваться посрамлению своих предков-язычников.

Однако свидетельства очевидца, самого патриарха Фотия, подробно описавшего это событие в двух омилиях, прямо противоречит позднему мифу о буре.

«Как только облачение Девы обошло стены, варвары, отказавшись от осады, снялись с лагеря, и мы были искуплены от предстоящего плена и удостоились нежданного спасения... Неожиданным оказалось нашествие врагов — нечаянным явилось и отступление их...»

Чудесное, необъяснимое ни прагматическими причинами (современным историкам приходится их додумывать), ни природными явлениями (выдуманная постфактум) избавление Царьграда имело причиной **внезапную нравственную перемену в умах и душах самой Руси, атаковавшей город**. Вполне возможно допустить, что наши предки удостоились того или иного знамения со стороны Божией Матери, столь явного, что они ему подчинились и не только прекратили нашествие, но и вскорости прислали к патриарху Фотию послов с просьбой о крещении.

Таким образом, Русь с самого начала становится в особые отношения с Пресвятой Богородицей, поскольку Русь предназначено стать одним из Её уделов. Почитание чудотворных богородичных икон занимает на Руси совершенно особое место. Владимирская икона стала агиополитическим сердцем Владимиро-Суздальской Руси, что засвидетельствовано великолепной иконой Симона Ушакова «Насажение древа государства Российского». Особое значение придавалось этой иконе как покровительнице от нашествий с востока, такая слава осо-

бенно упрочилась после ухода с Руси Тамерлана, который, отказавшись от похода на Русь, неожиданно повернул свои орды на державу османов и грандиозным разгромом при Ангоре на полвека продлил жизнь Византии.

Икона Богоматери «Знамение» почиталась как защитница новгородской земли, в том числе и от походов владимирцев. Явление Казанской иконы сопряжено было с утверждением России на восточных рубежах и указывало на опасность с запада — именно под покровительством этой иконы русские люди сокрушили польскую крамолу, нашествие двенадцати языков Наполеона и нашествие Гитлера.

Наконец, икона Божией Матери «Державная» явилась в Коломенском, в храме Вознесения, воздвигнутом в честь рождения первого русского царя, в день отречения (точнее — свержения) царя последнего. Икона, ставшая знаменем принятия Божией Матерью непосредственного покровительства над Россией.

Фотиево крещение логично вытекало из всего характера русско-византийских отношений. Контакты между Русью и Византией установились ещё при императоре-иконоборце Феофиле, вместе с послами которого явились в 839 году ко двору франкского императора послы кагана Руси. Кстати, этот восточный титул правителей Руси нет никаких оснований связывать с хазарами — это титул владыки Аварской державы, в составе которой столетиями находились славяне, совершая вместе с аварами походы и на Византию — переселившись на восток Европы после сокрушения Аварского каганата франками, они, разумеется, принесли с собой и титул, говорящий о высшей власти.

В среде Руси к тому моменту было уже немалое число славян-христиан. Христианство активно распространялось среди дунайских славян и было принесено ими на новую родину. В работах В. В. Седова подробно исследовано распространение на территории всей будущей Руси натальных крестиков «моравского» типа, принесённых славянами, пере-

селявшимися с Дуная, — они неопровержимо свидетельствуют о наличии на Руси немалого числа христиан не только до крещения св. Владимиром, но и до Рюрика (который, кстати, если отождествлять его с Рюриком Ютландским, известным из западных хроник, тоже был формально крещён во Франкской империи).

Наверняка влияние первых русских христиан после явленного Богоматерью чуда под Царьградом и привело к тем событиям, которые известны как «Фотиево крещение Руси».

«Ныне и они переменили языческую и безбожную веру, — радостно сообщает Фотий в своём «Окружном послании», — в которой пребывали прежде, на чистую и неподдельную религию христиан... приняли они у себя епископа и пастыря и с великим усердием и старанием предаются христианским обрядам».

С инициативой Фотия историки традиционно связывают и деятельность Солунских братьев, святых Кирилла и Мефодия, по созданию славянской азбуки и переводу богослужения и Священного Писания на славянский язык. Греко-славянский языковой дуализм является наиболее характерной цивилизационной чертой православного мира. Подвиг Солунских братьев создаёт для славян сакральное пространство языка и письменности, по сути, прилагает к известным с древности священным языкам ещё один. И главным благоприобретателем становится именно Русь, для которой **славянские язык и азбука составили особое свойство цивилизации**.

Первая известная нам на территории Руси кириллическая надпись, подпись «Гоуруна» на сосуде из Гнёздово, сделана на горшке с кладом куфических монет, самая поздняя из которых датируется 908 годом, то есть уже около этого времени на Руси произошло захоронение, в котором в тривиальных целях (что говорит о высокой степени распространённости) использовалась кириллица, письменность, составившая одну из характернейших особенностей

русского религиозного уклада и русской цивилизации.

МЕЖДУ ПЕРУНОМ И ИЛЬЁЙ

К сожалению, события первого крещения были забыты даже на самой Руси ввиду последующего завоевания Руси Приднепровской (называть её «Киевской» исторически неточно) Русью Северной (опять же неточно называть её «Новгородской») во главе с несомненным язычником «вещим» Олегом.

События его похода на Царьград служат предметом споров у историков. Они могут показаться простым переносом на Олега событий 860 г., так

как византийские хроники о приходе Руси под Константинополь в начале X века молчат. Однако не так давно П. В. Кузенковым события похода Олега были отнесены к 904 г. и связаны с упоминанием «росов-дромитов от рода франков», упоминаемых в схолиях к хронике псевдо-Симеона.

Примечателен тот факт, что в русской летописи византийцам, безуспешно пытавшимся отравить Олега, приписывается восклицание: «И убо яшася гръць и ркоша: «Нъсть се Олегъ, но святыи Дмитрий, посланъ на ны от Бога». Святой Димитрий был небесным покровителем Фессалоники от многочисленных славянских нашествий, описанных в «Житии и чу-

десах Димитрия Солунского». Тот факт, что летописец приписывает ему русское нашествие, — весьма примечателен. Очевидно нападение Олега и одновременное с ним падение Фессалоники, взятой арабским флотом Льва Триполита, увязывалось в единый агиополитический узел, связанный с незаконным четвёртым браком императора Льва Мудрого, вызвавшим серьёзный конфликт между Василевсом и патриархом Николаем Мистиком. Можно предположить, что в этом донесённом летописью восклицании содержится такой смысл: Святой Димитрий не защитил своего города — Фессалоник, так как в образе языческого князя явился покарать столицу за её грехи. Так или иначе, Русь оказалась тем самым вновь включена в пространство агиополитического мышления византийцев.

Войны русских с греками при князе Игоре раскрывают нам новые

аспекты агиополитической интеграции Руси в христианский мир. Очевидно, что к этому моменту русских христиан (прежде всего, как уточняет летопись, среди варягов) было так много, что сформировался своего рода христианско-языческий дуализм, отразившийся в договоре 944 года. На протяжении всего текста для полноты охвата Руси обязательствами требуются одновременно и христианская, и языческая санкции:

«Иже помыслить от страны Рускыя раздрушити таковую любовь, и елико ихъ крещенье прияли суть, да примуть мечь от Бога вседержителя, осужение и на погибель и в сий векъ и в будущий, а елико ихъ не крещено есть, да не имуть помощи от Бога, ни от Перуна, да не ущитятся щиты своими, и да посечени будут мечи своими, и от стрель и от иного оружья своего, и да будут раби и в сий векъ и будущий».

Христиане-нарушители предаются вечному осуждению, язычники — ритуальному проклятию. Тот же агиополитический параллелизм мы наблюдаем и в ходе принесения Русью клятв.

«Наутро я призва Игорьъ сли, и приде на холмы, где стояше Перунъ, и покладоша оружья своя, и щиты и золото, и ходи Игорьъ ротъ и мужи его, и елико поганяя руси, а хрестьяную русь водиша въ церковь святаго Ильи, яже есть надъ Ручьемъ, конецъ Пасынце беседы, и козаре: се бо бе сборная церкви, мнози бо беша варязи хрестьяни».

Попытки археологов выявить следы ранней Ильинской церкви на киевском Подоле успехом не увенчались, что привело некоторых исследователей к поспешному выводу, что русы-христиане приводились к клятве в Ильинской церкви императорского дворца Константинополя, которую летописец отождествил с позднее существовавшей церковью в Киеве. Это, конечно, совершенно невероятно по логике летописного повествования, где очевидна одновременность и совмещённость в одной географической локации присяги языческой Руси на Перуновом холме и христианской Руси в церкви св. Ильи.

Примечателен и параллелизм Перуна и св. Ильи Пророка, которому народная фантазия передаст позднее функции Перуна-громовержца. Очевидно, подобный смысловой переход был заложен именно в эпоху дуализма, когда холм Перуна был языческим агиополитическим центром Киева, а церковь св. Ильи — христианским центром.

КАК ЯЗЫЧНИКИ УБЕРЕГЛИ ПРАВОСЛАВИЕ

Княжение святой Ольги, первой святой правительницы Руси, начинается с жестокого подавления мятежа древлян, расправившихся с князем Игорем. В летописном предании этой расправе придается языческо-агиополитический характер — Ольга последовательно воспроизводит

над древлянами части языческого погребального обряда: омовение в бане (заканчивающееся сожжением), погребение в ладье, надкурганная тризна, перерастающая в избиение древлян. Мифоритуальный характер этой легенды, вряд ли основанной на реальных исторических деяниях княгини, однако подчёркивает её статус в глазах язычников в качестве сакральной правительницы Руси, обладательницы, как и ранее Олег, особого рода мудрости.

Ольга решительно принимает крещение в ходе своего визита в Константинополь, состоявшегося, по всей видимости, в 957 году, в ходе которого она оказывается встроена в иерархию империи. С этим крещением связано появление первой Русской священной реликвии — Ольгиного креста, ставшего позднее главной святыней Софии Киевской, «иже ныне стоит в Киеве во Святой Софии в алтаре на правой стороне», как сообщает Пролог XIII века. Ольгин крест, после захвата Киева литовцами, был похищен католиками и вывезен в Люблин, где его следы теряются.

Первый раз с проблемой различий Восток — Запад в христианском мире Русь столкнулась именно при св. Ольге. В 959 году Ольга отправляет послов к западному императору Оттону I с просьбой прислать для Руси епископа-миссионера, каковым назначается Адальберт, отправившийся на Русь в 961-м, но уже в 962-м вынужденный вернуться обратно. На несколько десятилетий Русь оказывается на своего рода духовном перепутье между Западной и Восточной империями, выбирая, какую из христианских традиций неразделённой ещё формальным разрывом церкви надлежит принять.

Неудачу миссии Адальберта современные исследователи, как правило, связывают с «языческой реакцией», наступившей при Святославе. Некоторые даже предполагают, что появление латинских миссионеров спровоцировало отстранение Ольги от власти. Если это действительно было так, то языческая реакция оказалась своего рода предохрани-

тельным средством перед духовной вестернизацией.

Вновь язычество оказалось барьером на пути влияния западного христианства при св. Владимире. Старший брат крестителя Руси Ярополк сам мог стать крестителем, но только в западной традиции. По убедительному предположению А. В. Назаренко, Ярополк принял латинское крещение в Киеве в 978 году от немецкой миссии, которая должна была заключить его брак с внучкой императора Оттона Великого, дочерью графа Куно-Конрада. Этот брак должен был сопровождаться союзом Руси с Германией против Польши и Чехии, на стороне которых выступал и княживший в Новгороде брат Ярополка — Владимир. Свержение Ярополка и его убийство прервали, таким образом, ещё одну возможность принятия Русью крещения «от Немца».

«Языческая реакция» Владимира, как и его отца Святослава, оказалась, таким образом, **преградой на пути латинизации Руси**, проложила дорогу к принятию самим Владимиром византийского православия. Прологом к этому принятию, впрочем, послужила кровавая расправа над христианами, отцом и сыном, варягами (традиция именования их Феодором и Иоанном, очевидно, связана с «испорченным телефоном» позднейших источников).

Убийство этих двух первомучеников Руси, от греха которого Владимир очистился крещением, стало своего рода «жертвой в основание царства». Языческий и обличаемый пророками в Писании сюжет приобретает христианскую агиополитическую интерпретацию — кровь мучеников оказывается для Руси «семенем христианства». На костях этих мучеников воздвигается соборная Десятинная церковь. «Святаа церкви Святыа Богородица Мариа, юже създа на правоверъней основе», — говорит в «Слове о Законе и Благодати» митрополит Иларион. В отличие от других языческих народов, чьё крещение предварялось длительными гонениями со множеством жертв, жертва варягов при крещении Руси была единственной.

РОЖДЕНИЕ НАЦИИ: РУСЬ КАК НОВЫЙ ИЗРАИЛЬ

Крещение святого Владимира представляется в наших источниках как завоевательный поход за верой. Христианство не навязывается Руси извне, а напротив — добывается ею как трофей, взятый при покорении Корсуня. Фактически Креститель совершает агиополитическую революцию: приносит новые добытые в бою святыни — часть мощей св. Климента, папы Римского, ставшие главной киевской святыней, священные сосуды и иконы. Князь свергает ложных языческих богов, которых заменяют истинные святыни.

«Володимерь же поимъ цесарицу, и Настаса, и попы корсуньскыя, мощи святого Климента и Фива, ученика его, и пойма съсуды церковныя, иконы на благословенье себе... И яко приде, повеле кумиры испроврещи, овы исещи, а другыя огньви предати. Перуна же повеле привязати къ коневу хвосту и влещи с горы по Боричеву на Ручай, и 12 мужа пристави бити жезлиемъ».

Сам князь Владимир становится для летописца своего рода отражением не только равноапостольного Константина (его бабка Ольга сопоставляется с матерью Константина Еленой), но и с царём Давидом. Отсюда, в частности, выраженный акцент летописца на женолюбии Владимира-язычника, которое сопоставимо с грехами Давида. Книжный образ Владимира конструируется как образ эпического героя, яркого и чистосердечного и в своих грехах, и в своём раскаянии. Ещё прежде «Повести временных лет» этот образ фиксируется в «Памяти и похвале» Иакова Мниха, одном из первых произведений древнерусской литературы. «Подобя ся царемъ святымъ, блаженный князь Володимерь, пророку Давыду, царю Иезекею, и треблаженому Иосею, и великому Коньстантину, иже избраша и изволиша Божий законъ боле всего, и послужиха Богу всемъ сердцемъ».

Сын Владимира — Ярослав-Георгий (его общецерковное почитание

Русь была одним из ранних слепков библейского образца среди христианских народов. И в наиболее полной мере воплотила в своей истории эту парадигму, сохраняя единство вопреки завоеваниям, разделением, пленениям подобно избранному народу, сознающему не только своё этническое единство, но и метаисторическую миссию.

установлено в 2016 г.) также осмысляется через эту ветхозаветную парадигму. Он равночестен сыну Давидову — премудрому Соломону, властителю и храмоздателью, при котором ветхий Израиль достигает максимального расцвета. Так и Русь при Ярославе представляется достигшей максимальной славы, могущества, единства, расцвета внешнего и внутреннего. Ярослав — не только мудрый и книголюбивый правитель, насадитель просвещения, но и храмоздатель: его София Киевская — одновременно образ Софии Константинопольской и Соломонова храма.

Момент параллелизма становящейся Руси с ветхим Израилем чрезвычайно важен для понимания того идейного и политического процесса, который привёл к становлению русской государственности и нации. X–XI веков, стал для христианской Европы удивительной эпохой «великого происхождения народов» — в этот период появились практически все существующие и по сей день европейские нации, среди которых Русь была в числе первых. Позднейшие прибавления к этому перечню наций были единичными. Национальная карта Европы оказалась удивительно устойчивой и стабильной.

Это связано с тем, что феномен европейской христианской нации был переносом на конкретные ранние государства модели Священного Царства — Израиля. Народ Ветхого Завета был первой нацией в истории, нацией, созданной свыше волей Господа и как Его орудие.

«Библия предлагала в самом Израиле разработанную модель того, что значит быть нацией — единство народа, языка, религии, территории

и правительства... именно он был для читателей Библии очевидным образцом того, какой должна быть нация, зеркалом для воображаемого образа своей нации», — указывает британский исследователь Эдриан Хастингс.

Как отмечает другой современный исследователь — Стивен Гросби, — воспоминания о едином царстве Давида и Соломона, надплеменное представление о «всём Израиле», убеждённости в том, что этот народ принадлежит определённой территории «от Дана до Беер Шебы» и что она принадлежит исключительно ему, вера в то, что земля и народ были освящены соглашением с единым Богом — все эти составляющие национальности отделяли Израиль от окружающих его неустойчивых племенных союзов, изолированных городов-государств и сложных по своей идентичности империй.

Нетрудно отметить удивительное и, конечно же, неслучайное сходство русского национального самосознания с этой моделью. С древнейших времён русская нация получает эту библейскую закваску. Владимир и Ярослав предстают как Давид и Соломон, племенные объединения выступают как аналог колен Израилевых. Постыжение понятия «Вся Русь» (применённого сперва для обозначения области власти Русских митрополитов, а затем перенесённого на князей), центрального для самовосприятия русской нации и её государственно-территориального развития, невозможно без учёта пронизывающего Ветхий Завет представления о «всём Израиле» (Втор. 5, 1 и др. места).

Русь была одним из ранних слепков этого библейского образца среди христианских народов. И в наиболее полной мере воплотила в своей исто-

рии эту парадигму, сохраняя единство вопреки завоеваниям, разделением, пленениям подобно избранному народу, сознающему не только своё этническое единство, но и метаисторическую миссию.

**БОРИС И ГЛЕБ.
ОСВЯЩЕНИЕ ЦАРСКОГО РОДА**

Первыми святыми этой нации становятся сыновья Владимира, Борис и Глеб, павшие от рук узурпатора — Святополка Окаянного. Чистой нелицедей, вытекающей из стремления подорвать основы русского агиополитического сознания, являются современные попытки приписать это убийство Ярославу и оправдать Святополка, «вычитав» (а на самом деле — постмодернистски вчитав) некие секретные коды у летописца. Эта любовь к Святополку либеральной историографии, конечно, неслучайна, так как он не только совершил цепочку братоубийств, но и первым навёл на Русь соседа, да ещё какого — польского короля, тем самым начав тысячелетнюю распрю с Польшей.

Сущностью страсотерпческого подвига Бориса и Глеба было освящение княжеского рода. Они проявили доверие и непротивление старшему брату — Святополку, каковое он обманул, за что и был признан Окаянным. *«Не подниму руку на брата своего старшего: если и отец у меня умер, то пусть этот будет мне вместо отца».* В этой преданности родовому началу и готовности во имя него принять смерть с истинно христианским смирением проявилась та черта, которой, по мнению Константина Леонтьева, Русь обогатила принесённые из Византии начала. «В византизме царила одна отвлечённая юридическая идея: на Руси эта идея обрела себе плоть и кровь в царских родах, священных для народа. Родовое монархическое чувство, этот великорусский легитимизм был сначала обращён на дом Рюрика, а потом на дом Романовых».

Страсотерпцы Борис и Глеб — сакральное средоточие рода Рюриковичей. Через родство с Борисом и Глебом

все представители разветвлённого княжеского рода были скреплены не только слабеющим физическим, но и неизменным мистическим родством, которое требовало, по примеру святых, взаимной любви, братской взаимопомощи, уважения к старшему. Если за века разделений и междоусобных войн представление о единстве Русской Земли не распалось, то важнейшим фактором единства было, наряду с сохранением общерусской Митрополии, именно чувство братства по Борису и Глебу, соединявшего всех князей Рюрикава Дома.

Не успев прославиться как воины при жизни, Борис и Глеб становятся предводителями русского небесного воинства. Агиополитическое сознание фиксирует их явление во множестве битв. Они являются на поле победы Рюрика Ростиславича над половецким ханом Кончаком, их призывает себе на помощь Иван Грозный перед Казанским походом, и вновь они являются, чтобы защитить Москву в 1571 году от набега крымского хана. Эта постоянная ратная помощь Бориса и Глеба тесно увязана именно с их родством с русскими князьями: «Брат Глеб, вели грести, да поможем сроднику своему Александру», — говорит Борис в видении старейшине Пелгусию перед Невской битвой.

Характерной чертой русской агиополитики является установка на тесное соединение институциональной святости государства, освящённого высшей силой, и личной святости людей, вершащих политику. В Византии эти два аспекта находились в некотором противоречии, за редчайшими исключениями, такими как св. Константин и св. Юстиниан. Не раз и не два бывало, что святые, такие как преп. Максим Исповедник и преп. Феодор Студит, оказывались жёсткими оппонентами государства и царей, институциональная святость которых была, однако, для них вне подозрения. На Руси святость и политический подвиг за Землю Русскую во многом совпадали.

Постепенно небесная династия русских великих князей начинает ши-

ряться. Свои места в ней занимают и убитые язычниками просветители, и убитый подданными создатель Владимирской Руси Андрей Боголюбский, и павший в битве с татарами первый гражданин Невидимого Китежа князь Георгий Всеволодович, и героические защитники Руси Довмонт Псковский и Александр Невский, бывший не только князем-воином, но и политическим основателем новой княжеской ветви, укрепившейся на Северо-Востоке, и принявшие муку от татар Михаил Черниговский и Михаил Тверской...

МОСКОВСКАЯ АГИОКРАТИЯ: ОСНОВАНИЕ СВЯТОЙ РУСИ

Московское государство, складывавшееся с XIV века, уже последовательно было пронизано идеей *агиократии*, то есть не просто институциональной священности княжеского звания, но и особой династической и личной благодати, почившей на его носителях. Ключевую роль в становлении этой агиократии сыграл преподобный Сергей Радонежский.

Значение преподобного Сергия для Московского-Русского государства было огромно, практически сразу после своей кончины он начал почитаться в нём как его духовный сооснователь и покровитель. Преподобному Сергию молились всенародно в дни

бедствий, на его раку клали после крещения великокняжеских детей, чьим покровителем он считался с момента их рождения, хождение на богомолье к святому Сергию считалось важнейшей частью агиополитического ритуала в Московскую и даже в первый период Петербургской эпохи.

Православие как Вера Святых должно пронизывать и подчинять себе всё в обществе, а государство нужно для поддержки святых и проведения в жизнь их линии — такой агиополитический идеал вырабатывается в сергиевскую эпоху.

Точнее, именно решающее влияние преподобного создало этот период. В период княжения св. благоверного Дмитрия Донского власть сначала была сосредоточена в руках святого митрополита Алексия, руководившего московским правительством и давшего своеобразную специфику всей политике этого периода. Затем князь Дмитрий правил, соглашая свои действия с преподобным Сергием Радонежским (духовный вождь движения, несмотря на угрозы, отказался возглавить Русскую церковь и стать митрополитом после кончины св. Алексия). Сам Дмитрий Иванович был в итоге канонизирован Русской православной церковью. Непростыми и неоднозначными были отношения св. Дмитрия с назначен-

ным из Константинополя св. митрополитом Киприаном, выдающимся представителем исихастской линии; князь неоднократно изгонял его с московской кафедры, несмотря на примирительные попытки преп. Сергия, однако в итоге св. Киприан занял своё законное место и сыграл выдающуюся роль в устроении московских церковных дел. Святость участников политического процесса никогда, ни в какую эпоху не гарантировала согласия между ними, но создавала особый дух общественной жизни. Знаменательным плодом этой политики и этого духа стала великая победа русского воинства на поле Куликовом.

Мы можем со всей определённо-стью говорить об оформлении на Руси собственной агиополитической программы, собственного видения сакральной вертикали православного государства и православной нации. Если в основе византийской агиополитики лежала идея тождества церкви и империи в едином богочеловеческого организме, идея мистической тотальности священного политического порядка, то Русь с большим интересом восприняла идеи предисихазма и исихазма о личной святости как особой

духовной энергии, преображающей мир вокруг святого, наметилась большая персоналистичность в почитании святых. Однако этот персонализм был поставлен на службу идее органического православного государства, Русской Земли, каковая в своей небесной проекции становится *Святой Русью*.

Эта небесная проекция, и ставшая русской сакральной вертикалью, производится не через тотальную сакрализацию всего политического пространства. Она производится через точечный перенос Русской Земли на Русское Небо в лице лучших, замечательнейших представителей русского типа святости, прежде всего, святых князей и преподобных. Образованная ими ещё при жизни сеть социальных связей переносится и на Небо (поскольку смерть святого производит не уничтожение, но, напротив, очищение его человеческих свойств, выявление истинного ядра богопросвещённой души), где формируется вторая, вечная Русь, к которой, благодаря дерзновению святых, вымаливать у Господа души простых и грешных людей подтягиваются сотни и тысячи спасаемых.

Именно сама Россия, Русская Земля, которая, как учил Иосиф Волоцкий,

последователем которого был старец Филофей, и является отныне *истинной* Византией, истинным Римом, причём Римом не только Третьим, но и *последним*. Идея «четвёртому не бывать», идея «господства без конца», о котором писал цитированный выше блаженный Августин, связана именно с особенностью агиополитической конструкции России, приобретшей благодаря существованию наряду с Русской Землёй и Русского Неба «саморазворачивающийся» характер. На Небе всегда достаточное количество русских святых молит за Россию и русский народ и, поскольку их молитва является великой, единственной истинно животворящей силой истории, «схлопнувшаяся» история России вновь саморазворачивается из Вечности. Небо оказывается тем последним плацдармом, с которого Россия всегда переходит в контрнаступление.

СВЯЩЕННЫЙ МИЛИТАРИЗМ ИМПЕРИИ

Безусловно, русский агиополитический идеал не всегда удерживался во всей своей полноте. В него была внесена сначала смута спровоцированным недругами извне расколом никониан и старообрядцев, а затем серьёзные удары по ней были нанесены практикой Петербургской империи.

Пётр пытается произвести полное «переоснование» доставшегося ему государства. Им основан новый город, новая столица — Санкт-Петербург. Пётр вводит новые учреждения, новые обычаи, новые законы, новые уставы, воинские и гражданские, тем самым он выступает как законодатель и нормотворец. Пётр фактически учреждает новое государство — Российскую империю — и добивается нового признания России в Европе. Царь реформирует церковь, стараясь приблизить её к протестантским образцам, упраздняет патриаршество. При этом прежнюю традицию Пётр старается парализовать высмеиванием, знаменитыми выходками «Всешутейшего собора», пытается через смех преодолеть её влияние.

Сам великий реформатор, однако, не был чужд известного агиополитического чувства. Он, в частности, переносит в Санкт-Петербург мощи св. Александра Невского, стремясь сделать его покровителем новой столицы, одновременно в культ святого князя вносятся существенные изменения — его запрещается изображать в монашеском одеянии, отныне он может изображаться только как торжествующий святой воин.

В Российской империи получает необычайное развитие идея святого воинства, идея священного милитаризма, намеченная уже в эпоху Ивана Грозного в таких произведениях, как знаменитая икона «Церковь воинствующая». Наиболее выдающимися представителями этого священного милитаризма были великие воины екатерининской эпохи — генералиссимус Суворов и святой адмирал Фёдор Ушаков.

Первому из них принадлежит знаменитое воинское наставление, в центре которого стоят две идеи — идея высочайшего воинского духа и умения и идея чуда *Божия*, приносящего победу. Благочестие Ушакова было, прежде всего, практическим, однако в воинской деятельности его выразилось необычайно характерно — он не только одерживал победы малой кровью, сберегая корабли, жизни матросов и даже неприятелей, но и с необычайным милосердием относился к православным грекам, оказавшимся под его попечением на Ионических островах, защищает их от головореза Али Паши Янинского и ходатайствует об их приёме в русское подданство.

Характерна в этом смысле фигура императора Александра I. Взойдя на престол после убийства своего отца — Павла I (почитавшегося в Петербурге как местночтимый страстотерпец), большую часть царствования император посвящает реализации всевозможных утопических либеральных проектов в масонском или оккультном ключе, «административному сенсимонизму» (по меткому выражению графа Уварова). Лишь в последние годы под влиянием архимандрита

Именно сама Россия, Русская Земля, которая, как учил Иосиф Волоцкий, последователем которого был старец Филофей, и является отныне истинной Византией, истинным Римом, причём Римом не только Третьим, но и последним. Идея «четвёртому не бывать», идея «господства без конца», о котором писал цитированный выше блаженный Августин, связана именно с особенностью агиополитической конструкции России, приобретшей благодаря существованию наряду с Русской Землей и Русского Неба «саморазворачивающийся» характер. На Небе всегда достаточное количество русских святых молит за Россию и русский народ и, поскольку их молитва является великой, единственной истинно животворящей силой истории, «схлопнувшаяся» история России вновь саморазворачивается из Вечности. Небо оказывается тем последним плацдармом, с которого Россия всегда переходит в контрнаступление.

Фотия и ревнителей православия он значительно разворачивает свою политику в духе истинной церковности — однако сам, как император, фактически не может её осуществлять.

Наверное единственная связь Александра I с русской святостью — это его возможная встреча с преподобным Серафимом. Однако сама глухость и противоречивость информации об этой встрече православного царя с одним из величайших подвижников в истории православия говорит о многом. Если с преподобным Сергием княжеский двор и столица государства связаны тысячами нитей, если Куликовская битва происходит под его непосредственным попечением и благословением, то события 1812 года и житие батюшки Серафима разворачиваются как бы в разных вселенных. При дворе в чести поэты, прожектёры, иезуиты, протестантские мистики, оккультные шарлатаны, но никак не православные святые.

Александр I обретает как бы «посмертную» славу в облике св. пра-

ведного старца Феодора Томского, тем самым не только сопричисляясь к сонму святых русских государей, но в то же время доказывая, что в формате классической Петербургской империи подобная царская святость невозможна. Агиополитика в этот период — чтобы стать *агио* должна перестать быть *политикой*.

Этому духу активно противостояли такие духовные центры, как Оптина Пустынь, такие епископы, как святители Феофан Затворник и Игнатий Брянчанинов, такие пастыри, как св. Иоанн Кронштадтский. Однако в целом дух почитания святости, и тем более агиополитический дух, в России стремительно остывал.

НИКОЛАЙ II. ЦАРЬ-ОСВЯТИТЕЛЬ И ЦАРЬ-ПОБЕДИТЕЛЬ

Перемену этого строя мы видим у царя-мученика Николая II. В своей деятельности как государя он сосредотачивает прежде всего на духовном строении

государства, на восстановлении повреждённой сакральной вертикали, на утверждении Святой Руси в раздираемой кризисом великой России.

Министр иностранных дел Сагонов так с удивлением характеризовал Николая II: «Глядя на него у церковных служб, во время которых он никогда не поворачивал головы, я не мог отделаться от мысли, что так молятся люди, изверившиеся в помощи людской и мало надеющиеся на собственные силы, а жаждущие указаний и помощи только свыше».

В некотором смысле Николай II был в наибольшей степени царём, чем кто-либо из русских государей после Феодора Иоанновича. Тот, приняв на себя подвиг юродства, скрыв свою исключительную духовную одаренность под маской слабоумия, спрятавшись за своего соправителя Бориса Годунова, тем не менее обеспечил России время мира и тишины, столь важные накануне Смуты. Не будь этих лет, и Смуту потрясённая Россия не пережила бы. Тогдашние летописцы отличались в смысле духовной опытности от историков XX века, и для них связь между духовным обликом Феодора и благополучием государства в его правление была очевидна.

Вот что говорит в своём «Написании вкратце о царях московских» князь И. М. Катырев-Ростовский. «Царь же Феодор возрастом мал бе, образ постничества нося, смирением обложен, о душевной вещи попечение имея, на молитве всегда предстоя и нищим требующая подая; о мирских ни о чём попечение имея, токмо о душевном спасении. От младенчества и даже до конца своего тако пребысть, за сие же спасённое дело его Бог царство его миром огради, и враги под нозе его покори, и время благоуутешно подаде».

Николай II, в силу ослабления духовной, религиозной энергии нации, не мог явить столь же мирный и благообразный способ царствования. В его деятельности, напротив, сквозит **трагический святой героизм**, уверенность в отсутствии земной награды и воля к укоренению на Небесах

не только себя самого, но и своего народа.

Царствование Николая II было ознаменовано исключительным религиозным подъёмом в России, включившим в себя непрерывную череду *канонизаций святых*, в том числе и имевшую грандиозное духовное значение канонизацию учителя стяжания Духа Святого и пророка русского грядущего — преподобного Серафима Саровского, и завершилось принесением царём самого себя и своей семьи в грандиозную жертву за русский народ.

Вот череда церковных прославлений этой эпохи:

1896 г.: святитель Феодосий Черниговский;

1897 г.: священномученик пресвитер Исидор и с ним 72 мученика;

1903 г.: преподобный Серафим Саровский;

1909 г.: святая благоверная княгиня Анна Кашинская;

1910 г.: перенесение из Киева в Полоцк честных мощей преподобной Евфросинии;

1911 г.: святитель Иоасаф, епископ Белгородский;

1913 г.: Святейший Патриарх Гермоген;

1914 г.: святитель Питирим, епископ Тамбовский;

1916 г.: святитель Иоанн, митрополит Тобольский.

Государь спешит как можно скорее охватить те опорные точки, для удержания которых потребны будут святая молитва и святое покровительство прославленных угодников Божьих. Святитель Феодосий Черниговский — Украина. Преподобная Евфросиния Полоцкая — Белоруссия. Священномученик Исидор, замученный ливонцами в Юрьеве-Дерпте, — Прибалтика. Святитель Иоанн Тобольский — Сибирь.

Восстановление почитания благоверной княгини Анны Кашинской было устранением чудовищной несправедливости, ведь святая была некогда «деканонизирована» только за то, что рука её честных мощей была сложена двумя, а не тремя перстами. Тем самым было прекращено безумие

«ультраниконианства», пресечён грех хулы на старые обряды, и *равночестность* русской церковной традиции, изменённой в XVII веке, была признана со всей наглядностью. Но одновременно был прославлен и святитель Питирим Тамбовский, немало потрудившийся не только над обращением ко Христу татар и иных мусульман, но и над приведением к единству с церковью отделившихся от неё старообрядцев.

Образ святителя Иоасафа Белгородского должен был служить настоящим укором многим архиереям начала XX века. Святитель с неукоснительной строгостью следил за соблюдением устава и церковной дисциплины, проявлял полную нестяжательность (по его смерти при архиерее обнаружены лишь 70 копеек). Трагическим укором служила и история о том, как другой архиерей, который должен был отпеть владыку, приехал лишь на сороковой день. В Синоде возникли некоторые трудности и предприняты были попытки отложить торжество. Тогда государь назначил канонизацию своею властью, начертая резолюцию: *«Благодатным предстательством святителя Иоасафа да укрепляется в державе Российской преданность праотеческому Православию ко благу всего народа Русского»*.

Совершенно понятен и не нуждается, кажется, ни в каких дополнительных пояснениях агиополитический смысл канонизации священномученика патриарха Гермогена, великого патриота Русской Земли, вдохновителя её освобождения от иноземного ига. Уморенный поляками в Кремле, патриарх стал мучеником и православия, и национальной идеи, и монархической верности законному государю.

Переживание, связанное с канонизацией патриарха, имело огромное значение для православных русских в 1917 году, когда совершено было восстановление Патриаршества в Русской церкви (также намеченное именно Николаем II), а затем в годину гонений, когда образ святителя Гермогена вёл русских архиереев

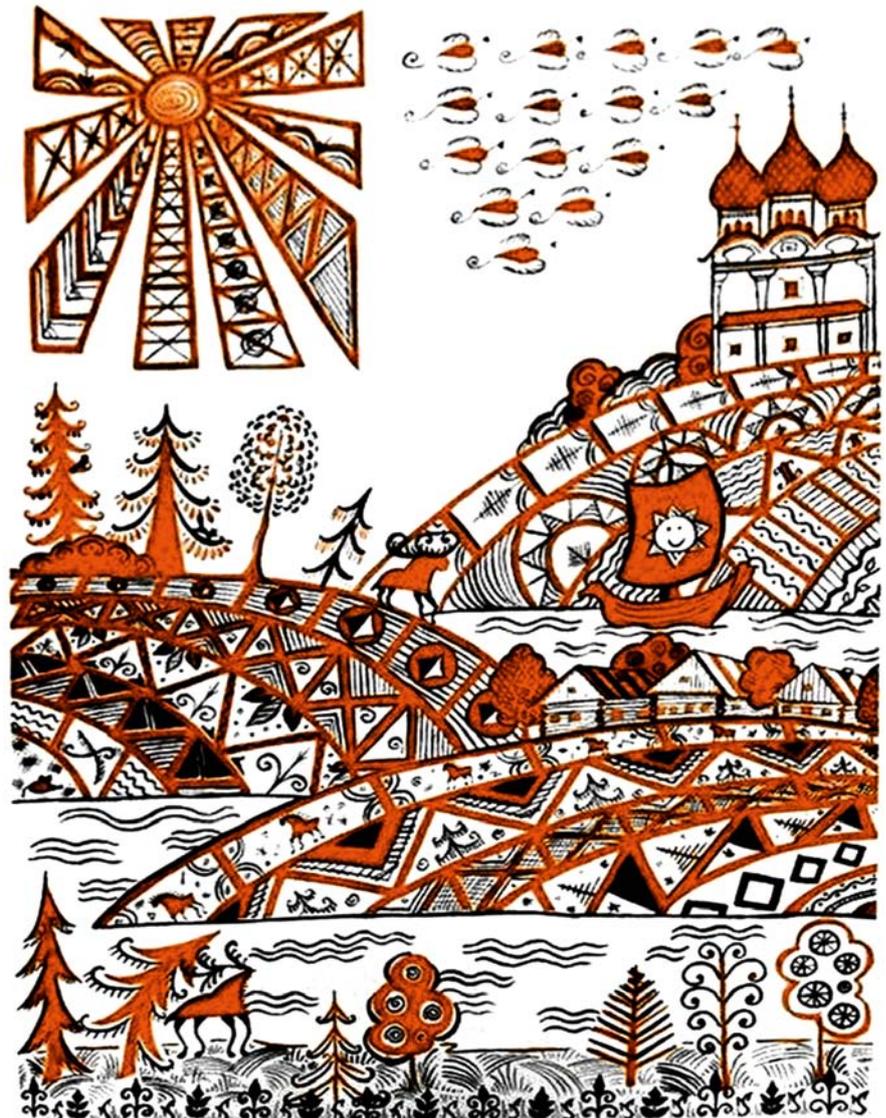

под штык и пулю богоборцев, когда не устрашали пастырей ни сбрасывание в прорубь, ни распинание на Царских Вратах алтарей, ни заливание свинца в горло.

Наконец, исключительное мистическое значение имело прославление преподобного Серафима Саровского, вклад в которое самого царя было невозможно переоценить. И здесь канонизация была совершена вопреки многим истерическим интригам «просвещённых людей», вопреки косности церковной бюрократии, фактически — как личное деяние императора как священного царя Русской Земли, взявшего на себя здесь (не восхищая, впрочем, церковного иерархического звания) функции первосвященника.

Именно в правление Николая II православным русским были открыты важнейшие и священнейшие элементы учения преподобного Серафима, ставившие понимание христианской жизни и смысла истории на совершенно новую, неизмеримую высоту. Это учение о стяжании Святого Духа как цели христианской жизни. Это и пророчества преподобного Серафима о конце времён, об оскудении веры, о его собственном пришествии в эти времена с проповедью покаяния, о той духовной «канавке», которую не сможет перескочить даже антихрист и которая защитит православных русских людей. С канонизацией преподобного Серафима Святая Русь приобрела новое измерение, она получила своего эсхатологического привратника, эсхатологического вождя, который введёт Россию в последнюю эпоху.

А в лице самого императора Святая Русь получила своего жертвенного царя. Для Николая Александровича было совершенно очевидно, что увенчать свою агиополитическую программу он может, только сам стяжав мученический венец. С пресечением династии Рюриковичей пресеклась и династия святых царей, и лишь усвоив свою жизнь стяжанием святости, царь мог освятить и прошлое своей династии, и свой народ, русскую нацию, став её небесным предстателем.

Понятно, что для стяжания такой святости недостаточно было ни аскетических, ни воинских подвигов, должна была пролиться царская кровь. И государь испытал на себе сначала всю тяжесть душевных мук — клевету, насмешки, подлости, непонимание самых близких, высокомерие тех, кто стоял умственно и нравственно на много голов ниже его. Затем к этому прибавились предательство, всеобщая трусливая измена и тотальный обман, ощущение всеобщей оставленности, издевательства, физические лишения. «Яко овца на заклание ведется и яко агнец непорочен прямо стригущего его безгласен». И, наконец, как увенчание царской Голгофы — смерть, жестокая смерть от рук подлых убийц, шеп-

тавших «кровь его на нас и на детях наших» и стремившихся обмазать этой кровью и весь народ.

Врагам Христовым и царёвым не удалось подговорить на царейбийство русский народ, они смогли осуществить лишь **жалкое каббалистическое приношение своим жалким демонам**. И «ад огорчился» смертью русского царя, которого ангелы привели непосредственно к престолу Божию, дабы молить там за народ русский во главе отряда прославленных его попечением святых и во главе поднятого им на Божественную Стражу легиона мучеников, не утративших след за своим царём принять венец славы от рук врагов, вступить в число «облачённых в белые одежды», молящихся за Россию.

/ Шамиль СУЛТАНОВ /

Мистика суфийского «вакта»

Три принципиальных положения в исламе вообще, а соответственно, и в суфизме, обуславливают сущность и смысловой контекст «сакрального времени».

Каждый миг Аллах вновь и вновь творит всю Реальность, ни на мгновение не прекращается эта величайшая творческая Работа.

Только в одном человеческом организме каждую секунду происходят сотни тысяч физических, физико-химических, химико-биологических, био-физиологических и других процессов. Даже в чисто материальном контексте каждый миг человек всегда есть нечто иное. Притом что есть и ещё более тонкие, гораздо более сложные духовные пласты личности. Хотя самому индивиду может казаться, что он тот же самый, что и час, день или неделю назад. И здесь надо просто вспомнить Иммануила Канта, который постулировал, что время и пространство — продукты человеческого сознания.

Суфии убеждены в абсолютной, тотальной креативности Аллаха, из которой, в частности, следует, что «если бы Ему пришлось показать Себя в сотнях тысяч теофаний, ни одна из них не была бы похожа на другую». Но суфийская диалектика идёт дальше этой констатации. Ты можешь видеть Бога в этот самый миг, в Его действиях и Следствиях. Но каждое мгновение ты видишь нечто новое, потому что ни одно из Его Действий не повторяет другое. При этом и ты сам, являясь только неотъемлемой частицей всемогущества Аллаха, в каждый момент претерпеваешь такие изменения, что ни на мгновение не остаёшься одним и тем же.

Путь непрерывного совершенствования требует готовности суфия к целенаправленным индивидуальным изменениям в соответствии с креативными знаменами Всезнающего. Ибо каждая личность, прежде всего, именно как «внутренний человек», а не только как трёхмерный внешний индивид, является уникальной епифанией Сокровенного Аллаха в Его в особом, неповторимом выражении. Ты способен познать лишь «собственного» Бога, поскольку осознать и выразить Его Абсолютную Трансцендентность объективно невозможно. Поэтому никто не способен постичь Аллаха таким, каким видят Его другие. Как утверждал ибн Араби, «для каждой твари Бог — лишь её частный Бог, а цельного Бога она не вмещает».

Во-вторых, ***Коран требует от верующего воспринимать окружающую реальность как непрерывное, креативное богооткровение.***

«Ты должен научиться так смотреть сквозь частные, обрывочные явления, чтобы видеть за ними всемогущество изначального бытия, величие высшей Реальности». Поэтому суфий обязан постоянно культивировать в себе сокровенное сакральное видение, неуклонно совершенствовать верующее осознание и внимание:

*Поистине, в создании небес и земли,
В смене ночи и дня,
В кораблях, которые плывут по морю
С тем, что приносит пользу людям,
В воде, что Аллах с небес изводит
И ею возвращает жизнь земле,
Когда она поникла в смерти.*

*Во всякой живности, что Он рассеял по земле,
В движении и смене ветров,
Что облака меж небом и землёй
Как слуг своих перегоняют —
Поистине, здесь кроются знамения для тех,
Кто разумеет.*

Коран, 2:164.

Ибн Араби особо подчёркивал, что весь мир состоит из знамений, которые указывают на Аллаха. Исходя из этого вывода, Физули писал:

«Если подготовленность постигшего позволяет ему воспринять внушение Всевышнего, то каждая пылинка станет Джабраилем, передающим веления Истины».

В личностном же плане знамения, которые ты обязан воспринимать и осознавать, указывают в том числе и на то, что Аллах создал и создаёт тебя, чтобы ты почувствовал, пережил и осознал свою исключительную уникальность. Только тогда Он сможет выражать Себя через тебя. «Видишь, Я стою у твоей двери и жду». Но именно ты как неповторимая индивидуальность сам должен открыть дверь.

В-третьих, ***окружающая реальность, в том числе и хронологическая (для личности, социума, культуры, цивилизации), существует, переживается и осознаётся в зависимости от качества, уровня взаимодействия знания и незнания (как творческой неопределённости). В каждом знании есть незнание, неопределённость, а в каждой неопределённости есть знание. Иногда — великое и величайшее.***

Знание реальности зависит от точки наблюдения (места наблюдателя). Поэтому уровень креативной неопределённости — точка формирования действительного сознания. Такая вдохновляющая неопределённость — важнейшая предпосылка взаимодействия знания и по-

знающего, а точнее, одного знания с другим знанием в одном сознании.

Реальность (в том числе и хронологическая) в суфизме формируется пятью странными и удивительными пластами, хотя на самом деле их больше.

«Меня окружает известное, которое я воспринимаю». Это известное определил и постоянно определяю я сам как часть культуры, как часть традиции. Или, во всяком случае, так мне кажется, и так я привык. Мне необходима некая повторяемость в своём существовании: моя жизнь может быть личностной и именно моей только в известном и предсказуемом мире. Я в этом убеждён.

Мир известного предсказуем именно потому, что я вижу его некую повторяемость. Хотя, может, и не вижу, но меня так убедили. И я себя считаю частью этой предсказуемости и повторяемости.

Вот этот предсказуемый мир и называется Известное — в физической, трёхмерной реальности.

Мир Известного — именно как воспринимаю его я сам, моё общество, моя культура — для дальнейшего сопоставления можно сравнить, например, с размерами футбольного шара.

Этот шар — Известное — окружён и пронизан со всех сторон миром Неизвестного. Как часто я говорю или думаю, не задумываясь: «Вот — известное, а вот — неизвестное». Но в реальности Известное просто не способно противостоять Неизвестному. Хотя бы из-за несопоставимости масштабов того и другого. Кроме того, каждый предмет, каждое событие есть одновременно компонент Известного и Неизвестного.

Например, каждую секунду мой телесный организм в совокупности получает 400 млрд бит информации. Но каждую секунду моё мышление осознанно из этого громадного объёма воспринимает всего лишь две тысячи бит. Две тысячи бит информации есть Известное. Четыреста миллиардов (без этих двух тысяч) есть Неизвестное.

Человеческое биологическое тело состоит из десятков триллионов клеток. Каждая клетка обладает своим индивидуальным сознанием и имеет множество воспринимающих рецепторов. Моё тело, как я вижу его в зеркале и насколько я знаю из каких-то книг и статей, это Известное. Девяносто триллионов взаимодействующих сознаний клеток тела есть Неизвестное.

Мой организм пронизан 84 тысячами энергетических каналов. Это Неизвестное. Но именно эти каналы обеспечивают функционирование человеческого индивида в мире Известного.

Любой предмет, любой процесс есть результат воздействия не столько действительности Известного, сколько влияния неопределённого Неизвестного, неотъемлемой частью которого ты являешься. Миры элементарных частиц, атомов, клеток, молекул, океана, нашей планеты, галактик, «чёрных дыр», Вселенной — это примеры Неизвестного.

Если Известное условно можно представить как футбольный шар, но Неизвестное это уже огромный шар, сопоставимый с планетой.

Отсюда следует очень важное следствие. События, феномены, явления и всё остальное, с чем я сталкиваюсь в этой трёхмерной физической реальности, имеют некое смысловое содержание, которое вытекает из их принадлежности к миру Известного. Но у них есть и второй, гораздо более объёмный, важный и скрытый смысл, связанный с тем, что все эти знакомые нам процессы и явления — одновременно и неотъемлемая часть мира Неизвестного.

Если предположить, что человечество будет существовать неограниченное количество времени, например, миллиарды лет, то Известное, конечно, возрастёт существенно. Но и в таком случае Неизвестное по-прежнему останется массивной, сумрачной планетой.

Но мир Известного и мир Неизвестного, в свою очередь, находятся внутри, пронизаны, пропитаны и подчинены реальности **Тайны (сирр)**. Самый понятный образ реальности Тайны: совокупность или множество многомерных миров (например, четырёхмерный, пятимерный или семимерный) по сравнению с нашим привычным трёхмерным миром. Самое существенное: эти иные по своей мерности миры нынешний трёхмерный человек воспринять не может в принципе, для него они как бы не существуют.

Но почему реальность Тайны просто не назвать продолжением мира Неизвестного? Мир Неизвестного в принципе может быть выражен через грамматические структуры трёхмерных языков, пусть иногда и с большими трудностями. Но невероятная по сложности реальность Тайны требует принципиально других форм мышления и сознания, а соответственно, и других языков выражения.

Кроме того, мир Неизвестного в принципе есть некая повторяемая действительность. Именно поэтому реальность Неизвестного — это то, что познаваемо, где возможны эксперименты, это то, что вмещается в странные и парадоксальные гипотезы, концепции, модели и картины мира. Самый известный пример —

высказывание Нильса Бора: «Эта теория недостаточно безумна, чтобы быть верной».

Мир Сирра — нечто совершенно иное: здесь каждый момент (для потенциального наблюдателя) настолько уникален, что требуется принципиально иной фокус видения. Если экспериментальный подход основывается на относительной повторяемости, то здесь такой повторяемости нет и быть не может.

Наконец, если между мирами Известного и Неизвестного нет границы, поскольку Известное всегда часть реальности Неизвестного, то между миром Тайны и миром Неизвестного расположена пограничная полоса, странный переход, который

ного. Мир Тайны, на самом деле, «здесь и сейчас», он непрерывно пронизывает Известное и Неизвестное, постоянно на них воздействуя, ибо включает в себя и Известное, и Неизвестное как неотъемлемые собственные компоненты.

Но есть ещё и реальность **Сокровенного (хафи)**, совершенно иное даже по отношению к миру Тайны. О реальности Хафи вообще нельзя ничего ни сказать, ни подумать, ни вообразить, кроме того, что он есть, или, точнее, что он должен быть.

Если мир Известного условно можно сравнить с обычным футбольным шаром, мир Неизвестного подобен по своим масштабам планете

называют «миром джиннов», «параллельным миром» и т.д. Тем не менее реальность Сирра обуславливает и пропитывает миры Известного и Неизвестного, господствует над ними.

Приближение к восприятию мира Тайны требует радикального революционного разрыва с общеизвестными рациональными парадигмами, безусловного преодоления дихотомий «есть–нет», «объективное–субъективное», «материя–сознание», «знаю–не знаю». Мышление, сознание на принципе «знаю–не знаю» действует только в мирах Известного и Неизвестного: но в Сирре «знать» вовсе не означает «есть», а «знание» может и не быть «бытием».

Если Известное сравнивать с футбольным шаром, а Неизвестное — это нечто размером с нашу планету, то реальность Тайны по своим грандиозным масштабам подобна шару, охватывающему, например, галактику Млечного пути.

Но и реальность Сирра нельзя представлять как нечто совершенно «иное» и «отчуждённое» по сравнению с мирами Известного и Неизвест-

Земля, мир Тайны — это шар, сопоставимый с нашей родной галактикой, то мир Хафи — это шар, в котором помещается вся Вселенная, а может быть, и все остальные возможные Вселенные.

Поэтому в начале азана — призыва к намазу — именно четыре раза, а не три, пять или семь раз, провозглашается «Аллаху Акбар!» — «Всевышний превыше всего!». Именно четырёхкратный такбир (провозглашение) во время азана — «Аллаху Акбар!» — напоминает мусульманину об основополагающих смысловых уровнях Реальности, которые его постоянно окружают и которые на него воздействуют.

Сама по себе формула «Аллаху Акбар!» есть выражение высшей метафизической, одновременно креативной формулы страха перед Всевышним. Но страха не животного, не физиологического, не чувственного, не эмоционально-парализующего, а мистического и вдохновляющего.

«Аллаху Акбар!» — Всевышний всегда выше знакомой, обыденной, профанической,

трёхмерной квазиреальности, превыше привычных навязанных обликов и образов материального мира, превыше Известного. Путь к Нему предполагает преодоление, выход за уровни внешнего индивида. Ты можешь искать Его в мире Известного, но найдёшь только указания на Его бытиё. Но не самого Всемогущего.

«Аллаху Акбар!» — Всевышний всегда превыше реальности Неизвестного. Мир Неизвестного, как и Известное, — от Всевышнего. И потому всё в этой реальности Неизвестного есть отражение ликов Аллаха. Ты будешь искать Его в мире Неизвестного, но найдёшь только

азана является сакральным напоминанием о нескольких глубинных смысловых уровнях понимания и переживания во взаимодействии внутреннего сознания верующего со Всевышним.

Но некоторые шейхи суфизма говорили и об особом **пятом уровне реальности Осознания — Ахфи, Наисокровеннейшее.**

И насколько ни казалась бы незначительной роль человека во взаимодействии с этой величественной, безграничной иерархией Реальности, тем не менее неким парадоксальным образом эта роль оказывается особо значимой для Всевышнего.

ещё более загадочные свидетельства о Нём. Но не самого Всемогущего.

«Аллаху Акбар!» — Всевышний превыше мира Тайны, который всегда остаётся Тайной для внешнего, трёхмерного индивида. Но и реальность Тайны — от Всемогущего, который этот мир, как и мир Неизвестного, и мир Известного, постоянно, каждое мгновение, каждый миг творит, воспроизводит именно как тотальную, живую реальность. Ты можешь искать Его в этой реальности Сирра, и у тебя будут возникать соблазны принять саму Тайну за Него. Но Всемогущий и здесь превыше всего!

«Аллаху Акбар!» — Всевышний превыше даже мира Хафи, о котором мы ничего не можем сказать, кроме того, что он также от Всемогущего. Ты сможешь на новых невидимых крыльях устремиться к Нему, когда осознаешь вместе с реальностью Хафи, что Он по-прежнему превыше всего!

Таким образом, четырёхкратное провозглашение «Аллаху Акбар!» пять раз в сутки в начале

Взаимодействие «внутреннего человека» с Реальностью оказывается возможным в рамках великого и постоянного Настоящего, которое в суфизме называется «вакт».

Вакт — это и время вообще, и некое конкретное время, и вот этот именно миг. Предельная внимательность к вакту, к этому «сейчас» — ключ к секрету действительного Настоящего, которое может быть и мигом, и секундой, и минутой, и часом, и днём, и годом, и тысячелетием, и вечностью.

Только осознанно контролируя свой вакт, суфийский мастер может стать свободным и независимым от иллюзорного прошлого и будущего: «Не занимай своё драгоценное время ничем, кроме того, что бесценно — непрерывным пребыванием между прошлым и будущим».

...Однажды в поисках мудрости Харун ар-Рашид посетил великого суфийского мастера Абу Али Шакика Балхи.

Шакик спросил халифа, отдаст ли он половину своих владений тому, кто даст ему

глоток воды, если он будет умирать от жажды в пустыне.

Халиф ответил, что отдаст.

И, продолжил шейх, отдаст ли он вторую половину тому, кто поможет ему выпить эту воду, если он не сможет сделать это сам.

Халиф сказал, что отдаст.

Тогда Шакик попросил Харуна ар-Рашида подумать, почему он ценит своё государство так высоко, если это то, что можно отдать всего лишь за мгновенный глоток воды...

Прошлое — мёртвая память, а будущее не существует. Настоящее мгновение, действительный вакт — не между иллюзорными будущим и прошлым, а постоянное измерение вне времени.

...Великий шейх суфизма Абу-ль-Касим аль-Джунайид ибн Багдади сказал: «Святой не имеет страха, ведь страх это ожидание будущей беды либо возможной утраты предмета желания. Но святой — сын своего «сейчас» (ибн вактихи), он вне будущего, и ему нечего опасаться. А раз страх отсутствует, то нет и надежд. Ведь надежда — это ожидание обрести объект желания либо избавиться от беды, а это относится к будущему. «Сын своего «сейчас» не имеет и печалей, ведь человека печалит неумолимость времени; откуда возьмётся печаль у того, кто пребывает в свете довольства (риза) и в саду согласия?»

Созерцание неповторимого момента, достижение вакта — абсолютно невозможно, если ты сам не внутри этого момента, если ты сам не переживаешь, не осознаёшь и не создаёшь этот миг. И в то же время ты должен почувствовать, что ты сам — дитя этого мига!

Истинный «сын своего момента» обладает сокровенным секретом находиться в непреходящем «сейчас». Не надо думать о настоящем, не следует представлять его, не нужно мечтать о нём, но требуется реально **быть в настоящем мгновении, чтобы превратиться в этот миг!** Ибо реальная сила сконцентрирована именно в вакте. Чем яснее, полнее, чётче ты осознаёшь Настоящее, тем могущественнее твоя сила. Именно здесь тайна суфийской магии!

Для того чтобы жить в настоящем, нужно вытащить себя из иллюзорных сетей прошлого, извлечь себя из майи будущего. Тогда происходит концентрация силы, тогда это маленькое мгновение становится громадным и сияющим. В этом отношении каждый момент, каждый вакт и есть цель!

Иллюзорное прошлое или будущее — только некоторые из теней Настоящего. «Если твоё

Для того чтобы жить в настоящем, нужно вытащить себя из иллюзорных сетей прошлого, извлечь себя из майи будущего. Тогда происходит концентрация силы, тогда это маленькое мгновение становится громадным и сияющим. В этом отношении каждый момент, каждый вакт и есть цель! Иллюзорное прошлое или будущее — только некоторые из теней Настоящего. «Если твоё осознание может переносить прошлое и будущее в сегодняшний день, то, следовательно, прошлое и будущее становятся подвластны тебе. Таким образом ты получаешь возможность их изменять».

осознание может переносить прошлое и будущее в сегодняшний день, то, следовательно, прошлое и будущее становятся подвластны тебе. Таким образом, ты получаешь возможность их изменять».

...Один из главных выводов квантовой теории заключается в том, что существует только «сейчас», и, соответственно, один час, например, настоящего ничем не отличается от далёкой вечности. Всё всегда происходит в текущем моменте, поскольку прошлое, настоящее и будущее существуют одновременно. Следовательно, необходимо проживать жизнь минуту за минутой, мгновение за мгновением, день за днём, полностью погружаясь в «здесь и сейчас». Исходя из того, что «сейчас» — это всё, что у тебя есть.

Более того, Эрвин Шредингер, один из создателей квантовой механики, сделал однажды заявление, которое полностью соответствует суфийской традиции: «Настоящее — единственная вещь, которая не имеет никаких пределов и границ».

...Истина — это не то, что есть раз и навсегда, а то, что есть раз и навсегда именно в этот миг. Ведь всякое мгновение есть откровение Всемогущего Аллаха. И тогда — «здесь и сейчас» — этот вакт проявляется только для тебя! Пребывая в этом миге, ты должен жить именно этим текущим моментом, каждый раз являясь тем, что именно твой вакт от тебя требует.

Если я нахожусь «здесь и сейчас», то я являюсь неотъемлемым компонентом данной ситуации, а она — часть меня. И если я это

вижу, если я это осознаю, если я это переживаю, если я и есть «здесь и сейчас», то, следовательно, существует нечто, что я должен безусловно сделать, и я делаю это, без мысли, мотива, без ожидания награды. Это и есть знаменитое «требование момента» в контексте Работы.

...Потому-то к истинно видящим и осознающим обращён вечно юный суфийский призыв: «Увеличьте свою необходимость!»

...Но один миг может стать и вечностью, если ты оседлаешь этот момент и используешь для того, чтобы ухватиться за целостность самого себя навсегда и в любом направлении. Ибо **вечность — безграничный, тотальный океан, а время — это всего лишь рябь на поверхности океана**. Волны на поверхности яростно бьются друг о друга. Но Океан всегда пребывает в покое и спокойствии...

...Однажды аль-Джунайд поведал следующее: «В пустыне, в неприглядном, необитаемом месте, я увидел дервиша, он сидел под деревом мимозы. Я спросил, что заставило его пребывать здесь. Он сказал:

— Я утратил здесь свой вакт — и вот сижу и скорблю.

Я спросил, сколько времени он находится в этом месте. Он ответил:

— Двенадцать лет. Может, шейх сделает дуа за меня, и я снова обрету свой вакт?

Я ушёл, совершил хадж и обратился с дуа за него. Молитва была принята. Возвращаясь, я увидел, что он сидит на том же месте.

— Что же ты не уйдёшь отсюда, ведь твое желание исполнилось?

— О шейх, — ответил дервиш, — я жил в этом уединённом месте, где утратил свой вакт. Правильно ли будет оставить его, ведь здесь ко мне вновь вернулся мой вакт, и здесь я наслаждаюсь общением с Господом? Пусть шейх идёт с миром, а я смешаю свой прах с прахом этого места, чтобы в день Воскресения восстать именно здесь.

...Когда же я вновь тронулся в путь, то сказал себе, что этому каландару возвращён не только его вакт, но и даруется его **халь (состояние)**...

Всемогущий Аллах никогда не проявлялся и не проявляется одинаково дважды: «...каждый день Он за делом» (55:29). Поэтому каждый вакт всегда уникален и неповторим. Каждый миг — это всегда новая Реальность, это всегда новые видимые и невидимые вселенные, это всегда новая Работа.

Для истинного суфия существовать в потоке Реальности — значит творить его момент за моментом вместе с Ним.

И вот именно здесь, вероятно, кроется наиболее драматический вызов для истинного суфия. Чтобы соответствовать потоку абсолютной креативности Всевышнего Аллаха и каждый момент рождаться заново, необходимо научиться и умирать каждый миг.

«Нужно научиться осознанно умирать для себя каждое мгновение, вновь осознанно рождаться и жить каждое мгновение! И это не пожелание, а беспрекословное Требование!»

Предельная реальность мига исключает свободу выбора. Вакт недостижим для личностных усилий, ибо не зависит от индивидуальной воли. У тебя нет возможности ни привлечь его к себе, ни оттолкнуть от себя, его не купить и не обменять — даже на собственную жизнь. Вакт может быть только осознан и пережит — с той или иной глубиной и эффективностью.

А потому мгновение — это не некая искусственная точка в потоке иллюзорного времени. Вакт — величайшая энергия или сила, вызывающая тотальное движение: космоса, галактик, планет, клеток, атомов, элементарных частиц, мысли, Тайны, Сокровенного.

Профаническому большинству мгновение может казаться чем-то эфемерным, что стремительно мелькает и исчезает в прошлом. Но **действительная сила мгновения коренится в качестве вмещающегося в нём сознания**.

Безупречно осознавать текущий вакт — значит позволять каждой минуте настоящего, каждому дню быть такими, какие они есть. **Необходимо полностью присутствовать в том, что происходит с тобой в данную минуту, принимая каждое мгновение настоящего во всей его уникальности и неповторимости. Каждое мгновение совершенно не похоже на то, что было до или будет после него. Если не присутствовать в нём, если не осознавать его каждой частичкой своего существа, то оно исчезнет навсегда.**

...В личностном осознании, как и в Абсолютном Сознании нет времени, нет начала, нет конца. Создатель и то, что Он непрерывно создаёт, едины. Всё находится в одном вечном моменте. Всё есть Он. Ничего никогда не происходило и не происходит, поскольку всё уже здесь...

Вечное мгновение — это безвременное мгновение, которое не знает ни прошлого, ни будущего, ни «до», ни «после», ни «вчера», ни «завтра», ни рождения, ни смерти. Вечность есть не осознание бесконечно длящегося времени, но истинное осознание, которое само по себе полностью безвременно.

Только такое сознание непрерывно привязано к Настоящему, к Мигу. Обычный рациональный ум оперирует прошлым и будущим. Но постоянное совершенствование сознания требует интеграции в вечность беспредельного мгновения, в вечность вакта.

Вот именно на этом этапе мюрид, если он достиг нужной степени совершенствования, получает четыре важнейших указания:

- осознавай спонтанно и непосредственно, не держись за осознанное, забудь немедленно;
- не бывает плохих и хороших дел; есть поступки, сделанные в нужный момент, и поступки, совершённые не вовремя;

в этом моя нужда, нужда именно в данном Миге! Если это не так — то как же? Почему тогда всё здесь? Аллах знает, когда тебе нужна нищета, и Он знает, когда тебе нужно богатство. И Он знает, когда тебе нужно голодать, также Он знает, когда тебе участвовать в пире. Он знает! И в этом моя нужда в этот момент — знать то, что Он, через меня, знает о сущности данного момента!».

...Окончательное исчезновение связи с **собственным нафсом, с собственным ложным «я»** значит, что ты стал действительно текучим, превратившись в чистый иман, чистое сострадание, чистую любовь, чистое осознание. Для тебя тогда всё сконцентрировано только

- каждый момент твоей жизни — это возможность; и величайшая возможность — узнать цену этой возможности;
- действительная осознанность — это сознание мгновения настоящего; нет другого момента истины, кроме «именно вот этого»; истина — это не то, что есть раз и навсегда, а то, что есть раз и навсегда именно в этом Миге, в этом вакте.

...Байазид был очень беден, голоден и окружён множеством опасностей. Ночь была бесконечно темна, а он сидел под деревом вне стен города.

И один из его мюридов сказал: «Ну и как быть с нынешним положением? Если Он знает, что Его возлюбленный Байазид в такой нужде, что город изгнал его, что он сидит под деревом, а вокруг бродят свирепые дикие звери, не давая даже возможности заснуть, — о каком Боге ты говоришь? Разве Он не знает, в чём ты нуждаешься?»

Байазид рассмеялся и сказал: «Он знает, что то, что нужно именно в настоящий момент, —

в данном вакте. Это мгновение становится **необыкновенным богатством, в котором Настоящее вбирает в себя всё прошлое и всё будущее**. И ты тогда уже не можешь сказать о моменте полного осознания, что это нечто не существующее; но ты не можешь также сказать, что оно существует.

Действительные покой и безмятежность наступают только при полном отсутствии сопротивления переживанию настоящего мгновения...

...Твоё внимание концентрируется на том, что необходимо в данный момент... Нет смысла думать о том, что необходимо сделать. Только в тишине, существующей вне мысли, можно услышать беззвучную симфонию Реальности, шёпот Слова... Вакт является вневременным понятием, и он не согласуется с пространством...

Но Миг — это и возможность перехода к тому, что называется «халь» (мистическое, экстатическое состояние), — то, что нисходит в вакт и наполняет его собою. Имея Миг без халья, можно утратить этот вакт. Когда же момент

наполнен «состоянием», то положение уже не может быть утрачено.

Для обладателя вакта мир становится то адом, то раем: то он скорбит об отдалённости от Него, то в благословении созерцания его сердце становится подобным Раю. И каждый Миг приносит ему дар и благую весть от Всевышнего.

Но для обладателя халья нет разницы, находится ли он за завесой горестей, или завеса снята блаженством, ибо он всегда находится в положении «здесь и сейчас» видения.

Каждый халь содержит уникальную тайну, которая может раскрыться только тогда, когда отброшены все надежды и страхи. Но этот секрет исключительно для тебя, поскольку связан

Вдруг неожиданно во дворец зашел мастер Шахабитдин бин Умар Сухраварди. Правитель почтительно его приветствовал. Мастер, конечно, уже знал о споре, а потому сказал: «Я приведу своё доказательство».

Он попросил принести сосуд с водой и предложил правителю окунуть на секунду голову в воду. Тот сделал это, но едва он коснулся лицом воды, как оказался один, полностью обнажённый, на пустынном берегу моря в совершенно незнакомом месте. Не помня себя от ярости, правитель поклялся отомстить шейху за его предательские чары.

Вскоре ему повстречались дровосеки. Они спросили его, как он здесь очутился. Не же-

с твоим намерением. И эта тайна обязательно изменит тебя. Если ты будешь внимательным и бдительным, то в каждом мгновении ты увидишь ответ на свои действия. И если у тебя чистое сердце, то в результате каждого действия в тебе родится нечто.

...Давным-давно, в присутствии правителя Шама, разгорелся спор по поводу ночного мираджа Посланника Аллаха. Тогда Пророк был вознесён со своего ложа в Медине сначала в Иерусалим, а оттуда — прямо в небесные сферы. Там он беседовал с Аллахом, увидел рай и ад, встретился со многими предыдущими пророками, пережил ещё многое другое и возвратился в Медину в то время, когда его постель ещё не остыла, а сосуд с водой, перевернувшийся при его восхождении, даже не успел полностью опустеть.

Суфийские шейхи утверждали, что ночной мирадж абсолютно достоверен, поскольку **Посланник Аллаха находился в состоянии своего вакта — в великом Настоящем**. Правитель же не очень понимал этот аргумент.

лая выдавать своего истинного положения, правитель сказал, что его корабль затонул, а ему единственному удалось спастись. Они дали ему кое-какую одежду, и он направился в город. Там какой-то кузнец увидел его в столь жалком виде и спросил, кто он такой. «Я — купец, — ответил правитель, — все мои товары погибли в кораблекрушении, мне же удалось спастись, но я остался нищим и голым. А эту одежду дали мне дровосеки».

И тогда кузнец рассказал ему, что по древней традиции их страны любой пришелец может сделать предложение первой женщине, выходящей из бани, и она, если у неё нет своей семьи, обязана дать согласие выйти за него замуж.

Правитель подошел к бане и увидел выходящую оттуда прекрасную женщину. Он спросил её, замужем ли она. Оказалось, что у неё есть муж. Вторая была безобразная, но, к счастью, и она оказалась замужем. И третья была замужем. Он подождал ещё немного и увидел престельную женщину. Она сказала, что у неё

нет мужа, но прошла мимо него, видимо, её оттолкнул его жалкий вид.

Через некоторое время перед правителем появился какой-то человек и сказал: «Меня послали отыскать здесь чужеземца в грязной одежде. Пожалуйста, следуйте за мной».

Правитель последовал за слугой, и скоро они вошли в великолепный дом. Слуга провёл его в богато убранную комнату и оставил одного. Прошёл час, и в комнату вошли четыре прекрасные женщины в роскошных одеждах, вслед за ними появилась пятая, ещё более прекрасная. Правитель узнал в ней ту женщину, которая ответила, что не замужем. Она приветствовала его и объяснила, что торопилась подготовить дом к его приходу и что её холодность была всего лишь соблюдением обычая, которого придерживались все женщины этой страны на улице.

Правителя одели в изумительные одежды, принесли для него изысканные яства и весь вечер услаждали его слух утончённой музыкой.

Семь лет прожил он со своей женой, пока они не растратили всё её состояние. Тогда женщина сказала, что теперь он должен обеспечить её и семерых их сыновей.

Так как правитель не знал никакого ремесла, он решил пойти на базар и наняться носильщиком. Но в первый же день работы, перетащив ужасно тяжёлый груз, он заработал только одну десятую часть того, что было необходимо для прокормления семьи. Отчаяние охватило его.

На следующий день правитель пришел к морю и отыскал то самое место, где он очутился семь лет назад, погрузив голову в сосуд с водой. Решив помолиться, он стал совершать омовение и, окунув голову, вдруг увидел, что находится в своём прежнем дворце, рядом с шейхом и придворными. Перед ним стоял сосуд с водой.

— Семь лет в изгнании, о злодей! — заорал правитель, — семья, необходимость быть носильщиком! И как ты не побоялся Всемогущего Аллаха!

— Но ведь это длилось только одно мгновение.

Придворные подтвердили слова шейха, но правитель никак не мог заставить себя поверить в это.

Шейх Шахабитдин же сказал:

— Семь лет прошли для тебя в течение одного Мига, пока твоя голова была в воде, — это всего лишь проявление определённых способностей. Ты спросил о том, могла ли постель не остыть, а сосуд не опустеть, как об этом

Для обладателя «халы» (состояния) нет разницы, находится ли он за завесой горестей, или завеса снята блаженством, ибо он всегда находится в положении «здесь и сейчас» видения. Каждый халь содержит уникальную тайну, которая может раскрыться только тогда, когда отброшены все надежды и страхи. И эта тайна обязательно изменит тебя. Если ты будешь внимательным и бдительным, то в каждом мгновении ты увидишь ответ на свои действия. И если у тебя чистое сердце, то в результате каждого действия в тебе родится нечто.

говорит хадис Посланника Аллаха? Не то важно, может что-либо произойти или не может, — всё может произойти. Важно осознание смысла происходящего. Переживание Пророка Мухаммада имело глубочайшее значение, тогда как произошедшее с тобой не имело никакой ценности. Даже для тебя!

...Ветка, увешанная плодами, в руке есть бесконечно вдохновляющий мистический символ, означающий одну из целей суфийского совершенствования: достижение такого макама (ступени), где каждое мгновение становится плодотворным.

Истинный суфий не рассматривает свою жизнь отдельно от Работы, беря в этом пример с Посланника Аллаха и его сподвижников...

...Когда сподвижники Пророка становились на намаз, их охватывал страх, они покрывались потом, порой кровавым, не в силах унять неконтролируемую дрожь... Они боялись, что не справятся с ответственностью, не смогут в этот Миг выполнить свой долг.

Когда они становились на намаз, то делали это со своим «внутренним человеком», вовлекая в свой салат видимые и невидимые миры этой реальности.

— О повелитель правоверных! Почему, когда наступает время намаза, цвет твоего лица меняется, а сам ты начинаешь дрожать?

— Потому что вновь приходит срок выполнить долг, который не смогли поднять земля и небо, который не смогли сдвинуть горы! И я не знаю, получится ли у меня именно сейчас выполнить его так, как Он заповедовал? — отвечал великий хазрат Али — четвёртый праведный халиф ислама.

Два мессианства. Противостояние

Авторский экспертный доклад Владимира МОЖЕГОВА

Практически все философы Нового времени начиная с просветителей интерпретировали историю в безусловно прогрессистском духе: сегодня лучше, чем вчера, завтра будет лучше, чем сегодня. Время постмодерна, почти покончив с прогрессистскими иллюзиями, сбивчиво заговорило то о «конце истории», то о «столкновении цивилизаций», одновременно пугая обывателя различными версиями антиутопий и постапокалипсисов. Однако начиная смутно догадываться, что «просветители», обещавшие Светлое завтра, обвели его вокруг пальца, человек постмодерна не может уже и вернуться к стройным картинам Священной истории Средних веков: он слишком много узнал и уже почти во всём разуверился.

Современный историк, если он хочет вернуть истории смысл (а следовательно, и смысл существования современному человеку), должен увидеть отражение священной истории в зеркале истории политической; услышать биение сердца Священной истории в эмпирических тканях истории мировой. Таким будет и наш подход. Мы предлагаем посмотреть на историю как **столкновение двух глобальных мессианских проектов, двух проектов священной истории** или, условно говоря, двух идей: римско-имперской и иудео-мессианской.

Начиная с III в. до н.э. два эти проекта формировались в тесном взаимодействии, чтобы к V–VI вв. н.э. кристаллизироваться уже в новом качестве в виде **христианско-мессианского (далее ХМП) и антихристианско-мессианского (далее АМП) проектов.**

Своё высшее воплощение христианский мессианизм находит при римских императорах Юстиниане и Ираклии (VI–VII вв.). Ещё одну попытку реализовать христианскую мессианскую программу предпринимает католический Запад в экспансии Крестовых походов. После неудачи этих попыток всё большую силу начинает набирать альтернативная мессианская программа, которая

с падением Константинополя (1453) и началом Реформации (1517) переходит в решительное наступление. Важными фазами реализации АМП становятся: Реформация, захват Европы ростовщицким капиталом, английская, французская, американская, русская революции, мировые войны XX века, послевоенное наступление идеологии неолиберализма, культурмарксизма, неоконсерватизма и проч. Сегодня, когда АМП близок к своему завершению, внимательное изучение этого феномена становится как никогда актуальным. Этому и будет посвящена наша работа

ИСТОРИЯ НАЧИНАЕТСЯ

Обозревая с высоты сегодняшних знаний горизонты человеческой цивилизации, не трудно убедиться, что большую часть бытия человечества история как таковая отсутствует. От едва являющейся из тумана времён цивилизации шумер до самых последних веков дохристианской эры нам откроется лишь неспешное медитативное кружение архаичных культур вокруг своих сакральных центров, абсолютно равнодушных к истории. Такое принципиально внеисторическое бытие архаичного человека, как убедительно показал Мирча Элиаде (см. М. Элиаде «Миф о вечном возвращении») было совершенно осознанным, а формула жизни архаичных цивилизаций «Так делали боги — так делают люди» оставалась неизменной тысячелетиями. Выйти из зачарованного хоровода вечного возвращения и бросить историю вперёд могло только нечто совершенно новое — некое ожидаемое ещё Событие, которое переводило бы мир в новое качество. По-видимому, первые идея такого События является у персов, в мировоззрении которых мир представлял собой арену священной войны божественных армий Ахура-Мазды и противостоящих ему демонических полчищ Ахримана. История в представлении персов становилась, таким образом, полем битвы сил света и тьмы в ожидании

Спасителя-Саошьянта, который положит конец демоническому смешению Ахримана и даст сигнал к воскресению мёртвых и преобразению вселенной. Так, впервые является идея Священной истории, исполненной великого смысла и великой мечты. Этой сверхидеей инспирирована была и персидская империя Сасанидов, принявшая Зороастризм в качестве государственной религии.

Империя Александра Македонского, принявшая у Сасанидов эстафету империи, переняла и её главный принцип: настоящая империя должна иметь сверхидею (*imperio* — высшая власть, власть всевышнего). Сверхидеей греков стала высокая эллинистическая культура, которую они несли миру. Наконец, в римском прочтении принцип империи получил политическое значение справедливой власти над миром.

*Я же могуществу их не кладу
ни придела, ни срока,
Дам им вечную власть...
Римлянин! Ты научись народами
править державно —
В этом искусство твоё! — налагать
условия мира,
Милость покорным являть и смирать
войной непокорных... —*

В этих эпических формулах «Энеиды» Вергилий оформил политическую программу Рима.

Рим, однако, оказался не одинок в своих притязаниях... Иудеи кажутся народом, во всём противоположным римлянам. Их крайний национализм и патернализм как будто бросают вызов универсализму и открытому духу Рима. Лишь в одном они оказываются схожи: непреложном убеждении своего права на владение миром. «... И всю землю, которую видишь, дам тебе и потомству твоему навеки... И сделаю потомство твоё как песок земной... И благословятся в тебе все племена земные...» (Быт. 13, 14–17) — этим обетованием праотца Авраама, полученным от Иеговы, обосновывает иудей свою мессианскую религиозно-политическую программу.

Синедрион объединял в себе парламент, правительство и верховный суд, под санкции которого при определённых обстоятельствах мог попасть и сам царь Израиля. В состав его входили представители жреческой, финансовой и интеллектуальной элиты. В сущности, перед нами нечто вроде ограниченной президентской республики, напоминающей строй современной Америки и вообще нынешнюю демократию. Что и не удивительно: пуритане, отцы-основатели США, ориентировались именно на политические реалии древнего Израиля.

Позднее Христианская церковь назовёт Авраама «отцом всех верующих» и отнесёт свершение обетований к Иисусу Христу, придав завету Авраама с Богом поистине универсальный, всечеловеческий смысл. Но народ, имевший основания называть себя «детьми Авраама», относил обетования, прежде всего, к себе лично. Так, на стыке римской и иудейской идеи, римского и иудейского политического проектов начинается движение истории, как мы её знаем. Истории, во внутренних тканях которой начинает формироваться и биться сердце истории Священной.

СВЯЩЕННАЯ ИСТОРИЯ: ХРИСТОС И АНТИХРИСТ

Свое окончательное оформление еврейская мечта о Мессии, инспирированная обетованием Авраама, сформированная в духовной инициации Моисея, вызревшая в царствах Давида и Соломона, получит в Вавилонском плену. Здесь, под влиянием вавилонского пантеизма, иранского дуализма и элитаризма, мечта эта оформится в идеологию национальной избранности и обратится ожиданием земного царя, который принесёт жреческой касте Израиля власть над всеми царствами мира.

Уже псалмы Давида полны пророчествами о мессии-царе, которому Яхве дарует власть над всем миром (Пс. 71, 8), который «будет властвовать

от моря до моря и от реки до концов земли» (Пс. 72, 8), воссядет на троне одесную Бога (Пс. 109, 1) и т.д. Теперь же слова Исаяи «И жезлом уст своих будет пасти народы» начинают пониматься в предельно буквальном репрессивном духе.

К тому времени, когда Иудея окажется под властью Рима, все три мировых центра еврейства: Вавилон — сосредоточение тайной мудрости Израиля; Александрия — финансово-культурный центр и Иерусалим — политический центр, — будут страстно ожидать скорого прихода Мессии. Политическое единство столь разобщённого народа (эллинизированного еврейства Александрии, мистиков Вавилона и фанатиков-зелотов Иерусалима) обеспечит Синедрион — высшая инстанция политической власти Израиля. Синедрион объединял в себе парламент, правительство и верховный суд, под санкции которого при определённых обстоятельствах мог попасть и сам царь Израиля. В состав его входили представители жреческой, финансовой и интеллектуальной элиты (всего 71 или 72 человека), в основном члены саддукейской и фарисейской партий. В сущности, перед нами нечто вроде ограниченной президентской республики, напоминающей строй современной Америки и вообще нынешнюю демократию. Что и не удивительно: пуритане, отцы-основатели Америки, ориентировались именно

на политические реалии древнего Израиля. В системе Синедриона еврейский народ оказался крепко связан властью священнической, финансовой и учёной аристократии.

Религиозный закон позволял иудейской элите глубоко проникать в сознание народа, на котором она оттачивала технологии тотальной власти над умами. В исторический момент прихода Мессии вожди Синедриона вынесут вердикт о виновности Иисуса и предадут его, с разрешения римского прокуратора Пилата, казни, заставив народ кричать: «Кровь Его на нас и на детях наших» и «Нет у нас царя, кроме кесаря». Через три века после Пилата Римская империя станет христианской. Иудейская же элита, не принявшая Мессию-Христа, продолжит подготовку прихода иного Мессии. Так будет завязан трагический узел всей последующей истории западной цивилизации. Однако для понимания её политических механизмов необходимо более внимательно осветить историю экспансии еврейства в античном мире на пике его мессианских ожиданий.

РИМ И ИУДЕЯ: МЕССИАНСКАЯ ВОЙНА

В III–I вв. до РХ еврейство предпринимает колоссальную по масштабам и страсти религиозно-культурную экспансию, цель которой — подготовить мир к принятию Мессии. Центром экспансии становится Александрия. Здесь на греческий язык переводится Библия (Септуагинта, перевод Семидесяти); здесь же Филон Александрийский предпринимает попытку перевести на язык эллинской мысли еврейскую систему мира, уча о том, что Платон почерпнул свою философию у Моисея.

Еврейский прозелитизм был планомерным наступлением, направленным своим остриём на обращение культурной и политической элиты римского мира. Некоторые исследователи утверждают, что на пике экспансии религию Моисея исповедовало до 7–8% жителей Римской империи,

в основном горожан из высших и средних слоёв общества. Особенно много прозелитов было среди жён римских аристократов. Своего апогея экспансия достигает в эпоху Юлия Цезаря.

Цезарь благоволил к евреям, остро нуждался в их деньгах, и финансовая аристократия Александрии охотно шла ему навстречу. Личным банкиром Цезаря был финикиец Луций Корнелий Бальб (Бальб — очевидно, от Баал), о котором Моммзен говорит, покидая Рим, Цезарь имел обыкновение оставлять ему все свои политические дела.

Влияние иудеев в Риме в эпоху Цезаря выросло необыкновенно. Первосвященник Аристовул, ожидая скорого прихода Мессии, даже принял титул царя. Однако этим надеждам не суждено было сбыться. Светоний в «Жизни двенадцати цезарей» пишет об огромных толпах иудеев, которые шли за гробом Цезаря, оплакивая его, и потом ещё «много ночей подряд собирались у погребального костра»...

В эпоху Августа Рим, переживший двадцать лет гражданской смуты и хаоса, умер и воскрес, одетый в зарю новой эры. Новый имперский мир оказался гораздо менее уютен для иудеев, нежели старая разложившаяся республика.

Надежды на скорый приход Мессии начинают таять, и в 67-м году происходит срыв: в Иудее вспыхивает восстание националистов-зелотов. Жестоко подавив восстание, Тит сровнял с землей и Иерусалимский Храм (о чём в своё время пророчествовал Иисус: «Не останется здесь камня на камне, всё будет разрушено»). Иудеи, однако, не смиряются с поражением и возьмутся за подготовку новой мессианской революции, которая вспыхнет в 135 году. Духовный лидер еврейства, рабби Акива, провозгласит боевого вождя революции Мессией и наречёт его именем Бар-Кохбы (Сын Звезды). Война, чудовищная по жестокости, продлится два года и вновь закончится для иудеев полным разгромом. Иерусалим вновь будет до основания разрушен, евреи изгнаны, еврейский прозелитизм официально

запрещён. Так завершится первая попытка установления всемирного царства Израиля.

Однако до своей смерти раби Акива успеет возродить в изгнании древний Синедрион и приступить к созданию Талмуда — фундамента новой мощной идеологии. С появлением Талмуда древняя религия иудеев будет фактически отвергнута, а Септуагинта, пророчества которой указывали на Христа, — признана вне закона.

Одновременно с завершением формирования Талмуда в V веке собственную мессианскую идею кристаллизует и обновлённая Римская империя. Так две **мировые силы мобилизуют свои армии, чтобы начать новый акт всемирно-исторической драмы**. Сердцем одной становится универсальная христианская доктрина и универсальная римская государственность; сердцем другой — жёсткая национальная спайка на основе Талмуда, этой титанической попытки вновь привалить камень к гробнице воскресшего Христа, посредством которой иудаизм надеялся преодолеть метафизическую катастрофу христианства...

МЕССИАНСКИЙ ПРОЕКТ ВОСТОКА: БОГОСЛОВИЕ ТРОИЦЫ И БОГОЧЕЛОВЕКА

«Один Бог на небе, один император на земле» — такова центральная мессианская формула Восточного Рима. При императорах Юстиниане (отвоёвавшего у варваров западные земли империи) и Ираклии (поразившего извечного врага Византии — персов) эта мечта почти обретает реальность. В это же время складывается эсхатологическая модель Византии: Римская империя будет стоять вечно, до конца времён, расширяясь до пределов земли и «проповедуя Евангелие всем народам»... Тогда на короткий срок на её троне сядет Антихрист, власть которого прекратит Второе Славное Пришествие Иисуса Христа...

Увы, очень скоро этой благополучной «свершившейся эсхатологии» суждено будет потерпеть сокрушительное фиаско. Из глубины Аравийской пустыни является ислам. Обретя в кратчайшие сроки невиданную пассионарность, ислам завоюет все азиатские владения империи, подойдя к самым стенам Константинополя.

В чём причина столь обескураживающей неудачи? Одна из них — глубокие внутренние проблемы империи, пребывающей в бесконечных внутренних расколах и борьбе церковных партий. Другая — выдающаяся активность акторов АМП, стоящих за всеми серьёзными конфликтами эпохи. Крупнейшие, богатейшие еврейские диаспоры Александрии, Антиохии, Константинополя неизменно поддерживают врагов империи: принимают активное участие в восстании Ника, поддерживают остготов, вандалов и персов, учиняют жестокую резню христиан после захвата персами Иерусалима в 614 году. Наконец, крупнейшая еврейская диаспора в Медине (Ясрибе) играет определяющую роль в становлении ислама...

Так, под внутренними и внешними ударами, цивилизационный проект Восточного Рима терпит крах.

Поражение Византии не должно, однако, закрывать от нас всемирно-исторического значения этой цивилизации. Именно здесь Римо-Христианская идея пережила свой небывалый взлёт. Именно здесь явилось богословие Святой Троицы и Богочеловека, создавшее духовный и интеллектуальный горизонт европейской цивилизации. Именно здесь является идея Личности,

недетерминированной никакими законами космоса, Свободы, как закона её бытия и Общности, как невиданного ещё идеала человеческого всеединства... Символами полномасштабного имперского проекта Византии становятся теория Симфонии и собор Ая-Софии, тысячу лет остававшийся непревзойдённым архитектурным шедевром. Римское же право, кодифицированное императором Юстинианом, и сегодня остаётся правовой основой европейской цивилизации. Можно, таким образом, утверждать, что именно в эпоху императора Юстиниана (последнего — по слову Данте — великого императора Рима) европейская цивилизация достигает своей абсолютной вершины...

После краха византийского мессианского проекта эстафету главного актора ХМП принимает Рим Западный.

МЕССИАНСКИЙ ПРОЕКТ ЗАПАДА: КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

В то время когда Византия переживала свой невиданный культурный расцвет, Западный Рим, завоёванный варварами, пребывал в пучине тёмных веков. Карл Молот, остановив арабов в битве при Пуатье (732), дал Европе возможность спокойного развития.

Постепенно Запад начинает приходить в себя, и к X веку оказывается готов развернуть собственный великий мессианский проект. Суть Крестовых походов: священная война воинства Христова против воинства сил Антихриста, сынов света — против детей тьмы. В этом стихийном шествии духа за освобождение Креста Господня выразил себя героический кшатрийский дух Запада так же, как в «штурме небес» патристического богословия Востока выразил себя его брахманический дух.

Но, увы, и этот великий поход терпит неудачу. Из Крестовых походов простой, прямой, честный дух Рима возвращается заражённый тлетворным дыханием Азии...

В завоёванном крестоносцами Иерусалиме происходит таинственное перерождение Ордена тамплиеров, прикоснувшегося к тайнам Иерусалимского храма.

А в Пуатье, при дворе Алиеноры Аквитанской (там, где некогда Карл Молот остановил арабских завоевателей), берёт начало куртуазная культура «нового сладостного стиля», дух *Intelligenza* — тайных обществ, тайного знания, антицерковной и антиимперской фронды интеллектуальной элиты (те же цветущие и проклятые поля Прованса много позднее станут центром гугенотства, откуда по Европе начнёт расплзаться ядовитое учение кальвинизма). Постепенно чистую мистику Креста Господня начинают подменять мечтательные сказки о св. Граале; чистую веру — идеи равенства всех религий. Наконец, учение Иоахима Флорского о «третьей эпохе Духа» переворачивает всю эсхатологическую перспективу христианства, возрождая древний иудейский миллениаризм. К XV веку болезнь принимает необратимый характер... С падением Константинополя (1453) Запад начинают заливать мутные потоки гностических учений и герметизма, казалось бы, похороненного тысячу лет назад. Начинается Возрождение — и традиционному Средневековому миру приходит конец...

МЕССИАНСКИЙ ПРОЕКТ НОВОГО ВРЕМЕНИ. НАЧАЛО

1492 г. был ознаменован не только открытием Америки и изгнанием евреев из Испании. По византийскому календарю это был 7000-й год от сотворения мира. Восточные христиане ожидали начала эсхатологических событий, евреи же связывали «год искупления» с началом мессианского века, уверенно предсказывая скорый приход Мессии. Реальность, однако, оказалась для евреев обескураживающей: «освобождение» обернулось изгнанием.

Испанские король и королева, Фердинанд и Изабелла, не вкладывали, впрочем, в свой эдикт об изгнании евреев никакого мистического смысла. Будучи форпостом католического Рима, Испания готовилась к прямому столкновению с османами. А в такой войне оставлять в тылу столь неблагонадёжный элемент, как еврейство, всегда готовое выступить на стороне мусульман, было слишком опасно. Тем более что все попытки ассимиляции евреев с помощью крещения терпели крах.

Для евреев же, три века пребывания которых в Испании под мусульманским владычеством стали настоящим «золотым веком», временем расцвета их культуры, богатства и мессианских чаяний, изгнание стало катастрофой космического масштаба. (Даже в католической Испании крещёные евреи занимали всё более влиятельные позиции, так что уже можно было предвидеть еврейскую аристократию во главе церковной и светской власти страны.) Такую Катастрофу надо было как-то осмыслить. И если на победу христианства еврейская элита ответила созданием Талмуда, то ответом на испанский исход стало широкое распространение эзотерического до сих пор учения каббалы.

Каббалисты объясняли случившееся следующим образом: подобно тому, как, задумав творение мира, Бог Израилев сначала умалился, чтобы дать место творению, так и изгнание еврейского народа стало лишь первым

этапом освобождения. Теперь же сам еврейский народ должен взять дело освобождения в свои руки. Ибо сам еврейский народ и есть, в сущности, по мнению каббалистов, «коллективный Мессия». Чтобы принести избавление Израилю, каждый еврей отныне должен участвовать в деле «освобождения искр божественного света из плена клипот» (то есть рассеянных частей еврейского народа), собственными активными усилиями приближая наступление мессианского царства...

Это был поистине революционный переход: от пассивного ожидания — к активному движению. Мессианская программа включалась, таким образом, в каждое еврейское сердце. Более того, новая революционная концепция прямо коррелировала с тем, что происходило в христианском мире, где также росло увлечение иудейской каббалой и герметизмом. В сущности, и в герметических транскрипциях гуманизма Бог устранялся, человек сам брал на себя ответственность за собственное бытие, сам желал стать богом, освободиться из пут природы и необходимости (а заодно — от власти церкви и государства). Так, в одно и то же время христианский и еврейский миры приходят в движение.

ПЕРВЫЕ РЕПЕТИЦИИ «ВСЕМИРНОГО ПОЖАРА»

Решающему стратегическому наступлению АМП на христианский мир предшествовала артподготовка: распространение печатного станка и, с его помощью, «новых прогрессивных идей». Непосредственно же началу Реформации предшествует так называемый «спор о еврейских книгах», разразившийся за десять лет до её начала. Скандал был вызван тем, что к началу XVI века христиане выучились, наконец, еврейскому языку и заглянули в Талмуд, исполненный ужасающей хулы на Христа и христианство. Над еврейством нависла самая серьёзная опасность со времени высылки из Испании. Желая нивелировать угрозу, евреи привлекли

на свою сторону не только своё традиционное оружие: огромные суммы денег на подкуп властей, но и всех своих друзей в христианском мире из среды гуманистов.

Главным защитником евреев выступил доктор Иоганн Рейхлин, известный гебраист и большой почитатель каббалы (с которой его познакомил отец гуманизма граф Пико делла Мирандола). Скоро вся умственная Европа разделяется на два теологических лагеря. Стороны обмениваются жгучими памфлетами. На церковь и папу обрушиваются потоки клеветы и насмешек... Замечательный пример тактики АМП представляет антиклерикальный пасквиль под названием «Письма тёмных людей» (1515). Будучи откровенной дезинформацией (анонимный автор умалчивал, что письма вымышлены), они призваны были, с одной стороны, ввести в заблуждение колеблющихся, а с другой — открыть шлюзы потоку хулы в адрес доминиканцев, папы и церкви в целом (прямая репетиция будущих инвектив Лютера). Убоявшись дальнейшего разрастания скандала, папа оправдывает Рейхлина на Латеранском соборе 1516 года. А уже в следующем году из кишашего «новыми людьми» Виттенбергского университета выступает со своими тезисами и громовыми инвективами доктор Мартин Лютер...

Революция Лютера, называющего папу Антихристом, а Католическую церковь вавилонской блудницей (типичная для АМП технология переворота смыслов), освобождает колоссальные энергии распада и достигает своего апогея в анабапатистской диктатуре в Мюнстере. Мессианское царство анабапатистов в Мюнстере — **настоящая икона царства Антихриста на все последующие времена**. Лидер анабапатистов (перекрещенцев) Иоганн Лейденский, захватив в 1533 г. Мюнстер, объявил себя Мессией и царём Сиона, провозгласил пришествие Царства Божия, переименовал город в Новый Иерусалим, вырезал всех горожан, несогласных принять «новое крещение», ввёл обобществле-

ние имущества, переименовал улицы и дни недели, отменил деньги, сжёг все книги (исключая любимый им Ветхий Завет), наконец, ввёл многоженство и обобществление женщин. Идея равенства в этом апокалипсическом Новом Иерусалиме получила следующее выражение: приказав снести всё экспроприированное имущество горожан в царский дворец, новый Мессия облёк себя и семнадцать своих цариц в золото и драгоценные камни. Из прочих нововведений владыки Сиона отмечают практику еженедельных явлений перед народом, обставленную «с роскошью восточных деспотий», и характерную человеческую «слабость» владыки — его пристрастие собственноручно рубить головы еретикам и недовольным.

С ужасом глядя на эту репетицию будущих «великих демократических революций», Лютер заметил: «Нет столь малой искры, которой не мог бы диавол при попусении Божьем раздуть во всемирный пожар». Раскалялся вспыльчивый и увлекающийся доктор теологии и в своей дружбе с евреями, скоро обрушившись на них с ещё более ужасающими инвективами, чем ранее на Католическую церковь (всё это потом ещё воскреснет в немецком национал-социализме). Дело, однако, будет сделано. Христианский мир соскочит со своей оси и понесётся в развёрстую пропасть. Евреи же, отвернувшись от своего старого друга, скоро найдут себе в рядах реформистов нового фаворита в лице Кальвина.

РЕВОЛЮЦИЯ КАЛЬВИНА

Духовное сердце кальвинизма — Доктрина предопределения, делящая мир на извечно избранных и извечно проклятых Богом. Доктрина предопределения есть, в сущности, новое переиздание идеи избранного народа. Как и сам кальвинизм с его обращением к неумолимому Богу Ветхого Завета можно назвать лишь **причудливым ростком иудаизма, выросшим на христианской почве.**

Доктрина предопределения безнадёжно расколола Христианский

мир, позволив Кальвину объявить папу и всю Католическую церковь «отверженными», утвердить на «скале предопределения» новую церковь. Такова и была цель — проложить в полыхающей эсхатологическими предчувствиями и религиозными бунтами Европе непроходимую пропасть между старым и новым миром.

Сама же реформистская церковь скоро сложилась в разветвлённую сеть тайных обществ (конгрегаций), связанных жесточайшей дисциплиной и идеей священной войны с Римской империей и Католической церковью. Поскольку главным врагом Кальвина был старый мир — сословный и монархический, то естественно, что и новое общество, им возводимое, оказалось принципиально антисословным и антимонархическим. Современные принципы республиканизма и демократии, теория общественного договора, теория тиранубийства, доктрина фундаментальной изменчивости, идеи равенства, прогресса, прав человека, разделения властей, чисто материалистическая наука, капиталистические отношения — всё это было рождено или репродуцировано в современный мир кальвинизмом.

Как и сама современная машина пропаганды, налаженная и отточенная кальвинистами, главными рычагами которой стали страх и надежда; страх перед скоро уже ожидаемым Вторым пришествием и неминуемой геенной огненной для всех, не успевших покаяться, и надежда на избавление. Попеременно давя на эти рычаги, революционные агитаторы вербовали в свои ряды сотни тысяч объятых эсхатологическим ужасом крестьян Северной Европы.

По своему устройству кальвинистская конгрегация напоминала Синедрион. Во главе сект стояли крупные финансисты и фрондирующая аристократия, желающая эмансипации от королевской власти. В тисках Доктрины предопределения, как в некоей алхимической реторте, выращивался новый человек — гомункулус, радикально оторванный от прежней родины, веры, своих родных, культуры,

цивилизации. Идеальным творением кальвинизма стали Соединённые Штаты Америки — исполненная мессианского пафоса демократическая антиимперия, основанная на противоположных Традиции основаниях...

Возвращаясь к спору о еврейских книгах, с которого мы начали эту главу, вспомним также знаменитое дело Дрейфуса, в начале XX века раскалившее атмосферу в Европе и открывшие двери Первой мировой войне. Войне, в которой мессианский проект АМП вышел на финишную прямую...

УМСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ: МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ ПЕРЕВОРОТ

Эпоха Возрождения — центр мировоззренческого переворота, совершённого актёрами АМП. Центральная идея возрождения — возможность автономного (отдельного от Бога) существования человека, его центральное учение — герметизм.

Корпус Гермеса Трисмегиста представляет собой свод гностических текстов II–III в. н.э., приписываемых мифическому носителю изначальной египетской мудрости, к которой обращались якобы Платон, Пифагор и Моисей. Главная идея герметизма, таким образом, — равенство всех учений перед лицом довлеющей эзотерической мудрости. Герметизм учит о единстве макрокосма и микрокосма («два модуса творения» каббалы Зогиара, учения о взаимовлиянии и равенстве Бога и избранного народа). Наконец, герметизм элитарен (доступен лишь избранным).

Герметизм, таким образом, становится идеальной основой науки Нового времени. (Платоновские академии, в которых гуманисты начинают изучать герметические трактаты, представляют собой, по сути, протомасонские организации.)

Наука эпохи Возрождения целиком проходит под эгидой герметизма и каббалы. Через учение Спинозы и Якова Бёме каббалистические представления проникают в просвещённую философию и современную фило-

софию. А «операционной системой» самого просвещения становится механическая философия Декарта, утверждающая автономность человека, гомогенность пространства, разделяющего объект и субъект (т.е. отделяющего человека от Бога, дух от природы и изгоняющего из мира духовные энергии). Именно по пути постепенного вытеснения духа из природы ведёт науку просвещённое масонство.

Однако после того, как классическая наука (картезианство) окончательно изгоняет Бога из природы, а христианство — из сознания человеческих масс, наступит время возвращения квазимагических представлений. На границе XIX–XX веков с появлением теории относительности, квантовой и атомной физики совершается переход от классической к неклассической науке (где субъект и объект уже не отделены друг от друга, но приведены в новое взаимодействие) и, далее, — к постнеклассической науке (предметом манипуляции которой становятся уже целые субъектно-объектные системы), с ясно просматриваемой перспективой: цифровым управлением громадными конгломератами человеческих осколков, лишённых всякого божественного измерения...

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ: ЦАРЕУБИЙСТВО

Параллельно с мировоззренческим переворотом запускаются процессы социально-политического переворота. Задача социальных революций Нового времени та же — уничтожить традиционный Христианский мир (то есть прежде всего — власть церкви и императора), но уже не на уровне идеи, но физически.

С начала революции Лютера и сквозь все революции Нового времени (включая научную, техническую, молодёжную, сексуальную, феминистскую и проч.) мировая революция предстаёт как единый непрерывный процесс уничтожения Традиционного мира и замещения его Мессии — Иисуса Христа — другим Мессией. Особое место в этом процессе занимает **мистика царевубийства**. Царевубийство — один из определяющих феноменов Нового времени. Среди разработок кальвинистских умов (наряду с идеями республиканизма, демократии, общественного договора и оправдания ростовщичества) доктрина царевубийства занимает центральное место. Имя монархомахов (царевубийцев) стало, по сути, вторым именем французских гугенотов. Детально разработанная

кальвинистскими теоретиками доктрина царевубийства будет переосмыслена французскими просветителями в чисто секулярном духе. Руссо объявит кальвинистскую Женеву «идеальной республикой» и «наглядным примером» для современной ему Франции. (Вообще, следует признать справедливым взгляд на Французскую революцию 1789 года как заключительный аккорд реформации Кальвина.)

Понятна ненависть революции к монархии. Согласно традиционному христианскому взгляду, царь есть местоблюститель Царя царей — Иисуса Христа. Символика византийского двухместного трона красноречиво свидетельствовала, что император оставляет первое место за Христом. Упразднение хранителя трона означало бы обрыв непрерывной нити истинной власти и, следовательно, открытие дороги Антихристу. Напомним, что, говоря об «удерживающем», которому дано сдерживать лавину мирового зла, апостол Павел указывает на римскую государственность, следовательно, прежде всего, на символизирующую её фигуру царя.

Христианский мир знал немало дворцовых переворотов. Однако убийство монарха, обставленное как «законный приговор» и покушающееся

на саму мистику царства, — преступление особого рода. Таких великих преступлений история знает всего три, каждое из которых становилось ещё одним витком катастрофы Христианского мира.

Первой жертвой революции пал Карл I Стюарт, казнённый 30 января (9 февраля) 1649 года в Лондоне по «приговору» кромвелевского парламента, изображавшего правосудие. Первым же действием Кромвеля после убийства монарха стал геноцид верной Католической церкви Ирландии. За четыре года карательных экспедиций Красной армии Кромвеля (которой будет подражать впоследствии и Лев Троцкий) из 1,5 миллиона жителей Ирландии в живых едва останется 150 тысяч человек.

Ещё более ужасные события последовали за казнью Людовика XVI. Современники рассказывают, как со-

гнанные палачами к эшафоту парижане, в ужасе наблюдавшие за казнью своего короля, были прямо с эшафота окроплены его святой кровью (словно в повторение библейского: «кровь его на нас и на детях наших»). В следующие полтора года карательная машина французской революции уничтожит до миллиона жителей монархической Вандеи. Опыт французской «машины демократии» в виде потопления барж, доверху груженных людьми, впоследствии будет использован Розалией Землячкой в Крыму.

Третьим и самым мрачным злодеянием этого рода стал расстрел царской семьи в России в 1918 году. Преступление это до сих пор покрыто сплошным туманом тайн и недоумков. Однако и здесь, как и в приведённых выше примерах, многое указывает на сакральный характер произошедшего. Знаменитая надпись

на стене подвала Ипатьевского дома, воспроизводящая строку из стихотворения Г. Гейне «Валтасар»: Belsatzar ward aber in selbiger Nacht // Von seinen Knechten umgebracht («Валтасар сегодня ночью был убит своими слугами»), интересна прежде всего написанием имени вавилонского царя Belsa-tzar, что на «лоскутном диалекте идиша» читается как «Белый царь». Эту игру слов (легко понятную и по-немецки) использовал уже сам Гейне, с большим сочувствием относившийся к революционному движению. Под Белым царём соплеменники Гейне должны были понимать правителей белых, христианских народов, прежде всего, германского кайзера и русского царя. В общем же революционном контексте строка Гейне воспринимается как призыв и пророчество. И ещё один глубоко символический момент: так же как гибель библейского Валтасара сопровождала переход империи от семитских народов к арийским (на смену вавилонскому царству приходит персидское), так же, в глазах акторов АМП, убийство Николая (Belsatzar) должно было символизировать обратную передачу мировой власти: от арийских народам — семитским...

ЭПОХА МИРОВЫХ ВОЙН: ЗАХВАТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Мировая война — один из самых действенных инструментов уничтожения Традиционного мира. В мире, управляемом империей, мировая война немислима. В мире, расколотом на два непримиримых лагеря, она — лишь дело времени и технологий.

Первая мировая война, т. н. Тридцатилетняя война (1618–1648) между католическим и протестантским миром, привела к установлению нового Вестфальского порядка Европы. Вестфальская система разрушила старый порядок, который определялся властью Священной Римской империи и Католической церкви, и положила начало созданию национальных государств (каждое со своим суверенитетом и правом объявлять войну соседям.)

С наступлением Вестфальской эры Европа рассыпается на множество национальных государств, манипулировать которыми (и сталкивать при необходимости лбами) становится очень удобно...

Именно благодаря Вестфальскому порядку, установившемуся в Европе, станет возможна следующая мировая «тридцатилетняя война» (1914–1945), разразившаяся спустя 300 лет после начала первой. Таким образом, политическая история Нового времени оказывается прочно заключена между двумя 30-летними войнами XVII и XX веков.

Тридцатилетняя война 1618–1648 гг., погрузившая континентальную Европу в страшное разорение, даст возможность подняться героям Нового мира: торговым «объединённым республикам» Нидерландов, кальвинистской Швейцарии и прогрессивной Англии, распорядившейся выпавшим ей шансом удачливее всех.

В атаках на измотанную войной Испанию (которая уже не оправится от её последствий) Голландия и Англия начнут овладевать морями. Начав с работорговли и каперских налётов на гружённые золотом испанские галеоны, блокируя своим быстро развивающимся флотом обессиленную войной Европу, Англия через сто лет обратится в могущественнейшую морскую империю (точнее сказать, это будет торговая Ост-Индская компания, обладающая собственной денежной, налоговой системой и армией — именно она и станет Британской империей, предвосхищая собой ТНК XX века).

Одновременно Европу начнёт захватывать ростовщический капитал, форпостами которого становятся центробанки (по сути, независимая банкирская сеть, обладающая эксклюзивным правом эмиссии национальных валют). Постепенно властный тандем Традиционного мира: церковь — император сменяется тандемом Нового мира: банк — государство. В 1913 году банкирской сетью создаётся крупнейший мировой Центробанк США (Федеральная резервная система), способный профинансировать большую всеевропейскую войну.

(Замечательно, что в то время, когда совладелец гамбургского банкирского дома «М.М. Варбург», Пол Варбург работает над созданием ФРС, его родной брат Макс Варбург занимает пост главы Секретной службы Германии. Будучи в то же время личным банкиром Кайзера, Макс Варбург уже торит пути, по которым потекут пресловутые «деньги германского генштаба» на русскую революцию.)

Мировая война приводит к уничтожению последних осколков традиционного мира (Российской, Австро-Венгерской, Германской и Османской империй) и ряду социальных революций в Европе... Новая мировая война (торжественной кодой которой становится создание Государства Израиль) завершает уничтожение остатков Христианского мира, кладёт конец европейскому доминированию в мире и самой Вестфальской системе, на руинах которой начинает создаваться уже совершенно новый, предмессианский миропорядок...

ЗАХВАТ ЦАРСТВА КУЛЬТУРЫ

В своё время итальянский революционер Грамши выдвинул теорию, согласно которой захвату политической власти должно предшествовать завоевание «царства культуры». Ничего нового в этой теории, конечно, не было. Акторы АМП пользовались её наработками за тысячу лет до Грамши.

Новый этап войны за искоренение Христианского мира на поле «царства культуры» начинается уже после Второй мировой. Её ведут небольшие штурмовые отряды культурных элитариев вроде т.н. «Нью-Йоркских интеллектуалов» — сплочённой семьи культуртрегеров, вышедшей из среды авторов троцкистского журнала «Партизан-ревью». В Америке 1940–1950-х гг. без санкции этих культуртрегеров невозможно было стать писателем или иной заметной фигурой культурного небосклона. На этой же группе лежит во многом ответственность за подготовку и проведение «культурной революции» 1960-х.

Другая подобная штурмовая группа философов, Франкфуртская школа, создавала теории «тоталитаризма» и «авторитарной личности», враждебной демократии. Работая бок о бок с «Нью-Йоркскими интеллектуалами», франкфуртцы также готовили молодёжную революцию 1960-х, обрушивая свои удары на традиционную семью и христианскую идентичность.

Подобными боевыми сектами, работающими уже на поле психологии, были фрейдистская и боасианская антропологические школы, ставившие своей задачей стирание генетических, национальных и расовых различий между людьми, размывание национальных культур белых народов. (В это время психоанализ в Америке становится чем-то вроде новой квазицеркви, подменяющей традиционные христианские институты.)

Все эти группы, похожие по своему устройству, координировали между собой свою работу, а многие их деятели (как, например, Ханна Аренд) были участниками сразу нескольких групп. При этом «Нью-Йоркские интеллектуалы» контролировали элиту главных американских университетов (Гарвард, Беркли, Колумбийский и Чикагский университеты), боасианская школа — средние учебные заведения, а психоаналитики окормляли средний класс американских городов.

Главными объектами атак этих штурмовых бригад были традиционная белая семья, институт отцовства и христианская культура как «неизбежно порождающие фашизм». Белый человек, христианин, осознающий при том свою культурную и национальную идентичность, оказывался с точки зрения этих культуртрегеров «трижды фашистом» и подлежал немедленной перекодировке.

Сегодня идеология этих групп стала абсолютно доминирующей и исповедуется всей колоссальной пропагандистской машиной либерального мира.

Творец постмодернистской философии, Жак Деррида, выходец из семьи испанских марранов, понимал идею деконструкции, прежде всего,

«Нью-Йоркские интеллектуалы» контролировали элиту главных американских университетов (Гарвард, Беркли, Колумбийский и Чикагский университеты), боасианская школа — средние учебные заведения, а психоаналитики окормляли средний класс американских городов. Главными объектами атак этих штурмовых бригад были традиционная белая семья, институт отцовства и христианская культура как «неизбежно порождающие фашизм». Сегодня идеология этих групп стала абсолютно доминирующей и исповедуется всей колоссальной пропагандистской машиной либерального мира.

как деконструкцию «сильных государств-наций с их развитой иммиграционной политикой». Однако, деконструируя «риторику национализма, политику своего отечества, метафизику родной земли и родного языка», разоружая «бомбы...идентичности, которую создают государства-нации для своей защиты от посторонних лиц, евреев, арабов и иммигрантов», Деррида защищал от деконструкции собственную еврейскую идентичность. Исследователь еврейского участия в интеллектуальных движениях XX века доктор Кевин Макдональд иронически замечает по этому поводу: «Как можно одновременно быть постмодернистом и убеждённым евреем?...Интеллектуальная последовательность требует, чтобы все персональные идентификации были подвержены той же самой деструктивной логике, в противном случае персональная идентичность сама будет включать двойственность, обман и самообман» (см. Кевин Макдональд «Культура критики»).

Но именно «двойственность, обман и самообман» являются общим знаменателем подобных рассмотренных нами сообществ, а их политическая программа (будь то постмодернизм, Франкфуртская школа, психоанализ Фрейда или школа PR-технологий, созданная племянником Фрейда Э. Бернейсом) практически идентична.

СТРАТЕГИЯ АМП: ИУДЕОХРИСТИАНСТВО, ГИБРИДИЗАЦИЯ

Поскольку главным врагом АМП является христианство (антимессия не придёт, пока не будет «обезврежен» христианский Мессия), стратегической целью акторов проекта остаётся всяческая нивелировка христианской идеи вплоть до её полного устранения. Эту стратегическую задачу акторы АМП успешно решали уже в Средневековую эпоху. Гностицизм, арианство, несторианство, монофизитство, манихейство, альбигойство, катаризм — всё это так или иначе были попытки иудаизировать христианство или же перенести центр тяжести духовной войны в иную плоскость...

В полной мере иудаизировать христианство удалось кальвинизму. В кальвинизме (и наследующем ему современном иудеохристианстве) оппозиция Христа — Антихриста оказывается снята: иудеи признаются народом-водителем ко Христу, а Моисей просто передаёт свой жезл наследующему ему Пастырю. Трагедия распятия, таким образом, устраняется. Само христианство оказывается полностью обезвреженным...

Сегодняшний кальвинизм, рассыпанный в тысяче реформистских деноминаций, потерял свою воинственную энергетическую. Однако дело его живёт. Дальнейшую диффузию

и разряжение энергии христианства продолжают тысячи протестантских сект, следуя в том числе по путям христианского сионизма. Такое развитие АМП вполне одобряет. С его точки зрения христианство должно **деградировать настолько, чтобы и христиане приняли Антихриста...**

Формирование иудеохристианства — блестящий пример того, как, с помощью внедрения чуждых элементов, можно нивелировать, обезвредить своего главного врага. Но подобные же стратегии АМП использует и на других направлениях своей деятельности. Важнейшее из них — исламское.

Мы уже говорили о деятельном участии еврейской диаспоры в Медине (Ясрибе) в становлении ислама. Ещё один пример того же рода — формирование ваххабизма в конце XVIII века на территории Саудовской Аравии.

Ваххабизм (этот «исламский пуританизм», как его порой называют исследователи) был вызван к жизни не без деятельного участия английских спецслужб, использовавших новую религиозную структуру для борьбы с Османской империей. Позднее, хотя и обретая известную самостоятельность, ваххабизм использовался американцами для создания сил «Аль-Каиды» в Афганистане и борьбы с баасистскими режимами в ближневосточном пространстве.

Глобальной матрицей гибридации стал плавильный котёл Соединённых Штатов Америки — создание английских пуританских сект, место встречи «избранных всех народов».

Примером политической гибридации могут служить структуры, подобные Совету по международным отношениям, являющиеся инструментом влияния больших денег на большую политику.

Последними примерами гибридации становятся мультикультурализм, ведущий к подмене национальных культур и традиций масскультом, и идущая полным ходом исламизация Европы, направленная на уничтожение белого человека как носителя римской и христианской идеи.

Американский военный стратег Томас П.М. Барнетт в своей книге «Новая карта Пентагона» (Thomas P.M. Barnett. The Pentagon New Map. War and Peace in the Twenty-First Century. New York, 2004), не стесняясь, пишет, что конечной целью проекта глобализации, направленного на Европу, является создание светло-коричневой расы, обладающей достаточным IQ, позволяющим работать со сложными технологиями, но недостаточным, чтобы сопротивляться.

Наконец, цифровая революция позволит не только полностью подчинить человечество электронному контролю, загнать человека в полностью детерминированную систему, лишит его личности и свободы, которые даровало ему христианство, но и, возможно, создать компьютерное постчеловечество, собранное из мириадом человеко-квантов. Появление квантовых компьютеров уже через несколько лет грозит сделать эту сказку былью или, во всяком случае, приблизить её вплотную к реальности. Конечная точка этого вектора: человечество, полностью оторванное от Бога, и замена Бога антибогом...

ПЕРЕД ПОСЛЕДНЕЙ БИТВОЙ: ТЕХНОЛОГИИ АПОКАЛИПСИСА

Говоря о тысячелетней мессианской «перманентной революции» еврейского духа, невозможно пройти мимо такого ярчайшего её эпизода, как движение Саббатая Цви, лжемессии, всколыхнувшего своим появлением громадные массы еврейства, вызвавшее неутраченное до сего дня брожение умов и — что для нас наиболее важно — отбросившее колоссальную тень на события XX века.

Саббатай Цви — родившийся в османской Смирне мистик, каббалист и аскет, являющий очевидно все признаки глубокого маниакально-депрессивного психоза, в преддверии апокалипсического 1666 г. (в атмосфере вновь усилившихся эсхатологических ожиданий еврейства) объявил себя Мессией, чем вызвал неслыханное еще мессианское движение еврейства.

Громадные толпы евреев двинулись вслед за новообретённым Мессией на освобождение Иерусалима, где Саббатай должен был заявить о своих правах на владение миром...

Восходя в Иерусалим, Саббатай провозгласил себя наместником и самим Богом Израиля («Я Господь ваш Бог Шабтай-Цеви», — подписывал он свои грамоты) и даровал своим сторонникам короны двадцати шести частей света, на которые предусмотрительно поделил земной шар. По плану Саббатая, султан Мехмед IV должен был мирно даровать ему трон Константинополя и Иерусалима, после чего власть Мессии должны были признать и прочие правители мира. Однако, вопреки ожиданиям, султан Мехмед, вместо того чтобы уступить ему трон, арестовал Мессию и поставил его перед поистине мессианским выбором: казнь или принятие ислама...

Подумав, Саббатай выбрал второе и, переименовав себя в Мухамед-Эффенди, согласился надеть вместо короны царя мира мусульманский тюрбан.

Измена Мессии стала сильным потрясением для еврейских масс, ожидавших немедленного открытия мессианского века. Однако посвящённые каббалисты скоро нашли объяснение. Поскольку, согласно Лурианской каббале, целью творения является освобождение всех «божественных искр» из плена «клипот», то не спасти даже одну душу еврея значило бы не выполнить божественный план. Так вот что сделал Мессия! Приняв на себя весь грех Израиля, он проследовал в преисподние обиталища, чтобы, подобно нырлящику, вынести падшие души евреев к свету...

Эта теория вновь вселила в поколебленные было еврейские массы энтузиазм. И даже со смертью Мессии (которого султан скоро, от греха по-

дальше, сослал в далёкую Албанию) движение саббатизма не утихло и дало многочисленные всходы. Оно оказало сильнейшее влияние на появление либерального и реформистского иудаизма, эмансипацию еврейства, франкистское движение и хасидизм, а также революционное движение XX века.

Так, из многочисленной секты приверженцев Саббата, получившей среди турок кличку «дёнме» («вероотступники») и обосновавшейся в Салониках, образовался костяк турецкой партии «Единение и прогресс», поднявшей в 1908 году младотурецкую революцию, свергнувшую султана Абдул-Хамида.

Будучи по своему характеру типичным тайным обществом, связанным масонскими корнями с ведущими ложами Европы, партия «Единение и прогресс» вновь подняла «в тренде» потускневшие было лозунги русской революции 1905–1907 гг. Впрочем, настоящей целью младотурецкой ре-

волюции было, очевидно, не столько восстановление конституции и либерализация страны под лозунгами свободы, равенства, братства, сколько освобождение Иерусалима от власти турок.

В разгар младотурецкой революции в ряды партии активно вливаются сионисты со всех концов мира. Искры «освобождения из плена клипот» крепили, разгораясь, и русско-турецкую дружбу. Русские революционеры (такие как Милюков и Гучков) гордо именовали себя младотурками.

Похожими на российские оказались и результаты смуты. Захватив власть, младотурки установили в стране террористический режим, несравнимый по своей лютости с добродушным царством Абдул-Хамида II, и переименовали Константинополь (ненавистный им именем христианского императора) в нейтральный Стамбул. Главным же деянием, которым младотурки увековечили своё имя в истории, стал геноцид армян.

Здесь же, в Константинополе, в самый разгар младотурецкой революции объявляются Парвус и его преданный ученик Троцкий. Силою вещей именно Константинополь оказывается в этот момент эпицентром той «сети тайных обществ, которыми покрыта Европа подобно сети железных дорог» (говоря словами британского премьера Бенджамина Дизраэли)... Перед самой войной Троцкий по заданию Парвуса прибывает на фронт греко-турецких войн на Балканах в качестве проводника политики младотурок и корреспондента газеты «Киевская мысль»... А 28 июня 1914 года член тайной организации «Чёрная рука» Гаврила Принцип убивает в Сараеве эрцгерцога Франца Фердинанда, полагая тем самым начало мировой войне...

История партии «Единение и прогресс» даёт представление о том, насколько сильное изменение может претерпевать мессианская идея, не теряя при этом своей революционной сути. Мы видим, как глубоко проникли в ткань еврейского общества чисто саббатизмская мысль о том, что Мессия уже пришёл, и сам дух его может реинкарнировать и претерпевать любые метаморфозы.

Какие бы лица ни обретало мировое еврейство в XX веке (либеральный и реформистский иудаизм, франкизм и хасидизм, наконец, светский сионизм и даже революционный марксизм), оно нигде не теряет своего мессианского вдохновения. Замечательный пример последнего даёт нам троцкизм. Сам Троцкий, очевидно, ни в коей мере не был правоверным иудеем. Однако «перманентная революция», бесконечная, нескончаемая революция до самого торжества мирового пролетариата, — что это, если не мессианизм? И в какой бы степени сам Троцкий ни ощущал себя новым Бар-Кохбой, с его именем связана история ещё одной замечательной мессианской партии.

После высылки из России и прихода к власти в Германии Гитлера в 1933 году Троцкий бежит из Европы и оказывается в Мексике, где ему

предоставляет убежище президент Л. Карденас. Здесь его доверенным лицом и официальным представителем в США становится один из лидеров американского IV троцкистского Интернационала Макс Шахтман.

Когда на рубеже 1939–1940-х годов идея перманентной революции стала терять популярность в глазах американских троцкистов, Макс Шахтман, Ирвинг Кристолл и их группа, напуганные пактом Молотова — Риббентропа, выходят из IV Интернационала и начинают быстро править. Теперь им кажется, что добиться мировой гегемонии можно единственным способом — поддержав самую сильную либеральную страну мира.

После Второй мировой войны новая политическая сила начинает быстро набирать политический вес. На границе 1980-х группа оказывается в команде республиканца Рональда Рейгана (именно в это время к ним приклеивается кличка «неоконы», которую они с удовольствием подхватывают). Теперь бывшие троцкисты ведут себя как крайние консерваторы, защищают традиционные американские ценности и вплотную заняты переформатированием традиционной американской реал-политик в идейную мессианскую войну с «империей зла».

Моментом подлинной инициации неоконсерватизма становится кафедра политической философии Чикагского университета под руководством Лео Штрауса, через которую в шестидесятых годах прошлого века прошли главные интеллектуальные силы неоконеров. Будучи еврейским традиционалистом и консерватором, Штраус признавал традицию иудаизма идеальной основой для цивилизации, способной успешно противостоять опасности как коммунизма, так и фашизма. Штраус учил, что мир делится на два рода людей — «избранных», призванных править, и прочие «безмолвные массы». И именно формирование группы «избранных», способных, захватив власть в США, распространить её затем на весь остальной мир, он положил в основание своей политической школы.

Будучи большим почитателем Маймонида (Рамбама), Штраус, вслед за своим учителем, смотрел на иудаизм не столько как на религию, сколько как на общественно-политическую программу, ставящую своей целью наступление мессианского века. При этом успех в «захвате царства власти», учил Штраус, ждёт того, кто сможет правильно использовать и направлять религиозные представления масс.

Пророчества священных книг, в трактовке Штрауса, оказывались неким метафизическим планом действий. Сформулировать главную неоконсервативную идею можно, следовательно, таким образом: опираясь на эсхатологические представления религиозных масс, освободить их психическую энергию и сделать исполнение библейских пророчеств настоящей стратегической программой политических действий.

Именно в этом русле и действовали неоконы на пике своей политической карьеры. Убедив Рейгана отказаться от политики конвергенции (сосуществования двух систем), они объявили мессианскую войну с империей зла и вместо диалога с вождями СССР перешли к прямой поддержке дисидентства (то есть своих агентов влияния в Москве). Успех превзошёл все ожидания. Победу над СССР в холодной войне неоконы и сегодня считают главным своим достижением.

В момент сноса Берлинской стены неоконы объявили всему миру о «конце истории». (Сам Френсис Фукуяма, автор одноименного эссе, признавался, что идею «конца истории» заимствовал у А. Кожева, который, в свою очередь, подобрал её у Вл. Соловьёва и его «Краткой повести об антихристе».) А позднее — о «Столкновении цивилизаций»...

Трагедия 11 сентября 2001 года произошла удивительно вовремя для планов неоконеров на Ближнем Востоке и, по поразительной случайности, именно тогда, когда они занимали ключевые места в администрации президента Буша, Пентагоне и ЦРУ. Далее последовала победоносная вой-

на Буша-младшего в Ираке, распространение «Исламского государства», вспышки «арабской весны», ввергающие в хаос всё новые и новые страны региона, гражданская война в Ливии, Сирии...

Наибольший интерес в смысле «исполнения эсхатологических пророчеств» представляет идеология ИГИЛ, основанная на ожидании и подготовке «судного дня» и последней эсхатологической битвы. Название главного пропагандистского рупора «Исламского государства» — глянцевого журнала «Дабик» (оставляющего полное впечатление, что над ним работают лучшие пиар-конторы Мэдисон-авеню) — отсылает к одному из хадисов пророка Мухаммеда, в котором говорится о последней эсхатологической битве добра и зла. Мусульмане верят, что в конце истории верные Пророку воины под знаменем последнего имама Махди встретятся в последней битве (у сирийского местечка Дабик) с полчищами «крестоносцев» (то есть европейцев-христиан) и победят их, после чего настанут последние дни мира.

Транслируемая необычайно продвинутым информационным аппаратом «Исламского государства», эта эсхатологическая картина определяет сегодня сознание миллионов мусульман по всему исламскому миру.

Свой эсхатологический сценарий есть и у традиционных иудеев. Он повествует о последней битве Гога и Магога, в которой христиане и мусульмане, ответственные за гонения на Израиль, должны почти полностью перебить друг друга, после чего и явится долгожданный царь-машиах. Знаком прихода последнего должно стать также восстановление Иерусалимского храма, на месте которого сегодня стоят мусульманские мечети.

Конечные цели неоконеров, зная их идеологический бэкграунд, можно было бы реконструировать следующим образом: развязать большую войну на Ближнем Востоке, а затем, постепенно расширяя зону «конструктивного хаоса» (термин Лео Штрауса), довести её до планетарного, эсхатологического масштаба. Перед нами,

Понятно, что в нашей брани против духа Антихриста нет никакого «антисемитизма». Брань наша не против плоти и крови, не имеет этнического или расового характера. Наш конфликт с духом Карфагена — мировоззренческий. Громадные массы евреев сегодня (особенно со времени еврейской эмансипации XVIII–XIX вв.) не имеют отношения к антихристианскому мессианскому проекту, и, наоборот, громадные массы неевреев так или иначе вовлечены в его орбиту и его структуры. Мы также имеем ясное апостольское свидетельство того, что остаток Израиля спасётся (уже из самой бездны Апокалипсиса).

таким образом, всё та же мировая «перманентная революция» с сияющей над ней мессианской звездой нового Бар-Кохбы, только под консервативными знамёнами. И так, вызвать и выпустить наружу спящие в человеке иррациональные силы, втянуть в глобальное противостояние фундаментальные религии с их мощным эсхатологическим базисом, столкнуть их в «последней эсхатологической битве»; создать глобальный хаос, в котором европейская, китайская и исламская цивилизации предельно ослабят друг друга, и, оседлав этот хаос, прийти и овладеть тем, что останется от мира, — кажется, что подобные планы может лелеять только безумец, но кто сказал, что неоконны нормальны? И кто поручится, что нормален мир, в котором мы живём?

Сегодня неоконсервативной идеологией глубоко заражены обе американские партии. Неоконны стояли во многом за четой Клинтон. И если бы на последних американских выборах победила Хиллари, думается, подобный сценарий уже начал бы приводиться в жизнь. Победа традиционного консерватора-изоляциониста Трампа отчасти расстроила эти планы.

Конечно, проект неоконнов, если он таков, не может быть единственным в замыслах АМП. Очевидно, есть и иные, менее шумные их ветви, например, неолиберальные. Очевидно

также, что между разными течениями АМП существуют большие напряжения. Наконец, очевидно, что до сих пор все попытки довести мессианскую революцию до конца проваливались, сама же революция неизменно откатывалась назад. Та же неудача может постигнуть акторов АМП и сегодня. Однако что же сегодня может по-настоящему противостоять духу революции?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. РИМ ПРОТИВ КАРФАГЕНА И МИССИЯ РОССИИ

Христианство и империя — духовная родина и судьба Европы. Идея справедливой власти над миром и идея Всевышнего, спасающего мир, — как горизонталь и вертикаль креста, — слиты в сознании европейских народов воедино. История Европы — это история Римской империи, родившейся в борьбе с Карфагеном, зловещим миром торгашей, поклоняющихся своим мрачным богам, требующих массовых детских жертвоприношений. Победив зло Карфагена, Римская империя утвердила нравственные начала европейской цивилизации, принесла высокую эллинскую культуру в варварский мир.

Справедливый мир на всей земле и благословение всем народам — такова вечная идея Рима. Во Втором послании фессалоникийцам апостол

Павел говорит, что до тех пор, пока существует Римская империя, нравственные начала мира, которые она защищает, не позволят свершиться последним эсхатологическим событиям.

Историческая действительность подтверждает правоту ап. Павла. Конец Восточной (1453) и Западной части Римской империи (формально упразднённой лишь Наполеоном Бонапартом в 1806 г.) не стал ещё концом римской государственности как таковой. Свет Вечного Рима продолжал мерцать в его осколках: Германской, Австро-Венгерской, Российской империях (даже Османская империя и Албания, через династию Ангелов, ощущали себя продолжательницами Рима).

XX век стал реваншем «мирового Карфагена», эпохой тотального геноцида христианских народов. Но даже после двух мировых войн, целью которых было уничтожение остатков римской государственности, дух её всё ещё оставался жив. И даже сегодня, в тотально сгустившемся тумане заката Европы, продолжает удерживать мир от окончательного распада.

Из всех традиционных миров, вероятно, только Россия сохраняет ещё сегодня этот дух Рима: уже не на уровне идеологии и государства (целиком либерального и безыдейного), но лишь на уровне интуитивно защищаемых ею консервативных ценностей. Таким образом, вероятно, только Россия (отчасти Иран, Италия, Испания — государства с имперским прошлым) способна ещё противостоять сегодня духу мирового Карфагена.

Россия — особый мир, не похожий ни на Восток, ни на Запад: ни на возвышенный, но слишком искусственный дворцовый мир Византии, с её бесконечным церемониалом и недвижимым сознанием «свершившейся эсхатологии», ни на бурный, но несколько приземлённый Западный мир. Пушкин справедливо заметил, что история России требует иной мысли, нежели история Запада.

В отличие от Византии, равнодушной к истории, Русь заморожена историей (чего стоят только её грандиозные летописные своды, как будто

желающие запечатлеть всю историю «от Адама» — единый текст, создающийся на протяжении чуть ли не 800 лет!). Ещё более зачарована Русь видениями будущего преображения мира: новой земли и нового неба. Уже первое же рождённое на Руси литературное произведение — «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона задает модус всей последующей истории. Уже с Илариона, в свете приближающегося конца времён, Русь выбирает путь скорее святости, нежели культуры, скорее благодати, нежели закона. Этот выбор определяет все её взлёты и падения, всю двойственность нашей истории. Космичность, всечеловечность, софийность Русской души.

Уже при Иване III (1440–1505), осознав себя духовной правопреемницей Второго Рима, Русь крайне серьёзно восприняла и свою функцию Катехона (Удерживающего). Катастрофа Христианского мира докатывается до нас в виде новгородской ереси («ереси жидовствующих»), имеющей вид полноценного дворцового заговора с целью замены традиционного христианства новым «прогрессивным учением». С начала революции Петра Русь оказалась захвачена в орбиту англо-саксонской политики, что предопределило её революционное крушение. Тем не менее в своих глубинах Русь всегда оставалась и остаётся глубоко традиционным миром. Следовательно, и её геополитическая и метаисторическая задача остаётся прежней: продолжать, насколько это возможно, сдерживать нравственно и культурно релятивистский хаос, продолжить выполнять свою стратегию Катехона.

Что это может означать сегодня, когда неслыханная афера грандиозной духовной подмены в целом завершена? Вероятно, только одно: вновь и вновь ясно и чётко являть оппозицию Священной истории, оппозицию Христа и Антихриста в современном мире. Необходимо искать определения, разрушать стены умолчания и говорить прямо о вещах, являющихся самыми важными для нашего времени. (Названное по имени зло престаёт быть устрашающим.)

Понятно, что в нашей брани против духа Антихриста нет никакого «антисемитизма» (провокационное и абсурдное слово, не имеющее никакого ясного смысла). Брань наша не против плоти и крови, не имеет этнического или расового характера. Наш конфликт с духом Карфагена — мировоззренческий.

Громадные массы евреев сегодня (особенно со времени еврейской эмансипации XVIII–XIX вв.) не имеют отношения к антихристианскому мессианскому проекту, и, наоборот, громадные массы неевреев так или иначе вовлечены в его орбиту и его структуры. Мы также имеем ясное апостольское свидетельство того, что остаток Израиля спасётся

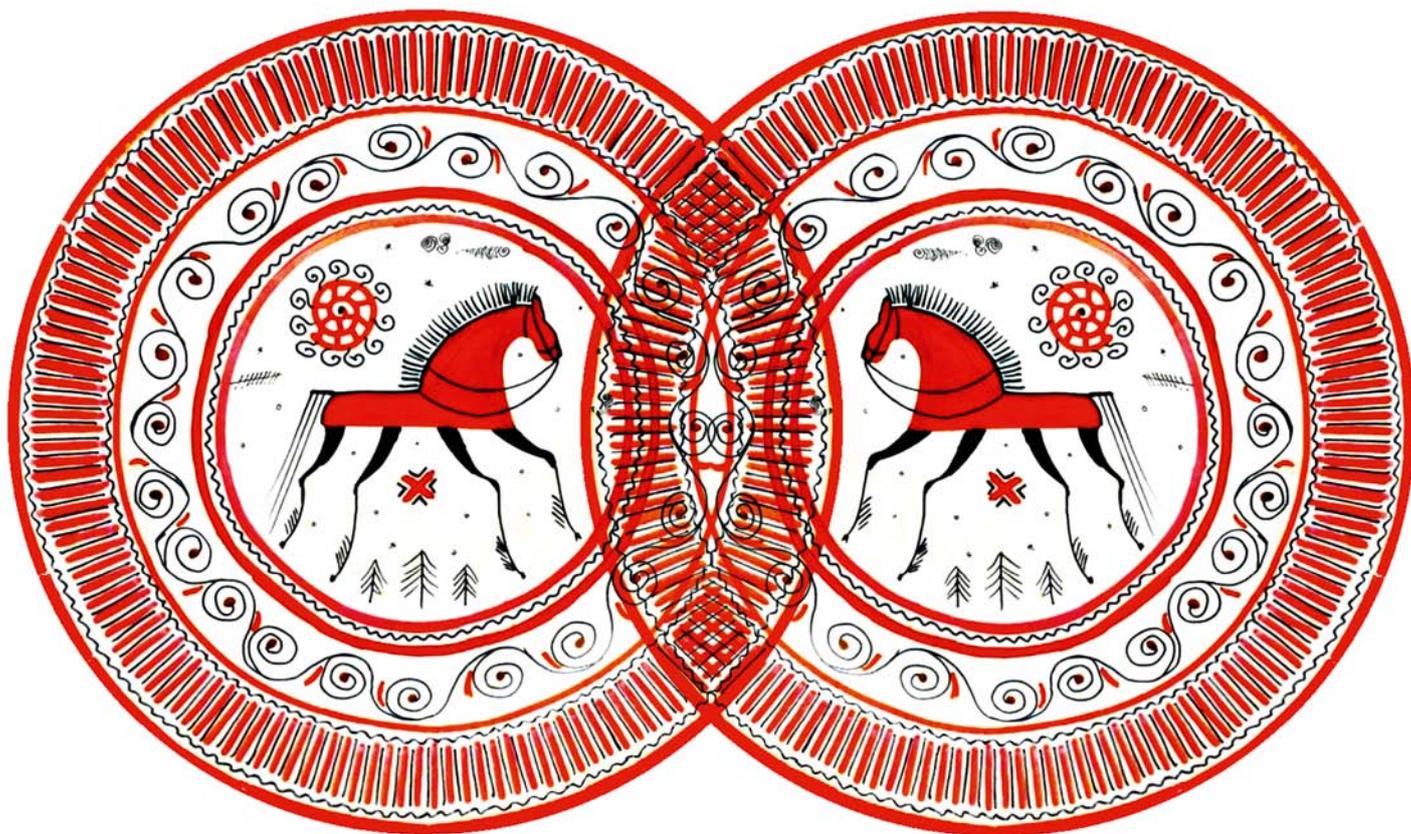
(уже из самой бездны Апокалипсиса). И эти таинственные измерения драмы Священной истории всегда надо иметь в виду.

Наконец, побеждающему духу Антихриста мы должны ясно и недвусмысленно противопоставлять собственную мировоззренческую парадигму: цветущая сложность мира, бесконечность лица необщих выражений наций, племён, народов, культур, утверждённых на идеалах Традиции, — такова наша антитеза глобализму как последнему всесмешению человечества, обращённого в рой элементарных частиц, кружащихся вокруг скопища банков; таков ответ Вечного Рима своему извечному врагу Карфагену.

/ Валерий КОРОВИН /

Битва за конец истории

Говоря об истории сегодня, мы уже зачастую находимся в плену её модернистской трактовки. История представляется современному человеку как последовательность фактов, событий, выстроенных линейно, как бы друг за другом. Такой взгляд на историю сложился не так давно, всего два-три столетия назад. Истоки же его чуть глубже, но тоже неамного в сравнении со сроками существования человечества. Это XVI век европейской цивилизации, когда Рене Декарт поставил под вопрос существование *Вечности*, интерпретировал Бога всего лишь как «первопричину» и утвердил культ *времени* в качестве

базовой категории. С этого момента и произошёл системный сбой человеческой цивилизации, тысячелетия до этого жившей по законам *Вечности*, подразумевающим цельное (холистское) соприсутствие всего многообразия форм и проявлений, далеко выходящих за рамки материального. Бог, мёртвые, живые, нерождённые, народ и его логос, коллективное сознание и коллективное бессознательное, метафизика и мистика, Традиция и сакральность — всё откладывалось по некоей единой вертикали, двигалось во все стороны одновременно, вращаясь при этом вокруг этой вертикальной оси человеческого бытия.

История была лишь чуть более нюансированной фиксацией работы этого недвижимого двигателя *Вечности*, повествованием, изложением, дополняющим лишь в качестве незначительного нюанса цельную и неподвижную картину *Вечного Бытия*.

Данная модель показалась слишком сложной для западного рационалистического сознания, пытающегося в силу своей «диурнической» структуры всё упростить, релятивизировать, примитивизировать, выстроить в линейном, параллельно-перпендикулярном порядке. *Вечность* для западного сознания слишком абстрактна, соприсутствие слишком хаотично, холизм

непостижим и необъятен, а страх перед Богом — слишком иррационален. Отсюда и возникает гипотеза о том, что сложное и нематериальное, вследствие его непонятности и непостижимости с помощью органов чувств, можно вообще отставить, для начала вынести за скобки, признать условностью, чтобы со временем совсем от него отказаться. Как только Декарт предложил поставить в центр трактовки Бытия не Бога, а самого человека, так за этим последовали и все остальные новшества модернизации. В центре картезианства оказался человек, а источником бытия стало его сознание. Бог в этой схеме стал всего лишь причиной возникновения человека, который оказался в таком случае вполне самодостаточным, чтобы не бояться не только бога, теперь уже с маленькой буквы, но и природы, оказавшейся один на один с этим возникшем в сознании Декарта субъектом, значительно отличающимся от устаревшего к тому моменту субъекта Аристотеля. Появилась диалектика субъектно-объектной пары человека и природы, время стало базовой категорией, а все события выстроились в единый ряд непрерываемой последовательности, превратившись в исторические факты — от *factum* — *деяние* в латинском или даже субъективное *изложение обстоятельств дела* — во французском.

Абстрактные, непонятные для западного сознания категории были отброшены, «лишнее» для всё более материализующегося Запада было отсечено бритвой Оккама, рассудок, материализм и рациональность пришли на смену Богу, метафизике и сакральности. Так началась эпоха Модерна. Но именно с этого момента начались многие беды человечества, окончательно переставшего понимать, что с ним происходит, и, как следствие, погрузившегося в хаос одинокого —

без Бога, примитивно упрощённого, без Вечности, — линейного бытия.

Собственно, следствием всех этих цивилизационных трансформаций и позитивистских гипотез и является нынешняя так называемая «история» в её усечённом, примитивном виде, представляющая собой лишь изложение обстоятельств в материальном мире. Но если вы перестаете во что-то верить, это ещё не значит, что это что-то перестаёт существовать. Вы просто не учитываете то, что продолжает оказывать решающее влияние на всё, что с вами происходит. А если вам непонятны причины происходящего, т. к. вы отбрасываете их и не верите в их первоисточник, то вы можете успокоить себя мыслью о том, что это пока ещё не открыто наукой, но скоро наука всё поправит. Нынешняя «история», таким образом, это лишь усечённая, исключительно материально-позитивистская, картезианская версия интерпретации происходящих с человечеством событий. Как если бы вы пытались понять, что произошло на дороге во время аварии, полностью отвергая и совершенно не учитывая правил дорожного движения. Простая картина мира — не значит верная.

ВРЕМЕННОЕ И ВЕЧНОЕ

Попробуем реконструировать недостающие ныне части человеческой истории, взглянув на неё во всей полноте, а не взирая лишь на тени танцующих фигур из глубины платоновской пещеры. Допустим, что Декарт, а вслед за ним и все философы-позитивисты поторопились со своими выводами, Бог действительно есть источник всего сущего, а религия есть мера всех вещей, по которой и замеряется соответствие бытия божественным критериям, являющимся вашим личным досье для Страшного Суда. С возвращением религии возвращается на место

и категория Вечности, ибо именно религия делит человеческое бытие на две части — на *постустороннее* и *потустороннее*, на *временное* и *вечное*. Но даже если всего этого нет, и после смерти вас просто закопают без всяких последствий, вы ничего не теряете. Есть потустороннее или нет, труп закопали и закопали, никакой разницы. А если есть, и после жизни неправедной вас ждут вечные муки? Попробуйте помыслить это, пусть даже сугубо рационально¹.

Вернув формулу *религиозного времени*², мы обнаруживаем настоящее как зло, как отклонение от нормы, ибо нормой является порядок вещей, свойственный изначально, первым временам, до грехопадения. А всё, что после грехопадения, — отступление и апостасией, в результате которых человек, творение, оказывается всё дальше от Бога, своего Творца, доходя в конечном итоге до крайней точки, где творение полностью отворачивается от своего Творца, а Творец отворачивается от своего творения. Заканчивается всё трагическими испытаниями и катастрофой. С точки зрения религиозного времени поводов для оптимизма нет. Прошлое мыслится как Золотой век, как эталон для подражания, — время, таким образом, течёт вниз. Но если перевернуть всё с ног на голову и взглянуть на происходящее глазами картезианства, то всё выглядит как раз наоборот, линия (а именно так всё видят картезианцы) человеческого бытия движется не вниз, к упадку, а вверх, к развитию, правда, исключительно материальному. Что с точки зрения цельного взгляда на вещи не противоречит, а лишь дополняет общую картину: **духовное падает вниз, материальное стремится вверх**. С точки зрения Духа в настоящем — упадок и страдание, с точки зрения материалистического рассудка — подъём и (материальное)

¹ Сходную мысль выразил Н.С. Лесков в романе «На ножах», где устами нигилиста Форова обосновывает перед Подозеровым, готовящимся к дуэли, необходимость помолиться: «Я себе верен, я не считаю этого нужным, но я это беру с утилитарной точки зрения: если там ничего нет, так это ничему и не помешает... Кажется, не помешает? — Разумеется. — А как если есть!.. Ведь это, как хотите, ошибиться не шутка. Подите-ка уединитесь» (*прим. редакции*).

² *Pronovost G. Sociologie du temps. P.: De Boeck/Universite, 1996.*

совершенство. Здесь, правда, возникает вопрос: а насколько материальное совершенство нужно Богу и будет ли оно учитываться на Страшном Суде? Но если гнать от себя плохие мысли, всё выглядит пока неплохо.

НАРОД И ВЕРТИКАЛЬНЫЙ ПУТЬ ТРЁХМЕРНОЙ ИСТОРИИ

А есть ли хоть какой-то повод для оптимизма, если мы принимаем религиозное сознание и его логику? Есть, но он лежит вне категории линейного времени вообще. Времени, текущему вниз, религия противопоставляет *вертикальный путь*, переводя всю ситуацию из условно двухмерной системы декартовых координат в трёхмерное пространство. Этот вертикальный вектор бросает вызов времени, открывая недоступный материалистическому сознанию путь сотериологического³, или мессианского, времени. История в этой оптике также приобретает вер-

тикальный, божественный ориентир, вырываясь за рамки двухмерного изложения последовательности фактов, вскрывая тем самым иную, нематериальную мотивацию побуждения к историческому действию. То, что непонятно, иррационально, абсурдно для рационально-материалистического сознания, то абсолютно обосновано и выверено с точки зрения сознания религиозного, ориентировано в Вечность, к спасению, бросая вызов инерции времени. Вера, таким образом, двигает человеческую историю по оси «иного времени», перпендикулярно времени линейному, движущему мир к концу, по нисходящей.

Таким образом, вне зависимости от того, как время определяет историю — как регресс или как прогресс, — религия утверждает ещё одно, героическое, вертикальное измерение, которое и открывает сферу религиозной эсхатологии, то есть движет историю к заданному, духовно ос-

мысленному концу с надматериальными, душеспасительными целями. В отличие от истории материальной, которая представляет собой бесконечную, но при этом «прогрессивную» борьбу за материальные активы; конец же истории в этой борьбе означает победу одного народа, государства, цивилизации или идеологической парадигмы над другими и полное торжество над ними. А что дальше? И здесь главным поводом для оптимизма является то, что и духовному регрессу, и некоторой бессмысленности картезианской истории, самому миру материи, а значит, гниения и разложения, религия противопоставляет героическое измерение, которое, преодолевая материальное и бесцельное, открывает для человека Вечность как выход за пределы земного, за пределы материи, умирания. Это открытие и составляет сферу не только религиозной, но и исторической эсхатологии, наделяя историю третьим из-

³ Сотериология — богословское учение об искуплении и спасении человека, является частью догматического богословия.

мерением мотиваций, интерпретаций и в конечном итоге осмысленным — за гранью материального — финалом, прорывом в Вечность.

Такая трёхмерность видения истории свойственна *народу* (лаос), понятному не вульгарно и обывательски, а в качестве носителя цельного, коллективного логоса. Не этносу, который поместил себя в центр бытия, находясь в окружении «малых богов», но именно народу, который, переживая становление через размыкание этносов и их слияния в надэтническую общность, открывает для себя «большого Бога». Народ радикально выходит за рамки обыденного этнического сознания, обнаруживая *другой мир* за пределами видимого, данного непосредственно. Именно в момент этого открытия народ (лаос) и обретает и временное, событийное, и надвременное, историческое измерение. В эсхатологической оптике проявляются главные свойства именно народа — исторический проект, воля, бросок в будущее, погружение в стихию сил судьбы, священное целеполагание, в качестве развязки которого эсхатология видит финальную битву героя — предводителя *народа* — со злом. Этот сверхидеалистический конец, эсхатон, и представляет собой **столкновение Мессии и остаток верных ему героических последователей с предельной концентрацией мирового зла**.

Забегая вперёд, следует отметить, что далее, избавляясь от этого метафизического, надвременного измерения, народ как бы рассыпается, теряет священное, оставляя только материальное, и превращается из коллективного субъекта, из органической общности в механическое множество. В этот момент народ не только теряет высший суверенитет, выше которого только Бог, он теряет себя, лишившись и общей цели, и коллективной миссии. Но не в этом ли замысел всех последователей позитивистской логики Модерна? Отсечь это вертикальное, духовное измерение, превратив наро-

ды в безвольные, управляемые массы, погрузив их обратно в «жизненный мир», но уже без органической общности, свойственной этносу. Именно таковыми становятся массы, когда смотрят на историю сквозь плоскую шкалу последовательности сменяющих друг друга событий — бессмысленные, разорванные скорлупы.

Но если вернуться к полноте восприятия, то история движется не бесконечно и бессмысленно, а к эсхатологической развязке религиозного времени, которое, впрочем, совсем не совпадает со временем линейным. И именно к этой развязке направлено само бытие народа, вся его энергия и усилия как религиозно-мессианской общины. Все остальные, материальные, государственнические, политические достижения или утраты их, составляют лишь некий фон, косвенную среду, предуготовление к этой финальной битве. И так как главная грядущая брань будет именно духовной, вовсе не материально-техническая база или финансовая мощь окажутся в конечном итоге решающими факторами для победы в этой битве (хотя и без них не обойтись). Но если у народа изъять главную, духовную составляющую, ослепить его в плане созерцания этой высшей эсхатологической мотивации, каким бы совершенным ни было его оружие, это будет битва с завязанными глазами. В этом **ослеплении народов** в конечном итоге и обнаруживается главный замысел философов и теоретиков Запада.

САКРАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СИРИЙСКОГО КОНФЛИКТА

Если перевести изложенные категории в формат разворачивающейся на наших глазах истории, то нагляднее всего эсхатологические предуготовления к финальной битве можно обнаружить в событиях, происходящих в Сирии, на пространстве Святой Земли, где, согласно всем основным религиозным учениям, и ожидается

финальная битва не просто за конец истории — за финальный аккорд конца мира. **Собственно, эсхатологическая перспектива и составляет смысл священной истории, о которой сегодня как бы принято молчать.** Но которая, как мы сейчас увидим, является главной движущей мотивацией к напряжению колоссальных усилий государств и народов, вся история которых священна до тех пор, пока они остаются народами.

Не вдаваясь в нюансы, с некоторыми обобщениями и редукциями, рассмотрим известные нам события, разворачивающиеся сегодня на Святой Земле, глазами основных их участников, пытаясь разобраться в том, как их видит эсхатология. Ведь если отбросить эсхатологические темы, становится непонятной некая одержимость, общее напряжение происходящих там процессов. Отсюда стремление некоторых сил высмеять, размыть, дезавуировать эсхатологический взгляд, оставив только бесконечное пересечение бытовых мотиваций нарочито бесчисленного количества субъектов, что окончательно отбивает всякое желание в чём-либо разбираться вообще.

Начнём с Америки и такого крайне популярного в американских политических кругах религиозного течения, как диспенсационализм. Вкратце диспенсационализм являет собой совокупность теологических представлений в протестантизме, рассматривающих исторический процесс как последовательное распределение божественного Откровения по периодам, каждому из которых соответствует особый тип договорных отношений человечества с Богом. Если обобщённо описать суть данного подхода, то история представляет собой совокупность циклов, сходящихся к концу времён. В конце времён евреи вернутся на Святую Землю, чтобы построить своё государство⁴. После этого туда вторгнутся армии Гога и Магога. Они придут с войной на землю Изра-

⁴ Здесь очень важно понимать, что само это течение возникло задолго, примерно за век, до того как возникло нынешнее государство Израиль.

С самого начала появления диспенсационализма интерпретация Гога и Магога увязывалась с фигурой русского царя и Россией. Но романовская империя рухнула, и все страхи и ожидания были перенесены на возникший на её месте СССР. Однако спустя годы и СССР рухнет, приходит Ельцин, друг Америки и Израиля. Казалось, что история противится предсказанию, и тут... Путин вводит войска на территорию Сирии — русские войска впервые за всю историю пророчества воюют на Святой Земле. Всё идёт к развязке...

ия, и в этот момент к ним на помощь придёт... нет, не Бог, который отразит нашествие огнём с неба, а американские протестанты. Именно они, согласно диспенсационалистской версии, придут на помощь иудеям, победят армии Гога и Магога⁵, в благодарность за что иудеи примут христианство, естественно, в протестантской версии. В этот момент произойдёт второе пришествие Христа, после чего начнётся rapture⁶. После этого все они вознесутся в рай, а армия Гога и Магога отправится гореть в геенне.

С самого начала появления диспенсационализма интерпретация Гога и Магога увязывалась с фигурой русского царя и Россией. Более века назад они ожидали вторжения царской армии. Но романовская империя рухнула, и все страхи и ожидания были перенесены на возникший на её месте СССР. Потом возникает еврейское государство, чего диспенсационалисты ожидали ещё до начала XX века, и СССР поддерживает арабов — Гог и Магог «наступают» — Советский Союз, империя зла, готовится к вторжению — так гласит пророчество, которое, наконец, начинает сбываться. Однако СССР рухнет, приходит Ельцин, друг Америки и Израиля. Казалось, что история противится предсказанию, и тут...

Путин вводит войска на территорию Сирии — русские войска впервые за всю историю пророчества воюют на Святой Земле. Всё идёт к развязке. Перенос посольства США в Иерусалим — шаг в этом направлении. Конечно, Трамп не диспенсационалист, но вот его окружение, родственники... Ясно одно — эта идеология не является маргинальной, это часть американского взгляда на мир и ближневосточную политику, мессианское американское истолкованием всего, что там происходит, — это базовый сценарий американской внешней политики. Поддержка Израиля со стороны США связана с ожиданием, которое имеет эсхатологический характер обращения евреев в евангелизм. Происходящие на Ближнем Востоке события с точки зрения американских элит носят, безусловно, мессианский характер.

Несколько иначе видят происходящее сами евреи. Согласно иудейской религии, возвращение на Землю обетованную и создание государства Израиль — следствие прихода в мир Мошиаха. То есть сначала должно состояться пришествие Мошиаха, чтобы освободить евреев из-под власти других народов, а лишь затем заканчивается рассеяние и начинается воссоздание государства Израиль. Однако

что-то идёт не так, и последовательность меняется. И всё же создание государства Израиль для любого верующего еврея — это эсхатологическое событие мирового значения. После 2000 лет изгнания должен прийти Мошиах, чтобы создать Третий храм. То, что Мошиах не пришёл, а государство уже построено, толкает евреев на дальнейшие решительные действия — стремление приступить к строительству Третьего храма самим. Однако этому препятствует мечеть Аль-Акса. Отсюда идея разрушения мечети ещё до прихода Мессии: «то, что не сделал мессия, — мы сделаем сами» — такова новая логика современного иудаизма. То, что ожидалось от трансцендентного начала — воссоздание еврейского государства, строительство Третьего храма, — реализуется самими евреями в атмосфере внешней агрессии, противостояния и высокого эсхатологического напряжения. Америка в данном случае рассматривается лишь как дружественное, но чисто инструментальное государство, которое еврейскими ортодоксами, сплошь составляющими израильскую элиту, воспринимается лишь в качестве послушного *голема*, подчинённого ортодоксальным носителям еврейского мессианства. В конечном итоге, согласно библейским пророчествам, во времена Мошиаха прекратятся войны, настанет всеобщий мир и благоденствие, и все люди, наслаждаясь покоем и гармонией, смогут посвятить себя познанию Бога и духовному совершенствованию. Но прежде за это надо сразиться.

Надо ли говорить о том, что совершенно иной взгляд на происходящее на Святой Земле имеет ислам? Шиитская версия гласит: в конце времён в Сирии появится Махди — двенадцатый скрытый имам, — который поведёт мусульман на последнюю битву. С ним вместе в Дамаске, в мечети Омейядов,

⁵ В авраамической эсхатологии это названия народов, которые пойдут войной на народ Божий, но будут повержены огнём с неба. В Ветхом Завете, в Книге пророка Иезекииля, присутствует также пророчество о Гоге из земли Магог, согласно которому Гог — это имя предводителя, который придет из страны Магог с войной на землю Израиля и потерпит военное поражение от Бога. Согласно иудейской эсхатологии, предсказание, описанное в книге пророка Иезекииля, исполнится незадолго до прихода Мессии.

⁶ Восторг, восхищение, упоение, экстаз.

снизойдёт пророк Иса (Иисус Христос), осуществив своё второе пришествие. Он спустится с башни мечети, под которой мулла до сих пор каждый день меняет коврик. Ибо, по утверждению одного из хадисов, когда Христос будет спускаться, у него будут влажные волосы, и чтобы капли не упали на землю, она должна быть застлана. После этого начнётся финальная битва с Даджалем — силами зла, воплощёнными в Западе, безбожном атеистическом мире, и в иудеях, которые хотят взорвать мечеть Аль-Акса, являющуюся частью исламской сакральности. И вот иранские войска впервые в истории стоят в Сирии, недалеко от Израиля. На наших глазах сбывается один из хадисов об общем фронте христиан и мусульман против Даджала. В центре этого хадиса — Дамаск, важнейшая точка в геополитической картине мира последних времён. Не далеко от этого ушла и суннитская версия происходящего, исходя из которой на Землях Храма произойдёт *война за веру*. В целом для мусульман всё происходящее означает конец времён, ощущение чего подогревается сионистской и евангелистской эсхатологией. Особняком стоят такфиристы из ДАИШ, которые в этой битве оказались на стороне Израиля и Запада. Россия же в этой финальной битве на противоположной стороне — против Запада и ДАИШ, на стороне шиитского Ирана и Сирии, пока не определившись в отношениях с Израилем, но в любом случае — в центре жесточайшего эсхатологического противостояния.

Что же предлагается сторонниками профанной истории в этой ситуации? Как трактуют происходящее материалисты и позитивисты? Они называют сто тысяч бытовых причин конфликта — экономических, политических, хозяйственных, перечисляют множественные пересечения интересов и бесконечно призывают к миру на Ближнем Востоке. К миру. Только и всего. Для этого надо просто отставить эсхатологическое напряжение и забыть религиозное прочтение всей ситуации: игнорировать диспансионализм, высмеивать пророчества

старцев Афона, одобрявших, как говорят, введение войск президентом Путиным; отставить сионизм, забыть революцию в Иране, предлагая ему взамен реформы и права человека. В конце концов покончить с ДАИШ, который американцы создали и используют в своих интересах.

Вся нелепость призывов к миру на Ближнем Востоке на фоне жесточайшего эсхатологического противостояния не только вскрывает тщету картезианской истории, но и дезавуирует сам Модерн, весь *дух современности* с его материализмом, прогрессизмом и позитивизмом. Конец времён воз-

вращает нас к истокам бытия, к изначальным, базовым, онтологическим ценностям. К исторической Вертикали Вечности. В конечном итоге «священная история» включает в себя все уровни — и физический, и метафизический. Отсечение метафизики делает историю недостоверной. Именно на этой недостоверности и настаивают позитивисты. Ведь для них человечество переживает расцвет и подъём, неудержимо стремясь вперёд и вверх, к прогрессу.

Если же взглянуть на историю из третьего измерения, с позиции священной истории — конец уже близок. Конец времён. И только в Вечности — спасение.

/ Михаил КИЛЬДЯШОВ /

История ведёт тебя к вечности

(цикл эссе)

История — событие, ставшее бытиём.

Ты всмотрелся в точку — она вытянулась в линию. Линия превратилась в плоскость. Плоскость стала объёмом. И во всём этом потаённая ось, что пронизывает пространство, — ВРЕМЯ.

Ты идёшь по оси, как по острой грани, как по тонкой нити. Твой шаг — мера времени, вектор времени. На твоём пути слова и лица, праведники и грешники, победы и поражения.

Твоей памяти не вместить времени во всей полноте. Пустое и суетное отпадает, детали меркнут, лукавые письма стираются. Время, его суть застывают в драгоценном слитке истории, и он, сияющий неотмирным светом, сохраняет тайну. Тайну неумирающего прошлого, тайну превращения жизни в память и памяти обратно в жизнь.

Ты пребываешь в истории. История пребывает в тебе. История ведёт тебя к вечности. Будешь в вечности — Отечество помяни.

У РОССИИ — ЖИТИЁ

История для нас священна. Мы относимся к ней не просто как к собранию фактов и свидетельств, не просто как к предмету изучения, который можно разложить на эпохи, века и десятилетия. История — великая тайна, в ней сокрыто всё знание о мире, глубокий и подлинный смысл бытия. Потому постижение русской истории — это не историография и историология. Это, прежде всего, историософия — преображение былого мыслью и духом.

Может быть, именно поэтому наш исторический путь тяжело сопоставить с каким-либо иным, невозможно полностью вписать его ни в историю Европы, ни в историю Азии:

не совпадут периоды, социальные и политические процессы, не совпадут векторы исторических сил и устремлений. Об этом поэтесса София Парнок сказала: «Пусть у Европы есть история — но у России: житиё». Русская история житийна. Житийность — то удивительное свойство России, в котором сопрягается всё сущностное.

Житийность — это святость, оттого, по слову праведника, Россия — «подножие Престола Господнего». Россия прозревает свет в самое тёмное время суток, «попадает терние грехов», потому и становится «всему миру укоризной». Так, в 90-е годы к одному митрополиту пришли сектанты и стали витийствовать о том, что Россия скоро окончательно рухнет. «Бой-

В 90-е годы к одному митрополиту пришли сектанты и стали витийствовать о том, что Россия скоро окончательно рухнет. «Бойтесь этого, — ответил владыка. — Если рухнет Россия, всему миру не на чем будет держаться».

Россия подобна житийной иконе. В центре её — средник — вечная Россия. По краям её — клейма — путь России, её исторические лики. В каждом клейме — средник. В каждом среднике — клеймо. Позолоти нимб на среднике — и все клейма преобразятся. Закровоточит одно клеймо — и средник обретёт иные краски, иное сияние. Прошлое, настоящее и будущее нерасторжимы. Безвозвратно ушедшего нет. Есть одновременность всего во всём.

тесь этого, — ответил владыка. — Если рухнет Россия, всему миру не на чем будет держаться».

Житийность — это каноничность. Из эпохи в эпоху мы ищем образы преемства, уповаем на то, что всё лучшее, всё светоносное повторится в своей гениальности, пусть обретёт другие формы, но сбережёт былую суть. Мы ждём новых Пушкина, Гоголя, Петрова-Водкина, Рахманинова и Тарковского. Мы слышим в наших храмах службу на том языке, на котором слышали её Александр Невский и Дмитрий Донской, и надеемся, что этот язык останется внятн следующим поколениям.

Житийность — это жертвенность. Россия на историческом пути пассионарна и пассионна. Она проходит свой пассион — путь от Гефсиманского сада до Голгофы, — преодолевает сомнения, свершает подвиг, и ей, претерпевшей до конца, даруется Победа. Убери эту идею жертвы — и всё станет прахом. Смыслы и слова, даже самые справедливые и правдивые, меркнут, мертвеют, если не подкрепляются подвигом. Первые русские святые были страстотерпцами. Минуют столетия, и новые мученики и герои вызовут огонь на себя, не снимут нательного креста, когда к горлу будет приставлен нож.

Россия подобна житийной иконе. В центре её — средник — вечная Россия. По краям её — клейма — путь России, её исторические лики. В каждом клейме — средник. В каждом сред-

нике — клеймо. Житийность — сумма русской истории, «краткий конспект её». Лики истории — раскрытие житийности, «проекция её».

Позолоти нимб на среднике — и все клейма преобразятся. Закровоточит одно клеймо — и средник обретёт иные краски, иное сияние. Прошлое, настоящее и будущее нерасторжимы. Безвозвратно ушедшего нет. Есть одновременность всего во всём. «Грядущее свершается сейчас», но и минувшее творится в этот же миг. Осмыслишь минувшее — изменишь настоящее — прозришь будущее.

Потому русская история «антиэволюционна». В ней нет горизонтального прогресса, а есть вертикальное преображение. По слову святителя Иллариона (Троицкого), «русский народ стремится к городу, которого строитель и художник — Бог, и может сказать с Апостолом: *вышний Иерусалим свободен, он — мать всем нам*».

Житиё не заканчивается на земном пути. Оно лишь предваряет путь небесный.

1993 ГОД: БИТВА ОБРАЗОВ

Образ — главный летописец. Мы постигаем минувшее не по архивным документам, а по эпическим полотнам, сотканным из слова. В ключевых параграфах учебника истории «Борис Годунов», «Война и мир», «Тихий Дон» цитируются не от научной недобросовестности, а оттого, что образ убедительнее, вдохновеннее и живее документального факта. Падает зерно в почву истории и прорастает в настоящем только то, что становится литературой.

События переломные, трагические и героические, когда время мечется в поисках дальнейшего пути, — особенно привлекают художника. В подобных событиях обнажается человеческая натура, открывается суть вещей, прозревается тайна времени.

Октябрь 1993 года стал таким событием. Спустя четверть века, когда отборолись между собой противоречивые факты, когда живые свидетели оставили воспоминания и погрузились в воспоминания о воспоминаниях, — в борьбу вступили образы.

Фрагментарно отражённый в кино, как огненная вспышка запечатлённый художниками объединения «Русский пожар», схваченный по горячим следам поэзией, — 1993 год искал воплощения в романной форме. Всё батальное в истории требует романа: сложных сюжетных линий, психологизма, осмысления человека во времени.

1993 год убеждает в том, что мы живём в двух временных измерениях: бытовом и историческом. В бытовом времени пребывает большинство, сохраняя в повседневной размеренности тихую гавань семьи, свыкаясь с постоянными хлопотами. И лишь немногие — те, от кого зависит грядущий день, — управляют историческим временем. Но бывают такие периоды — пора тяжёлых потрясений и великих свершений, — когда в историческом времени начинает жить весь народ, когда каждый должен внести своё слово в создаваемую летопись.

Три наиболее ярких на сегодняшний день романа, посвящённых расстрелу Дома советов, показывают нам три типа сопряжения быта и истории.

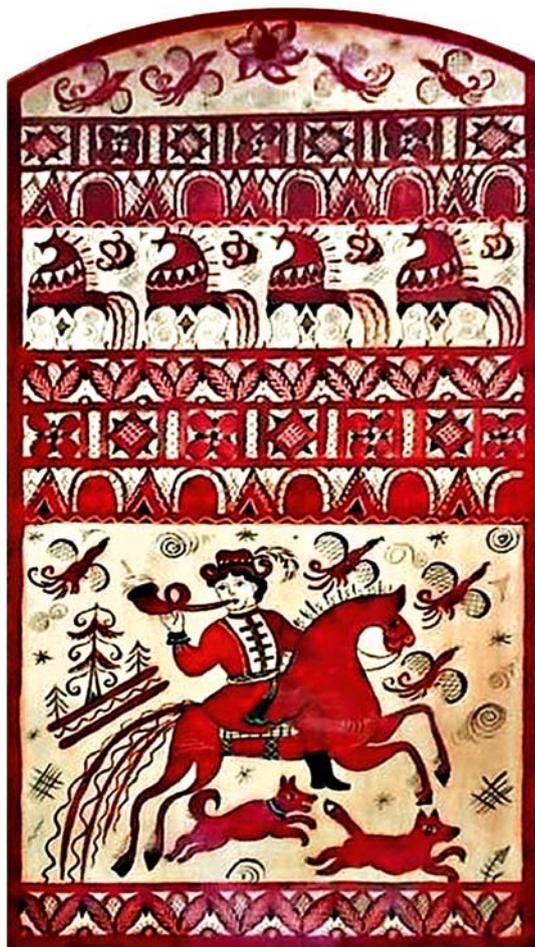
Роман Александра Проханова «Красно-коричневый» — это свидетельство человека, оказавшегося в решающий момент противостояния в эпицентре событий, в самом котле. Прохановский Белосельцев — исторический герой в историческом времени. Он горячо сражался за Красную державу на всех её холодных фронтах: от Даманского до Афганистана, от Кампучии до Никарагуа. Он вёл эту державу от космоса технического к Космосу метафизическому, но однажды пришёл с великим исполином к путевому камню 1993 года. В итоге была выбрана тропа распада и его мучительного преодоления. Но история, по Проханову, не отсекала живой росток 1993 года. **Он превратился в могучую ветвь, на которой постепенно созрел плод новой державы, ради которой принятый патриотами бой был не напрасен. В этой новой Державе красный и коричневый стали цветами не «коммуно-фашистов», а древней моленной иконы, имя которой — Россия.**

Герой романа «1993» Сергея Шаргунова — бытовой человек в историческом времени. Его жизнь накопила множество противоречий между мечтой и реальностью, прошлым и настоящим. И разрешить эти противоречия, обнулить все ошибки может только историческое потрясение. Герой вырывается из по-

вседневной рутины и спешит на баррикады, словно там можно не только написать историю, но и переписать собственную жизнь. Из маленького и лишнего человека он превращается в былинного богатыря, потому что обретает веру в одолимость смерти: «кто в свою смерть не верит, тот никогда не умрёт». 1993 год, по Шаргунову, это гиперссылка, нажав на которую, можно оказаться через двадцать лет на Болотной площади, куда вышел внук того, кто оборонял Дом советов. Вышел, чтобы понять природу русской истории, русского бунта.

Герой Владимира Маканина из романа «Испуг» — бытовой человек, оставшийся в бытовом времени, укрываясь от вихрей истории. Маканинский герой — не крепкий зрелый мужчина, тяготящийся проклятыми вопросами, а «старик-одуванчик», одержимый лишь сладострастием, которое и приводит его, как сатира в погоне за нимфой, в осаждаемое здание парламента. Этот сатир предпочитает подглядывать за историей в замочную скважину из уборной или палаты сумасшедшего дома. В замочной скважине он видит старуху-историю, которая собирает расколотые таблички с дверей депутатских кабинетов. «Одуванчик» Маканина — премудрый пескарь, который не хочет искать ни своих, ни чужих, ни правых, ни виноватых. Его «испуг», его главный страх — оказаться сопричастным истории, которая порой может потребовать от человека очень многого. И чтобы спастись, над ней надо посмеяться, спрофанировать её. 1993 год, по Маканину, это абсурд, галлюцинация распадающегося сознания. Это исторический тупик, безысходность, потому что «не бывает новой России, бывает новая Власть».

1993 год — незавершающееся противостояние сначала обороняющих и осаждающих Дом советов, потом фактов и свидетельств с обеих сторон, а затем образов. Сейчас это противостояние выходит на новый этап, когда бороться будут интерпретации образов. Историческая схватка теперь разворачивается на поле трак-

товок литературы. И здесь тоже можно либо выпустить танковый снаряд в белое здание, либо выйти с иконой под пули снайперов.

ЗЕМЛЯ СВЯЩЕННАЯ

«Земля» во всех своих смыслах — самое священное слово в русском языке. Будь то отечество, ни пяди которого мы не отдадим. Будь то точка пространства, где пересеклись все оси времени, сошлись разные эпохи и жизни. Будь то плодородная почва, откуда произрастает хлеб наш насущный. Будь то прах, в который возвращается всё земное: «ложимся в неё и становимся ею, оттого и зовём так свободно — своею».

За такую священную землю погиб Александр Прохоренко. Погиб вдали от златоглавой столицы, вдали от родного Оренбуржья. Но погиб не на чужбине, а на земле, исторически и духовно связанной с Россией.

Сирия, на пути в которую апостол Павел принял христианство, сохранила древние монастыри, теперь подвергшиеся разорению и разрушению. Святого Иоанна Дамаскина мы славим наравне с Николаем Угодником,

Иоанном Златоустом и русскими святыми. В его иконопочитательных сочинениях живёт боговдохновенный порыв, передавшийся «Троице» Рублева и «Спасу в силах» Феофана Грека. В русских домах, затеплив лампы, молятся преподобному Иоанну Дамаскину: «Отврати надлежащие нам скорби и напасти и даруй нам в здравии, мире, тишине и благоугождении Богу провождати дни жития нашего...»

Икона Богородицы «Троеручица», к которой во славу за спасение отсеченной руки Иоанн Дамаскин прикрепил серебряную десницу, в иконостасе русского «поющего сердца» стоит в одном ряду с Владимирской и Казанской, Донской и Иверской Богородицей. Её третья рука — это рука помощи Божией, рука, растягивающая общий Покров над Сирией и Россией.

Арамейский язык — язык Христа — сохранившийся как язык живого общения в сирийском селении Маалюля, подобно воде из святого источника, растекается по всему христианскому миру, изучается в университетах вместе с греческим и латинским, открывает нашему слуху музыку первохристианских времён. Все эти святые заслонил собой Александр Прохоренко, вызвав огонь на себя.

Вскоре после похорон героя в родном селе к его могиле приехал поклониться Александр Проханов. Он забрал с собой горсть земли с этой могилы, чтобы высыпать её на Изборском холме под Псковом. Там сегодня уже собрана земля со всех ратных мест нашего Отечества, со всех мест, где русские воины проливали свою кровь: Куликово, Прохорово и Бородинское поля, Сербия, Абхазия и Южная Осетия, Луганск и Донецк.

Священную землю с могилы Прохоренко в Изборск отвёз художник газеты «Завтра» Геннадий Животов. Об этой поездке он рассказал как о паломничестве: «*На протяжении всего пути я чувствовал от горсти земли тепло, как от чего-то живого. Какое-то удивительное сердцебиение, которое напоминало о великом подвиге этого прекрасного человека, подвиге, совершённом во времена нашего маловерия и бездумья. И в такую пору неожиданно появился молодой человек, красивый настоящей мужской красотой, который не побоялся вызвать огонь на себя. Значит, есть ещё мощь. Значит, наши силы по-прежнему неизбывны.*

Когда мы приехали в Псков, я нетерпеливо торопил своего провожатого к заветному холму. День был прекрасен. Стояла уже вторая половина лета, и воздух наполнялся запахами скошенных трав, запахами рождающей земли.

Очень хорошо дышалось. Проезжая по широкой трассе, издали мы увидели часовню, похожую на храм Покрова на Нерли. Неподдалёку от неё возвышался крест.

Когда я высypал землю на холм среди валунов, было ощущение исполненного долга. Стало настолько легко и свободно, что душа была готова взметнуться в небо».

Теперь земля с могилы Александра Прохоренко соединилась под общим крестом с могильной землёй Зои Космодемьянской, Александра Матросова и других ратников, в земле Российской просиявших. Так земля преодолевает пространство и время, перестаёт быть прахом и становится вечной жизнью. Земля становится **священной**.

УЖЕ В ГЕФСИМАНСКОМ САДУ

Христианская история — история подвига, история жертвы. Она повторяется из века в век, не давая забыть о той главной Жертве, что открыла для нас путь к спасению. Но почему-то нам часто кажется, что мы удалены от неё в своей размеренной жизни либо временем, либо пространством. На нашем веку за веру пострадали сербы, когда враги разрывали Югославию, посеяв вражду между славянами. Пострадали православные в Сирии, когда святые разрушали в городах, где до сих пор живой речью звучит язык Христа. Ну а уж мы, якобы усвоившие все уроки истории, якобы всё осознавшие спустя век после братоубийственного противостояния, теперь уберёмся от новых страданий, от нового кровопролития за веру.

Думаю, ещё совсем недавно так считали многие. Но ощущение покоя и благоденствия постепенно пропадает. И причина того не только ситуация с константинопольским патриархом и украинской автокефалией. Мир вновь накопил множество противоречий: между народом и народом, братом и братом, идеей и идеей. И разрешение этих противоречий потребует от нас особой крепости веры. Крепости, которая познаётся не только тем, пришёл ли ты на службу в воскресный день, прочёл ли ты молитвенное правило. Миру вновь выставлена «дорогая цена», через которую откроется, насколько мы собраны, чем и в какой степени готовы пожертвовать, кто станет для нас близким и понятным примером подвига.

Я из того поколения, в котором многие пришли в церковь благодаря подвигу Евгения Родионова. Помню, в старших классах я от-

правился в своё первое паломничество. Тогда меня даже неопитом нельзя было назвать: пригласили знакомые, и поехал как турист. Многое было непонятно, чувствовал себя среди общего единения каким-то посторонним. И вот на обратном пути кто-то дал мне тонкую брошюру с портретом солдата — нашего современника — на обложке. Из книжки узнал, что он не снял с себя крест под страхом смерти на той войне, которую никто тогда не считал локальной. Потрясения этой войны, расстояние до которой можно было преодолеть уже не самолётом, а автобусом, вторгались в каждый дом, сеяли тревогу и страх. И среди этого страха и отчаяния явился он — воин Евгений — чуть старше тебя, с простым русским лицом, какое, казалось, встречаешь каждый день в потоке людей. Он просиял таким неугасимым светом, который неспособна объять ни одна тьма. Я дочитал книжку — и всё в моей первой паломнической поездке обрело сверхсмысл: и целование чудотворных икон, и глоток воды из святого источника, и песнопения в пути. С тех пор **собственный нательный крест стал ближе к телу**, и я для себя понял, что главный выбор в жизни — это выбор, перед которым оказался Евгений-воин. И, думалось, если наступит лихая година, его пример укрепит веру, приумножит силы.

Но недавно мне приснился сон. Вооружённые люди ищут кого-то, грозятся разорвать на части. Они далеко, но всё яснее слышу их голоса. Понимаю, что ищут меня, понимаю, что сейчас найдут. Хочу прочесть молитву, а в памяти — пустота. Пытаюсь хоть чем-нибудь укрепиться: вспоминаю пушкинские строчки — и снова пустота. Хочу подумать о матери, а имени её не помню. Это был самый жуткий страх из пережитых — ни одной точки опоры, ни одной святыни, ни одной спасительной мысли. Душа, одинокая, ничем не защищённая, не выдержала бы никакого испытания.

И с той поры прошу я не только благоденствия, вразумления и смирения, но, прежде всего, крепости веры. Будто ты на своём пути земном уже в Гефсиманском саду. Вот она — чаша горькая. Воля Его открылась. Впереди — Голгофа.

Но палачи всегда опаздывают. Они опоздали в Вифлеем — и не застигли там Иисуса-младенца. Они опоздали на Голгофу, не узрев, как была поправа смерть. Палачи всегда опаздывают, потому что жизнь на шаг впереди смерти. Потому что Победа на шаг впереди поражения.

/ Протоиерей Владимир ВАСИЛИК /

Война священная. О промыслительном значении двух отечественных войн

Связь между Первой отечественной «Вечной памятью Двенадцатим годом» и войной с фашистской Германией ясно осознавалась в 1941–1945 годах. Примеров можно привести множество. И дело здесь не только в том, что в своём воззвании от 22 июня 1941-го

митрополит Сергей отметил: «Повторяются времена Наполеона». И не только потому, что в своей речи 3 июля 1941 г. Сталин призвал идти к победе «под знамёнами Кутузова», а позднее — в 1942–1943 годах — создал орден Кутузова.

Между Первой и Третьей отечественными войнами есть целый ряд параллелей. Вначале Россия пытается противодействовать всевропейской диктатуре Наполеона, вступает в различные коалиции, воюет с Францией, теряя десятки тысяч солдат и терпя поражения под Аустерлицем и Фридрихсландом. После прихода Гитлера к власти большая часть контактов с Германией была свёрнута, наступило время противостояния, кульминацией которого явилась война в Испании, где наши офицеры воевали против немцев и итальянцев. Советский Союз пытался создать широкую антифашистскую коалицию, и не его вина, что из-за неконструктивной (если не сказать более) позиции западных держав она не состоялась.

В результате неудачной Польской кампании в 1807 г. Александр I вынужден заключить Тильзитский мир — вполне почётный по своим условиям, в особенности учитывая поражение под Фридрихсландом и по сравнению с теми договорами, что подписывали прочие побеждённые государства с Наполеоном, но постыдный с точки зрения русского дворянства.

Оказавшись в фактическом дипломатическом одиночестве перед угрозой войны с Германией, руководство СССР было вынуждено подписать с ней договор о ненападении, который был ничем не хуже, скажем, «Мюнхенского сговора», напротив, гораздо достойнее, так как подписавшие «сговор» западные страны предавали своего союзника (Чехословакию) и получили на свою голову скорую войну и поражение. Между тем СССР получил по договору о ненападении значительные территории, отторгнутые от него в результате революции и Гражданской войны, и двухлетнюю передышку, необходимую для подготовки к будущей великой войне. Тем не менее многими в СССР и за его пределами этот договор осмыслялся как постыдный и вынужденный.

В событиях как 1812 г., так и начала Великой Отечественной войны весьма велика роль Англии, которая делала очень многое для вовлечения России в войну, поскольку в первом случае речь шла о сокрушении континентальной блокады, а во втором — спасении Великобритании от конечного краха.

Даже время начала и той и другой Отечественной войны почти совпадает. Бонапарт перешёл Неман 12 (25 июня) 1812 г. Нацисты и их союзники обрушили страшный удар на СССР в 3.40 22 июня 1941 года. И в том, и в другом случае враг обладал количественным и качественным, стратегическим и тактическим превосходством в начале: полумиллионная армия

В Западном Особом военном округе из 1909 самолётов боеготовых было всего 1086 при 1343 экипажах. Но из них в сложных метеоусловиях управлять самолётами могли лишь... четверо. В мае 1941 г. вся авиация получила «неудовлетворительно» по боевой подготовке. Между тем уже в 1939 г. в войсках люфтваффе насчитывалось около 8000 лётчиков, имевших право пилотировать самолёты любых типов. Не менее четверти из них владели методикой слепого пилотирования. Понятно, что при таком раскладе всякие разговоры о превентивной войне, которую якобы готовил СССР против Германии, — смешны. Кстати, Наполеон, как и Гитлер, также обвинял Россию в намерении... напасть на него.

Наполеона против двухсот тысяч русских солдат и офицеров двух разделённых русских армий. Пяти с половиной миллионам солдат и офицеров немцев и их союзников в западных округах СССР противостояли лишь два миллиона девятьсот тысяч советских солдат и офицеров. Создать прочную оборону на направлении главных ударов врага не удалось в силу рассредоточенности советских войск и явного превосходства немецких войск в области управления, связи, боевой подготовки личного состава. Приведём лишь несколько фактов: вплоть до конца 1942 г. механики-водители советских танков получали практику вождения от 5 до 10 часов, а многие имели лишь 2 часа. Между тем для нормального вождения танка требовалось не менее 25 часов.

Еще хуже было положение дел в авиации: в Западном Особом военном округе из 1909 самолётов боеготовых было всего 1086 при 1343 экипажах. Но из них в сложных метеоусловиях управлять самолётами могли лишь... четверо. В мае 1941 г. вся авиация получила «неудовлетворительно» по боевой подготовке.

Между тем уже в 1939 г. в войсках люфтваффе насчитывалось около 8000 лётчиков, имевших право пилотировать самолёты любых типов. Не менее четверти из них владели методикой слепого пилотирования. Понятно, что при таком раскладе всякие разговоры о превентивной войне, которую якобы готовил СССР против Германии, — смешны. Кстати, Наполеон,

как и Гитлер, также обвинял Россию в намерении... напасть на него.

И та и другая Отечественные войны ознаменовались вынужденным начальным отступлением. Однако в случае Великой Отечественной оно носило гораздо более невольный и тотальный характер. И если в 1812 г. удалось сохранить ядро армии, то в 1941 г. потребовалось срочно создавать новую кадровую армию, взамен прежней, разгромленной в летне-осенних боях 1941 г. И в том, и в другом случае битва под Москвой явилась началом глубинного перелома в войне: «Москва. Для всех захватчиков предел...» — как воспевал эти события лорд Байрон.

И Первая и Третья Отечественные войны завершились заграничными походами, освобождением Европы и её переустройством совместно с союзниками: Ялта и Потсдам по своему смыслу мало отличаются от Венского конгресса.

И та и другая войны были народными. Рекруты в 1812 г. плясали от радости, что их забирают на войну. Во время Великой Отечественной войны было подано не менее 19 миллионов заявлений с просьбой отправить на фронт, значительное количество — из лагерей.

Общность этих войн состоит в том, что, как в 1812-м, так и в 1941 г., Россия практически в одиночестве воевала со всей Европой, в том числе и... с французами. Приведу лишь один красноречивый факт. В октябре 1941 г. целых четыре дня на Бородинском поле шёл ожесточённый бой между усиленной танковыми бригадами советской 32-й стрелковой краснознамённой дивизией полковника В.И. Полосухина и частями 4-й немецкой армии, в которой находились французские добровольцы. Для поднятия боевого духа советским частям были розданы знамёна русских полков, участвовавших в Бородинском сражении 1812 г. и хранившиеся в музеях. И советские воины не посрамили славу этих знамён: целых четверо суток они отбивали атаки превосходящих сил противника, а затем отступили в полном порядке, оставив Бородинское поле, наполненное трупами немцев и их союзников и горящими немецкими танками.

Начальник штаба 4-й немецкой армии Г. Блюментрит вспоминал:

«Четыре батальона французских добровольцев, действовавших в составе 4-й армии, оказались менее стойкими. У Бородина фельдмаршал фон Клюге обратился к ним с речью, напоминая о том, как во времена Наполеона французы и немцы сражались здесь бок о бок против общего врага. На следующий день французы смело пошли в бой, но, к несчастью, не выдержали ни мощной атаки противника, ни сильного мороза и метели. Таких испытаний им ещё никогда не приходилось переносить. Французский легион был разгромлен, понеся большие потери от огня противника и от мороза. Через несколько дней он был отведён в тыл и отправлен на Запад...»¹.

Мы привыкли к образу французов как наших союзников по Второй мировой войне. Мы вспоминаем генерала де Голля, французских партизан, эскадрилью «Нормандия–Неман», но забываем, что до начала 1944 г. французских партизан было не более 25 000, а французов, служивших в вермахте, — более 200 000. При этом большая их часть служила на Восточном фронте².

Как и в 1812 году, «не вся ль Европа тут была?» — выражаясь словами Пушкина.

Кто только не воевал на советско-германском фронте — австрийцы, валлонцы, фламандцы, французы, итальянцы, румыны, хорваты, венгры, финны, норвежцы, поляки, испанцы³. Действительно, нашествие «двунадесяти языков». Как писал Лермонтов: «Все промелькнули перед нами, все побывали тут».

В последнее время у нас, к сожалению, в некоторых кругах принято восторгаться доблестными испанцами-франкистами. Однако вспомним, как вели себя в России солдаты испанской «Голубой дивизии», казалось бы, добрые католики. В Новгороде они вытаскивали иконы из разорённого Новгородского музея, чтобы... мостить ими дорогу в сортир⁴.

Трудно не вспомнить наполеоновских кавалеристов, которые ставили лошадей в Архангельский собор и плясали на антиминсах. Поведение их понятно: в них буйствовал без-

¹ Блюментрит Г. Роковые решения. М., 1958. С. 45.

² Генерал де Голль, с точки зрения большинства французов, в 1941 г. был или романтиком — Дон-Кихотом, или даже преступником, воюющим против «законного» пронемецкого правительства маршала Петэна. Сам генерал де Голль признавал: «Я... вначале ничего собою не представлял... Во Франции — никого, кто мог бы за меня поручиться, и я не пользовался никакой известностью в стране. За границей — никакого доверия и оправдания моей деятельности» (Голль Ш. де. Военные мемуары. — Т. 1: Призыв 1940–1942. — М., 2003).

³ См. Мухин Ю. Крестовый поход на восток. — М., 2006.

⁴ Этот случай рассказал историк Борис Николаевич Ковалёв. Он имел продолжение. Местный художник не стерпел этого безобразия, пошёл и пожаловался немцам, попутно объяснив огромную культурную и материальную ценность икон. Немцы сделали свои выводы, собрали иконы и вывезли их в Германию.

божный дух так называемой Великой Французской революции. Но что бушевало в упомянутых уже испанских солдатах и немецких, которые уничтожали храмы и сжигали в них живьём людей? Ответ покажется парадоксальным: европейская революция. Спросят, а как же фашизм как контрреволюционная сила, как таран международной реакции? Оставим это объяснение марксистским историкам и простакам. На самом деле нацисты пришли к власти благодаря революции, другое дело, что она была легальной⁵. Под покровом традиционных институтов и призывов к традиционным ценностям Гитлер и его подручные совершали не менее глобальную по своему размаху революцию, чем большевики. Пропагандистская машина доктора Геббельса позднее была использована в революционных процессах шестидесятых годов XX в. в Европе (в частности, в сексуальной революции) и в разрушении Варшавского договора и Советского Союза в восьмидесятые–девяностые годы XX в. Под овечьей шкурой псевдохристианской риторики и возвращения к истокам Гитлер скрывал неоязыческую революцию. И дело не только в том, что Гитлер и Гиммлер планировали в конечном счёте вернуть поклонение Вотану и Тору, а римского папу после войны повесить на площади св. Петра. Программа была глубже — создать нового человека, подобного «белокурой бестии» Ницше, и человека абсолютно антихристианского. Только если у Ницше мечтания о «Единственном», о всесильном сверхчеловеке, лишённом жалости и любви, являлись плодом его истеричной неполноценности, то у нацистов проект «белокурая бестия» был поставлен на серьёзную основу, вплоть до планирования питомников, где наиболее отличившиеся эсэсовцы могли скрещиваться с арийскими самками (пардон, с истинными арийками).

Точно этот процесс отразил святитель Николай (Велимирович) в своём труде «Из окна темницы», описывая суд Христа и Европы. В нём Христос с грустью спрашивает:

«— Как можете вы, люди, жить только империалистическими, то есть материалистическими интересами, то есть животной похотью только к телесной пище? Я хотел сделать вас богами и сынами Божиими, а вы спешите уравняться с тягловым скотом.

На это Европа отвечает:

— Ты устарел. Вместо Твоего Евангелия мы нашли зоологию и биологию. Теперь мы знаем, что мы потомки орангутангов и горилл — обезьян, а не Твои и Твоего небесного Отца. Теперь мы совершенствуемся, чтобы стать богами, ибо не признаем других богов кроме себя.

Говорит в ответ Христос:

— Вы упрямее древних иудеев. Я поднял вас из тьмы варварства к небесному свету, а вы снова стремитесь во тьму, как бык в грязь. Я пролил за вас кровь. Я проявил Свою любовь к вам, когда все ангелы отвернулись от вас, ибо не могли выносить вашего адского смрада.

А Европа на это:

— Какая любовь? Здоровая мужская ненависть ко всем, кто не согласен с нами, — вот наша программа. Твоя любовь всего лишь басня. Вместо этой басни мы предпочли — национализм и интернационализм, эстетизм и прогрессизм, эволюционизм, сайентизм и культуризм. В них наше спасение, а Ты — прочь от нас!»⁶

И в том, и в другом случае захватчиками предводительствовали вожди, одержимые демонской энергией. По воспоминаниям великого востоковеда И. М. Дьяконова, слушая передачи с речами Гитлера, он испытывал ощущение некоей тёмной силы. Наполеона не случайно на-

⁵ Процесс легальной революции прекрасно описан немецким историком Иоахимом Фестом во втором томе его труда «Адольф Гитлер». См.: Фест И. Адольф Гитлер. Т. 2. М. 1998.

⁶ Свт. Николай Сербский (Велимирович). Из окна темницы. — Минск, 2010.

зывали антихристом, как в силу его честолюбия, так и его демонической энергии⁷. Вспоминаются строки Тютчева:

*Ты помнишь ли былое, Неман?
Тот день години роковой,
Когда стоял он над тобой,
Он сам — могучий южный демон,
И ты, как ныне, протекал,
Шумя под вражьи мостами,
И он струю твою ласкал
Своими чудными очами?
Победно шли его полки,
Знамёна весело шумели,
На солнце искрились штыки,
Мосты под пушками гремели —
И с высоты, как некий бог,
Казалось, он парил над ними,
И двигал всем, и всё стержёт
Очами чудными своими...*

Таким образом, и в Первую, и в Великую Отечественную войну Россия столкнулась с объединённой антихристианской Европой, ненавидевшей русскую жизнь, русского человека, русский дух и русскую культуру и, что ещё важнее, ненавидевшей Христа. И в том, и в другом случае Россия столкнулась с расистским превозношением европейского человека: французы Наполеона считали русских варварами, а фашисты — недочеловеками.

Однако «варвары» и «недочеловеки» сокрушили, казалось, неодолимое военное могущество и Наполеона, и Гитлера, покоившееся на оккультной базе. Промыслительное значение обеих Отечественных войн состоит в том, что Бог руками русского солдата разгромил эти могущества и посрамил безбожный дух и безбожную мысль превознесённого европейца, явив величие православия. Вновь процитируем Тютчева:

*Лишь одного он не видал...
Не видел он, воитель дивный,
Что там, на стороне противной,
Стоял Другой — стоял и ждал...*

*И мимо проходила рать —
Всё грозно-боевые лица,
И неизбежная Десница
Клала на них свою печать...
И так победно шли полки,
Знамёна гордо развевались,
Струились молнией штыки,
И барабаны заливались...
Несметно было их число —
И в этом бесконечном строе
Едва ль десятое чело
Клеймо минуло роковое.*

Надлежит со всей серьёзностью поставить вопрос: кто был более цивилизован — наполеоновские солдаты и офицеры, гадившие на могилы русских царей в Архангельском соборе, или русские воины, с непокрытой головой стоявшие на заупокойной мессе памяти Людовика XVI. Французы сожгли Москву не столько, впрочем, по злобе, сколько из-за увлечённости грабежом и из-за неумения обращаться с русскими печками. Русская армия в целостности сохранила Париж и не дала его разграбить союзникам — пруссакам и австрийцам.

⁷ См.: Протоиерей Владимир Василик. Образ Наполеона-антихриста в русском общественном сознании первой трети XIX в. <https://pravoslavie.ru/34380.html> Печатный вариант этой работы — в: Протоиерей Владимир Василик. Солнце русской поэзии и грозы мировой истории. — М., 2018.

Немцы вымаривали голодом жителей оккупированных городов и сёл. Советские солдаты в первый же день после капитуляции Берлина развернули полевые кухни и стали кормить берлинцев, в том числе и тех, кто стрелял в них накануне.

Удивительную историю рассказал ветеран Великой Отечественной войны Кирилл Васильевич Захаров. Его брат Михаил Васильевич Захаров погиб в Таллинском переходе, двое дядей были убиты под Ленинградом, отец потерял зрение. Сам он пережил блокаду, чудом спасся. И с 1943 года, когда он пошёл на фронт, начиная с Украины он всё мечтал о том, как доберется до Берлина и будет мстить. И вот во время боёв за Берлин, во время передышки, он остановился было в подворотне перекусить. И вдруг увидел, как поднимается люк, из него высовывается пожилой оголодавший немец и просит есть. Кирилл Васильевич поделился с ним своим пайком. Потом вылез ещё один гражданский немец, тоже попросил есть. В общем, в тот день остался Кирилл Васильевич без обеда. Так он отомстил. И не жалел об этом своём поступке. Мужество, стойкость, совесть и милосердие — эти христианские качества проявил русский солдат в Берлине в апреле–мае 1945 года⁸.

Промыслительное значение двух Отечественных войн состоит и в том, что они явили миру красоту и силу духа русского человека, воспитанного в православных традициях. Вспоминаются слова Л.Н. Толстого из романа «Война и мир»: «Благо тому народу, который в минуту испытания, не спрашивая о том, как по правилам поступали другие в подобных случаях, с простотою и лёгкостью поднимает первую попавшуюся дубину и гвоздит ею до тех пор, пока в душе его чувство оскорбления и мести не заменяется презрением и жалостью». И таких случаев было очень много.

Почему немцы столь ожесточённо сопротивлялись, когда война была уже очевидно проиграна? Они боялись, что наши будут поступать с ними так же, как они обходились с нами. И как они были потрясены, когда встречали человеческое и милосердное отношение со стороны советских солдат и офицеров. И вот ответ на вопрос: почему мы победили? Благодаря воле и вере, силе духа русского народа, укоренённого в столетиях православной жизни. Вспоминаются слова Шамиля в письме Александру II:

«Государь, ты победил меня не только силой оружия. Ты победил меня своим великодушием и милосердием». И не случайно Ольга Берггольц говорила о спасённой на войне от смерти человечности. Пройдя тяжелейшие испытания, мы всё же остались людьми, внутренне дорожившими христианскими ценностями, несмотря на их внешний временный запрет. Этот парадокс чётко определил Александр Твардовский в своей поэме «Василий Тёркин»:

*В бой, вперёд, в огонь крошечный,
Он идёт, святой и грешный,
Русский чудо-человек.*

Однако главное в другом — в духовном смысле этих войн. Война 1812 г. явилась вразумлением русскому обществу, увлекшемуся подражанием Европе и Франции. Французы воочию показали свою «культурность и цивилизованность»: пляски наполеоновских солдат на антиминсах, лошади в кремлёвских соборах, расправы над ранеными и пленными.

В результате революции и Гражданской войны Россия стала жертвой одного из ядовитых продуктов европейской апостасийной мысли — атеистического материализма. Соотечественники Маркса и Энгельса воочию показали, что нам следует ждать от «немецкого пролетариата» и «культурной Германии». Духовным результатом той и другой войны во многом явилось прозрение русского (советского) общества, возвращение части его к православной вере, к ценностям патриотизма.

Юрий Георгиевич Алексеев, блокадник, офицер, профессор СПбГУ вспоминал: «Когда началась война, мне было 15 лет. До 6–7 сентября Ленинград не бомбили. Но восьмого числа был страшный налёт, разбомбили Бадаевские склады. Потом мы ходили, выбирали землю. Она была сладкая. Из магазинов исчезали продукты, сокращалась выдача хлеба. Начались постоянные артобстрелы, бомбёжки. Но самым страшным днём для меня стало 16 октября, когда в газетах я прочитал: “Москва на осадном положении”. В голову не вмещалось, что Москву сдадут. И насколько радостной оказалась весть о параде 7 ноября 1941 г. и речь Сталина, его призывы: “Под знамёнами Александра Невского, Дмитрия Донского, Минина и Пожарского — вперёд к победе”. И думалось: слава богу! Конец этому проклятому троц-

⁸ <http://www.pravoslavie.ru/53398.html>

кистскому интернационализму. Возвращается русский патриотизм».

Некоторые публицисты имеют дерзость утверждать, что «победа задавила ростки покаяния». Немногие ещё живущие верующие старшего поколения, заставшие войну и послевоенные годы, могут засвидетельствовать, что это — неправда. Не только во время войны, но и после неё храмы были переполнены, люди стремились на исповедь и к причастию, и таких были не тысячи, а сотни тысяч, пожалуй — миллионы.

Вот что говорил о. Кирилл (Павлов): «Я шёл с Евангелием и не боялся. Никогда. Такое было воодушевление! Просто Господь был со мною рядом, и я ничего не боялся. Дошёл до Австрии. Господь помогал и утешал...» Вот он описывает: «...в один воскресный день я пошёл в Тамбов. Там только что открыли единственный храм. Собор весь был голый, одни стены... Народу — битком. Я был в военной форме, в шинели. Священник, отец Иоанн, который стал впоследствии епископом Иннокентием Калининским, такую проникновенную проповедь произнёс, что все, сколько было в храме народа, — навзрыд плакали. Это был сплошной вопль...»

Вот какое было покаяние, вот как реально, а не мнимо жила православная Россия во время Великой Отечественной войны. На передовой, как вспоминает замечательный петербургский художник, иконописец, глубоко верующий человек, ветеран войны Сергей Николаевич Спицын, солдаты более старших возрастов резко осекали молодых, если с их уст невзначай срывалось богохульство: «Хочешь в живых остаться — Бога не хули». Многие молились перед боем. Поражает находка следопытов отряда «Ингрия»: были найдены останки советского воина, рядом — снайперская винтовка с многочисленными зарубками и Новый Завет. Бездомный снайпер жил как о. Кирилл Павлов — шёл с Евангелием и не боялся.

Если говорить о плодах покаяния, известных нам из слов Иоанна Предтечи (у кого две одежды — отдай одну), то нравственная высота русского человека проявлялась в таких удивительных поступках, как отдача русскими сиротами и вдовами зачастую последнего хлеба военнопленным немцам. Вспоминает моя мама, заслуженный врач Василик Галина Георгиевна, как её одноклассница после войны отдала свою пайку пленному немцу, который под конвоем шёл на работу.

И в той, и в другой войне Православная церковь, несмотря ни на что, была со своим народом. Во время войны 1812 г. многие священники прославились как герои⁹.

Нельзя без волнения перечитывать обращение митрополита Сергия (Страгородского): «Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят ещё раз попытаться поставить народ наш на колени перед неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью родины, кровными заветами любви к своему отечеству... Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своём долге перед Родиной и верой и выходили победителями. Не посрамят же их славного имени и мы — православные, родные им по плоти и вере. Отечество защищается оружием и общим народным подвигом... Вспомним святых вождей русского народа, например, Александра Невского, Димитрия Донского, полагавших души свои за народ и родину... Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей родины. Православная наша церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг...»

Святейший Патриарх Кирилл справедливо отмечает:

«Человеческие потери в войне с нацистской Германией — это размеры целой страны, это колоссальное потрясение для народа, основ народной жизни. Теми великими потерями, которые понёс наш народ в войне с фашистами, он искупил богоотступничество во времена большевиков».

Однако это искупление простирается и на предреволюционный период — тот самый, который вначале подготовил позорный и страшный Февраль, а затем его логическое продолжение — Октябрьская революция. И если брать ещё шире и глубже, то разве не было торжество коммунизма в России лишь частью всеобщего апостасийного процесса, охватившего европейский мир? В XX в. Европа пережила целую череду революций и кровавых диктаторских режимов. Сам нацизм являлся осуществлением веко-

⁹ См.: Журавлева Л.В. Русская православная церковь и Отечественная война. М., 2006.

вых интенций немецкого народа к господству над миром и тирании, именно поэтому он столь легко и воцарился, и именно поэтому немецкие солдаты дрались за него с таким ожесточением.

Не по русским лекалам совершалась революция, и планировался материалистический социализм в России, который, однако, через крестный страдальческий подвиг русского советского народа превратился в то, что перестало соответствовать ожиданиям сил, вызвавших его к жизни, и что во многом соответствовало русским православным понятиям об общинности и правде. И, соответственно, разве не простирается это искупление также и на весь цивилизованный европейский мир, притом что в 1941 г., как и в 1812-м, нам пришлось воевать, по сути дела, со всей Европой, либо порабождённой, либо одурманенной Гитлером? Ныне по-особому прочитываются строки Пушкина из стихотворения «Клеветникам России»:

И ненавидите вы нас...

За что, ответствуйте, за то ли,

Что на развалинах пылающей Москвы

Мы не признали наглой воли

Того, пред кем дрожали вы?

За то ль, что в бездну повалили

Мы тяготеющий над царствами кумир,

И нашей кровью искупили

Европы вольность, честь и мир?

Всё, к сожалению, повторяется. Как Европа XIX в., так и нынешняя Европа ответили ненавистью и неблагодарностью русскому воину-освободителю. Об этом остается скорбеть и всё же надеяться на вразумление и покаяние гордого европейского человека. Мы же должны хранить в нашем сердце и «Вечную память двенадцатого года», и священное воспоминание о Великой Отечественной войне. Историю, какою нам Бог дал.

Елена ЛАРИНА, Владимир ОВЧИНСКИЙ. Искусственный интеллект. Большие данные. Преступность. —
М.: Книжный мир, 2018. — 416 с. («Коллекция Изборского клуба»)

Новые технологии меняют мир. Главным фактором изменений станет грядущая научно-техническая революция и внедрение искусственного интеллекта (ИИ) во все сферы деятельности человека.

Но вместе с нашим миром изменяется и такая его неотъемлемая часть, как организованная преступность. Эксперты считают, что организованная преступность в течение следующего десятилетия подвергнется значительным изменениям, по существу, мафия превратится в своеобразную Crime Inc — глобальную криминальную многопро-

фильную корпорацию, использующую все новейшие достижения науки и техники, включая ИИ, дроны, социальный инжиниринг...

Сможет ли противостоять этой корпорации «Зло» Интерпол и национальные полиции? Не придётся ли ради победы над организованной преступностью отправить на свалку истории права человека и неприкосновенность личной жизни? Каким станет новый мир, где законопослушный гражданин окажется «голым» и перед государством, и перед преступником?

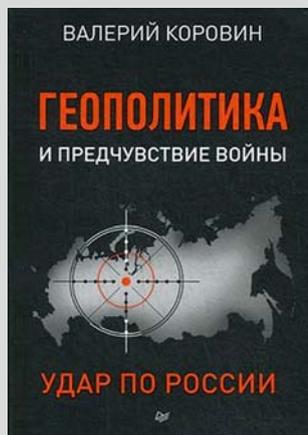

Михаил ДЕЛЯГИН. Британские элиты: факторы глобального превосходства. От Плантагенетов до Скрипалей. —
М.: Книжный мир, 2018. — 256 с.

«Правь, Британия!», «Владычица морей» и прочие знакомые лозунги времён Британской империи, над которой когда-то «не заходило солнце», казалось бы, ушли в далёкое викторианское прошлое. Но так ли это на самом деле?

Как удалось Англии построить самую большую в мире империю и со-

хранить своё политическое, экономическое и культурное влияние на планете до наших дней? Какие методы и приёмы использовала английская элита, чтобы захватить власть над миром? Зачем Британии понадобился «Брекзит»? И какие планы на будущее она вынашивает? Об этом новая книга доктора экономических наук Михаила Делягина.

Валерий КОРОВИН. Геополитика и предчувствие войны. Удар по России. —
СПб.: Питер, 2018. — 288 с.

Несколько лет назад вышла книга-предупреждение Валерия Коровина «Удар по России». В ней автор утверждал, что Третья мировая война уже идёт, и конечной целью главного агрессора, США, является наша страна. Что изменилось с тех пор? Сегодня Россия стремительно набирает авторитет на международной арене, но и наши оппоненты не тратят время зря, действуя всё более открыто, цинично и нагло. Дыхание войны чувствуется буквально во всём. Наверное, впервые с эпохи

Карибского кризиса человечество снова колеблется на грани небытия. Неужели апокалиптическая реальность, которой нас старательно пугали весь XX век, станет нашим «завтра»? Или всё же Россия сумеет вовремя предотвратить надвигающуюся катастрофу?

В своей книге автор описывает различные сценарии развития событий и утверждает, что гибель человечества предопределена, если мир не перейдёт к иному, более справедливому мироустройству.

Хронология мероприятий клуба

На съёмках многосерийного публицистического цикла Александра ПРОХАНОВА «В поисках Русской мечты»

Сентябрь–ноябрь 2018 года

По телеканалу «Россия 24» еженедельно выходят выпуски многосерийного публицистического цикла Александра Проханова «В поисках Русской мечты», в котором Александр Андреевич рассказывает о своих поездках по России, о своём видении Русской мечты в преломлении разнообразной жизни российских регионов.

5 сентября 2018 года

В Москве, в рамках 31-й Московской международной книжной выставки-ярмарки, прошла презентация книги Михаила Кильдяшова «Александр Проханов — ловец истории».

18–20 сентября 2018 года

Председатель Изборского клуба Александр Проханов и пресс-секретарь клуба Екатерина Глушик приняли участие в состоявшейся в Грозном

презентации книги председателя чеченского отделения Изборского клуба Джамбулата Умарова «Грозный. Фактор КРА».

30 сентября 2018 года

30 сентября в Республике Адыгея, в Майкопе, под эгидой адыгского отделения «Изборского клуба» состоялся форум «Кавказско-русская инициатива», а в комплексе «Гранд Холл» прошёл круглый стол, посвящённый вкладу династии князей Черкасских в становление Российской империи. На форуме присутствовали и выступали представители старейшин балкарского народа, старейшина абазинского народа, старейшина карачаевского народа, старейшина черкесского народа, Союз казаков России, ВБКВ РиЗ, МО ККБ, представители из Чечни и Ингушетии, азербайджанская община, вайнахская депутация, греческая община, грузинская община, дагестанская община, татарская община, Дума старейшин

Кабарды, а также член Изборского клуба, председатель «Всеславянского союза», директор «Института русской цивилизации», главный редактор газеты «Русский вестник» профессор Олег Анатольевич Платонов, который презентовал книгу трудов князя В.А. Черкасского из серии «Русская цивилизация».

Также делегацией форума был посещён мемориал в честь 400-летия воссоединения Черкасии и Руси.

10 октября 2018 года

В Москве в главном офисе Изборского клуба прошёл круглый стол на тему «В поисках Русской мечты и образа будущего». В нём приняли участие постоянные члены клуба Александр Проханов, Виталий Аверьянов, Александр Агеев, Сергей Глазьев, Михаил Делягин, Леонид Ивашов, Валерий Коровин, Георгий Малинецкий, Георгий Мурадов, Александр Нагорный, Олег Розанов, Константин Сёмин, Николай Стариков, Михаил Хазин. В работе круглого стола также приняли участие федеральные эксперты клуба Владимир Елистратов, Алексей Комогорцев, Евгений Тарло, руководители и эксперты региональных отделений Михаил Кильдяшов, Сергей Ушкалов, Виктор Гринкевич, Илья Тыщенко, Игорь Кефели, Юрий Иерусалимский.

Материалы обсуждения см. в настоящем номере.

10–14 октября 2018 года

На Франкфуртской книжной ярмарке состоялись встречи читателей с членом Изборского клуба писателем Захаром Прилепиным.

15–17 октября 2018 года

Председатель Изборского клуба Александр Проханов принял участие в работе юбилейного XV заседания Международного дискуссионно-

го клуба «Валдай», состоявшегося в Сочи, на которое съехались эксперты, политики, предприниматели, государственные и общественные деятели из 33 стран мира.

22–26 октября 2018 года

Александр Проханов побывал в Свердловской области, где посетил завод Уралтрансмаш (Екатеринбург), Уралвагонзавод (Нижний Тагил), Уральскую горно-металлургическую компанию (Верхняя Пышма). В городе Верхотурье Александр Проханов осмотрел восстановленный Верхотурский кремль, Свято-Троицкий и Крестовоздвиженский храмы. В городе Нижний Тагил ознакомился с работой Уральского клинического лечебно-реабилитационного центра. В рамках визита состоялась встреча Александра Проханова и губернатора Свердловской области Евгения Куйвашева.

31 октября 2018 года

В Санкт-Петербурге в Северо-Западном институте управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ прошло заседание регионального отделения Изборского клуба (совместно с ИА «Русская народная

линия») **«Автокефалия на Украине: причины и следствия»**. Заседание провели советник директора СЗИУ РАНХиГС Вячеслав Случевский и главный редактор «Русской народной линии» Анатолий Степанов. С основными докладами, вызвавшими оживлённое обсуждение, выступили Анатолий Степанов, протоиерей Владимир Василик, по скайпу — политолог Богдан Безпалько.

7–10 ноября 2018 года

Александр Проханов совершил визит в Амурскую область, где состоялась его встреча с губернатором Василием Александровичем Орловым. Председатель клуба посетил космодром «Восточный», строящийся Амурский газоперерабатывающий завод, осмотрел Бурейскую ГЭС, где побеседовал с директором станции Александром Гаркиным о перспективах развития энергетического комплекса Амурской области.

10 ноября 2018 года

В связи с приближающимся 140-летием Иосифа Виссарионовича Сталина Владимирское региональное отделение Изборского клуба проводит серию встреч, посвящённых

личности Сталина и его значению для истории. Первая встреча прошла в Историческом музейном комплексе «Запасной командный пункт Верховного главнокомандующего Красной Армии» в Измайлове («Бункер Сталина в Измайлове»). Во встрече приняли участие заместитель председателя Изборского клуба Александр Нагорный, президент Фонда им. И.В. Сталина Вячеслав Агаджанов, широкий круг руководителей общественных организаций Москвы, Владимирской и Московских областей.

16 ноября 2018 года

В Екатеринбурге состоялся семинар Уральского отделения Изборского клуба, посвящённый проблематике семьи, Семейного кодекса, разработке общеправовых и правовых понятий в этой сфере.

19–23 ноября 2018 года

Александр Проханов побывал в Магаданской области, где состоялась его встреча и беседа с губернатором Сергеем Носовым. Также Александр Проханов выступил на магаданском телевидении, побывал на выступлении национального ансамбля «Энэр», встретился с коллективом врачей онкологического центра, пообщался с мастерами-косторезами, проехал по Колымской трассе до посёлка Омчак, где на предприятии «Полюс Магадан» наблюдал за процессом добычи золота. Александр Андреевич осмотрел монумент Эрнста Неизвестного «Маска скорби» и бывшую пересыльную тюрьму, ознакомился с производством рыбоперерабатывающего завода в посёлке Гадля на берегу Охотского моря, побывал в Магаданском торговом порту. В населённом пункте Палатка писатель посетил возведённый на средства предпринимателя Александра Басанского Спасо-Преображенский храм, а также ювелирный завод концерна «Арбат».

Изборяне Чатиб ХУНАГОВ, Олег ПЛАТОНОВ, Клим МЕРЕТУКОВ, Аскарбий АДЖИГИРИЕВ (глава Адыгского отделения), Лазарь АФНАСИАДИ на форуме «Кавказско-русская инициатива»

/ Сергей АРУТЮНОВ /
**«Я твой росток,
 я твой изгнанник...»**

ЭЛЕГИЯ

Пребывая в перманентном шоке,
 Тучных лет изнашивая шмотки,
 Полуоживлён и получаяхл,
 Я от жизни часто получал
 На пределе слышимости отзвук,
 Вроде коллективной дрожи в овцах,
 Указаний дохнуть веселей,
 Выкупленных кем-то векселей.

От пентхаусов и лофтов строгих
 До пенсионерских новостроек
 Родина моя — бетонный прах,
 Стычка на таёжных топорах.

Пережали жилу, вот и прибыль:
 Не заточкой, так, наверно, бритвой
 Саданут, и ссохнешься пятном,
 Не сейчас, так, может быть, потом.

В отпуску — не то что без работы.
 То в кино, где скачут астроботы,
 То статью шарашись как чумной,
 То в камине шарись кочергой.

Пусть никто мы, пусть мы ошизели,
 Есть на свете где-то наши земли,
 Где припасть возможно к алтарю.
 Как пристало, так и говорю.

* * *

Дмитрию Филиппову

Не могу осознать, а раз так, то, наверно, не надо мне,
 Как сливают страну и как мёртвый над нею стою,
 И на подиум входят литые самцы доминантные,
 А другие в гробах возвращаются в землю свою.
 И на этой земле, сухоснежьем едва припорошенной,
 Штыковыми лопатами роют им скорбный альков,
 И звенит в их манерках последней упрямой горошиной
 То ли хруст мировой, то ли слышанный в детстве Тальков.
 Не журись, пацаны, неизвестно, кому тут херевее:
 Вы-то, вон, залегли аж до самого Судного дня.
 Остающимся здесь — тискать баб с выменями коровьими,
 Поменяться бы с вами, козлятки... такая фигня...
 За три выстрела взводных, овальный портретик на мраморе,
 За гвардейскую ленту венка, что от хмари промок,
 Оловянную кружку со ста милосердными граммами,
 Поменялся бы с вами и я, если только бы мог.

* * *

Сто лет нам, что ли, тут ковыряться?
 Ужели мир нас так обаял?
 А эти твари — договорятся.
 Крепка порука среди бояр.

У них не то, что у мелких сошек, —
 Семейный бизнес на всю страну.
 Вольно клеймить им убийц усопших.
 Мелите воду, а я всхрапну.

БИОГРАФИЯ

АРУТЮНОВ Сергей Сергеевич

Поэт, публицист, литературный критик. Родился в 1972 году в Красноярске. Окончил Литературный институт им. Горького. Автор десяти стихотворных сборников («Окалина», «Апдейт», «Item», «Версия для печати», «Саланг», «Право хранить мол-

чание», «Хор вирап», «Нижние котлы», «Апостасис» и «Беглый огонь»), двух книг прозы («Винтаж» и «Запах напалма по утрам»), книги духовных статей «Со Христом». Лауреат ряда литературных премий. Преподает в Литинституте им. Горького.

Свежо мне сено, и стойло чисто,
И словом божьим полна мошна.
А по-пустому что сволочиться?
Была удача, не обошла.

Но чтобы в грёзы не погружаться,
Мозги не зря ты себе штробил:
Не обзаведшись двойным гражданством,
Не залупайся, что гражданин.

* * *

Здесь, на Бронной, небо синеоко,
Теневая сторона приятна.
Я по левой, там, где синагога:
Справа слишком сложные ребята.

Там у них стоят большие джипы,
Там дела круты и вне синекдох.
Если б деньги были недвижимы,
Рассекали б на велосипедах.

Но легко налоговое тягло
Тем, чьи стёкла зря не полируйте:
Нет зеркальной «Ламборжини-Дьябло»,
Налитого, словно капля ртути.

Там, убажены с ногтей до пяток,
В шмотках одноразово шикарных,
Смотрят сквозь обычных наших пьяных
Те, чьи деды числились в жиганах.

А теперь промышленные семьи
Не чужды эстетского фриланса:
Летняя веранда, воскресенье,
Сплетни, слухи, новости, финансы.

И сидят, навек неотличимы,
Проплывая сквозь июль амёбой,
Пленники наследной мертвечины,
Сумерек эпохи, скуки мёртвой.

Ни яйца в суме, ни помидора,
Тут и так заботливо готовят.
...Слева улыбается менора,
Хмурит брови грозный могоендовид.

* * *

Пройдёт ли это с возрастом, усилится ль,
Трясусь и плачу над седым былём,
Когда пугали «Памятью» васильевской,
Мол, всю страну кровью польём.

О, жирный смрад хвостов и сисек заячьих,
Едва эфир брыкаться начинал!
Теперь с собой и мы из исчезающих
Народов мира, брат мой камчадал.

Нам, коренным, ни в Грецию, ни в Данию.
Молчи пред белым, гордый семинол.
Разжился каждый росчерком по табелю:
Кому строгащ, кому совсем увол,

Когда предельный страх — утери паспорта! —
Пронзит кишки десницей золотой.
...С утра был дождь, и до сих пор так пасмурно,
Что хочется укрыться с головой.

И только дачный запах мокрой зелени
Над нами мреет, манит в полумглу.
В изгнаны ли, посланы ли, рассеяны,
Мы все — рушник и служим полотну.

Шагами семимильными, гигантскими
Надорваны кудрявые мотни.
Травили нас и дустами, и газами,
Но между тем домучить не могли.

Кто к нам придёт, пускай он только сунется,
Уж мы ему расскажем, что почём.
Лохов помилуй, матушка-заступница,
Перед любым жлобом и щипачом.

Лохов помилуй. Остальным обломится,
О них ещё не раз мы щебетнём,
Когда нагрянет осень-уголовница
И кликнет пидорасов с чифирём.

* * *

От генезиса гекатомбы
До люлей по-охотнорядски,
Вседержителю, где мы, кто мы?
Не понять, при такой-то тряске.

Промытаренные в подщипах,
Обнулённых счетов остаток,
Четвериком сухих песчинок
Перетрясываемся в плацкартах.

При заносах почти рекордных,
Обездолены и бездетны,
На мелькающих перегонах
Колготимся горохом в стены,

Наподобие тех букашек,
Что, чуть взблещет над степью сполох,
Так и сыплются с мест багажных,
Так и сыплются с верхних полок...

И, едва ротком яйцеглотным
Выклика непобедимых,
Государство ревёт циклопом,
Будто гвоздь ему влез в ботинок,

Улыбаемся — закозлило,
И, повзводно бритоголовы,
Умираем по стойке смирно,
Ко всему и всегда готовы.

И капелью звенит капляем
Наше чайные колдовское,
Поколение за поколеньем
Обрывая на полуслове.

* * *

Как попаданцы с подлизанцами
Блатуют в плазменных экранах,
И корчится цивилизация,
Чей век и так прискорбно краток,

Лютует вольница казацкая,
И может призанять силёнок
На героические цацканья
Коричневевущих зелёных.

Но уголька-то — слышишь? — хочется,
Донбасского, составов триста,
Во славу хипстерского скопчества,
Бомжового саксофониста.

Куда ж ты прёшь, герой-стахановец,
Когда дружки твои струхнули,
Заслышав грохотанье гаубиц
При развитой инфраструктуре?

Поной-поной, как ноет ссадина,
Сиди по эглеты в попкорне,
Улавливая подсознательно
Простые признаки погони.

* * *

Когда доносится с полей
Пустого августа пыланье,
Как думать о земле своей,
Осмыслить, чем она была мне?
Здесь камень дерево рождал,
И буйный ветер буруны пенил,
И огненный катился шквал,
Селеня обращая в пепел,

Мотая нервы на кишки,
Имущи и великолепны,
Топтали утварь, книги жгли,
Служили долгие молебны,
И пред оплавленной лозой
Клялись изрубленной скотине:
Никто не минет алых зорь
При цесаре и господине.

Но в пляске круговых порук
Ещё мы здесь, ещё мы братья,
И зверством ли исчерпан круг
Служенья истине и правде?
Так, ни на год не повзрослев,
Ни шепелявый, ни картавый
Не прерывается распев,
Что разрешается октавой.

СТОЛЕТИЮ

Опущенным так, что родни не зашкварь,
Галдишь с батарейной прислужгой:
Одно неизменно – чиновная шваль
Да бедный народ саблезубый.
...Так что же в остатке? Путиами реформ
Антихриста и Брэдоброя
На гульбище гольем, как стыд, угревом
Измучились до одуренья.

Давно ли фабричной молились елде,
Сигая из полуботинок?
Уже ни рабочих нормальных нигде,
Ни поводырей их партийных.
...Гудок раздавался, состав прибывал,
В прожарках бельё кипятили...
Закрыты гештальты; и ревтрибунал
Развеян, как стяги в Путивле.

Никто не упомянет совхозных сельчан,
Казавшихся тверди древнее,
Когда революции дух измельчал,
Поставив на употребленье.
И где теперь этот базарный раёк,
По ком голосит ассамблея,
Когда через годы и страны пролёт
Венозный рубец Мавзолея?

Никто б не заметил, как век миновал,
Что судьбы, как семечки лузгал,
Блюди, как завет, родовой мануал,
На свойственном великолукском,
Но разве ему задержаться в дверях
Закатом с косыми лучами,
Когда потопляется гордый «Варяг»
Под бляенье барской овчарни?

* * *

Пока партийный гад иль гадов съезд
Ножи вострят на Родину святую,
Прикрывши список донесений с мест,
Откинувшись к стене, свечу задую.

В них англичанин, помыслом высок,
Со всей Европы стаскивавший юбку,
Уж не глядит, как плавится Восток,
Но ошутимо притекает к Югу,

Перекривившись, точно мануал,
Пытает языков, уныл и мрачен,
И век его разведок миновал,
И черепом лоснится средь арапчин.

И крах, что из бессилья вытекал,
Вершится. Растворяются, поблекнув,
И Мекка, и Москва, и Ватикан,
Неразличимый сонм иных объектов...

И, отголоском выстрела звуча,
Для мира, что чешуйчат и мозайчат,
Одна моя задутая свеча
Жива лишь тем, что ничего не значит.

* * *

Присядь на койку, клан сопран,
Цвети, календула.
Вернулся, вещи разобрал —
Москвы как не было.

...Ты пробочку-то отверни.
Прости, чудовище.
Порвали сланцы мы твои.
Размерчик тот ещё.

Пока ты, зёма, пребывал
В общенье с массаами,
По ком-то плакал трибунал.
Едва отмазали.
Херовый вышел эпизод.
Бардак с высотами.
Потерь на двадцать из двухсот.
Одни двухсотые.

Из худших выбирая зол
Косое зыркание,
Сложили рапорты на стол
Косноязыкие.

Разведка поздно засекала
Куначьи шнобели,
И жахнула из-за села
Поддержка, чтоб её.

Проси теперь у катаракт
Негабаритного...
Что срочка арте, что контракт,
Ультрамариново.

Ещё он толком не подсох,
Не вмёрз проталиной
В чеченский плавленный песок
Их профиль вдавленный.

Ни бега им сквозь облака,
Ни дома отчего.
Давай ещё по два глотка,
И — в томагочево.

СНОС

Красные, белые, вот вам симптом:
Школу сносили в посёлке степном.
Нравом крута, на подбор диковата,
Вторглась приезжая зондер-команда.
Как ни просили оставить под клуб,
Скоро дотянутся и до халуп.

Чёрный прораб со своим сволочьём
Вымолвил хрипло — отсюда начнём.
С ночи ещё подогнали бульдозер,
Весь палисадник щитом оббелозил,
Если район порешил — без обид,
Без толку школа в посёлке стоит.

Сруб изогнулся — куда вы меня?
Эй, кергуду, что ли, барбамбия?
Вздыбилась пыль, но ещё не осела,
Взмыли плакаты — тигрица и зебра,
— Кто вас рожал, немчура, татарва ль?
— Русские мы. Ну-ка, вдарь, отоварь!

Смены и то отпросились из шахт.
Семеро школьников плачут-визжат.
Что за народец? Боль головная.
Кто-то припомнил, как церковь ломали...
Рявкнул искон, раскатилась изба.
Нет на земле твоего естества.

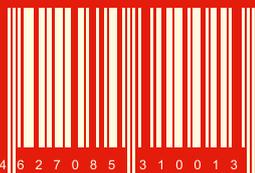
* * *

Не туч тасуемой колодой —
Отливкой в облачных тисках
Восходит март во мгле холодной,
Поблёскивая, как тесак.
И ёжась между околесиц,
Что в ночь составами текли,
Душа, как мрачный конголезец,
Выходит из густой тени,

И застывает на просторе,
Где, изморозь полям стеля,
Распахивается раздолье,
Потягивается земля —
И я, без денег, документов
Стою, дивясь, как пилигрим,
По серости недокумекав,
Кто распростёрся перед ним.

Отчизна, мать моя родная!
Любой, свята или подла,
Какими б низкими врунами
Оплёвана ты ни была,
Я твой росток, я твой изгнанник,
Наколотый на лезвия
Чудес твоих, чудес бескрайних,
Протянутых через меня.

4 6 2 7 0 8 5 | 3 1 0 0 1 3